

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск семнадцатый

Этническая демография

Москва
МАКС Пресс
2010

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. Ломоносова

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Выпуск семнадцатый

Этническая демография

Под редакцией
И.А. Даниловой, О.А. Хараевой

Москва
2010

Редакционная коллегия сборника
"Демографические исследования":
М. Б. Денисенко, И.А Данилова, Н.Г. Джанаева, В. В. Елизаров,
Н.Г. Настясяк, М.М.Симкина, О.А. Хараева.

Этническая демография. Сборник статей/ Под ред. И.А. Даниловой, О.А Хараевой – М.: МАКС Пресс, 2010. – ("Демографические исследования", вып. 17)

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных статей посвящен изучению демографического развития отдельных народов и этнической дифференциации демографических и миграционных процессов в России и зарубежных странах.

Выпуск сборника приурочен к международной конференции **«Шестые Валентеевские чтения. Проблемы народонаселения в зеркале истории»**.

Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке Представительства Фонда ООН в области народонаселения в России (UNFPA).

За содержание представленных материалов отвечают авторы. Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакторов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Денисенко М.Б. Компоненты изменения численности народов России в 1990-х гг... 7	7
Мукомель В.И. Миграционная политика в контексте этнодемографического развития: вызовы, достижения, упущения.....	24
Данилова И.А. Этническая демография в системе наук о народонаселении.....	52
Дорофеева Д.Ю., Савоскул М.С. Изменение этнической мозаичности регионов России.....	72
Мостахова Т.С. Этническая специфика демографического развития в Республике Саха (Якутия).....	94
Савоскул М.С. Уроки миграции: модели и факторы адаптации поздних переселенцев в Германии	112
Карвальо Х.А., Вуд Ч.Х. Оценка стабильности расовых/этнических классификаций на основе данных переписей: пример Бразилии	132
Королева М.В., Синица А.Л. Гэльское население Шотландии: от истоков к современности.....	163
Сведения об авторах	192

Предисловие

Очередной сборник научных статей «Демографические исследования» посвящен изучению демографического развития отдельных народов и этнической дифференциации демографических и миграционных процессов в России и зарубежных странах.

Сборник открывает статья М.Б. Денисенко, которая посвящена анализу факторов, обусловивших изменение численности отдельных народов России и этнический состав населения страны в целом в 1990-е гг. На основе результатов переписей 1989 г. и 2002 г. и данных текущего учета в работе представлен баланс изменения численности более чем 40 народов РФ, что позволило автору оценить в абсолютных и относительных величинах вклад естественных, миграционных и этнических процессов в динамику численности народов, а также проверить качество данных переписи 2002 года.

В статье В.И. Мукомеля обсуждаются дискуссионные вопросы миграционной политики России в контексте этнодемографического развития страны. Автор прослеживает трансформацию подходов к регулированию миграционных процессов, институционального обеспечения миграционной политики и ее финансирования в истекшее десятилетие, и среди проблем отмечает неадекватность миграционной политики целям и задачам стратегического развития России, патернализм, спонтанность, нетранспарентность и непоследовательность принимаемых мер. В работе подчеркивается, что антимигрантские настроения принимающего населения и рестриктивная миграционная политика в условиях возрастающей конкуренции за труд иммигрантов способны развернуть потоки мигрантов из стран СНГ в другие государства. По мнению автора статьи, России необходима целенаправленная политика адаптации трудовых мигрантов и интеграции иммигрантов, реализация которой позволит преодолеть негативные последствия этносоциальной стратификации и сегрегации иммигрантов.

К исследованию изменений в этническом составе населения России во второй половине 20 в. обращаются в своей статье Д. Ю. Дорофеева и М.С.Савоскул. Авторами был проведен анализ показателей, количественно отражающих уровень этнического многообразия в полиэтничных регионах, которые были разработаны в отечественной науке во второй половине 20 в. В статье

представлены результаты расчетов мозаичности национального состава субъектов России на основе индекса Эккеля по данным переписей населения 1979 г., 1989 г. и 2002 г., что позволило авторам проследить характер изменения этнического состава регионов страны и провести классификацию субъектов РФ по уровню этнической многообразия.

Этнические особенности демографического развития в Республике Саха (Якутия) рассмотрены в статье Т.С. Мостаховой. В работе показана история формирования и динамика этнического состава населения региона. Автор исследует этнические различия в процессах рождаемости, смертности, миграции, брачности, разводимости и возрастной структуры наиболее многочисленных народов республики – якутов и русских.

М.С.Савоскул анализирует проблемы интеграции переселенцев в принимающее общество, роль социальных институтов и индивидуальных характеристик мигрантов на примере российских немцев (и немцев из стран СНГ) в Германии. В ходе исследования было проведено около ста биографических и двадцати экспертных интервью, на основе которых автором были выявлены наиболее типичные адаптационные модели поведения переселенцев и факторы интеграции.

Статья Х.А. Карвальо и Ч.Х.Вуда посвящена изучению стабильности расовой идентичности населения Бразилии на основе анализа данных переписей в 1950-1990 гг. Авторы рассматривают дискуссионные вопросы сбора расовой информации и классификации населения по цвету кожи и предлагают методы количественной оценки уровня расовой реклассификации, возникающей вследствие перемещения населения из одной цветовой группы в другую.

М.В. Королева и А.Л.Синица рассматривают в своей статье историю гэльского населения Шотландии. Авторами представлен подробный анализ вопросов определения гэльской этнической группы и учета гэлоговорящего населения. Как отмечается в работе, длительная англоизация обусловила разрушение традиционного уклада жизни и изменение самосознание гэльского населения. Авторы особо подчеркивают необходимость сохранения языка как важного условия сохранения этнической идентичности.

Даже небольшая подборка статей, представленных в данном сборнике, свидетельствует о разнообразных направлениях этнодемографических исследований, взаимосвязи с другими

науками, многообразии использованной информации, материалов и методов. В статье И.А. Даниловой говорится об основных задачах этнической демографии, проводится обзор этнодемографических исследований ведущих российских ученых – В.И. Козлова, С.И. Брука, Ю.В. Бромля, В.А. Тишкова и др. Развитие данного научного направления является не только необходимым условием углубления знаний о народах России, понимания происходящих этнополитических процессов, но и перспективным с точки зрения формирования социально-демографической и миграционной политики.

Авторы сборника надеются, что их работа будет способствовать повышению интереса к данной проблематике, и читатели найдут на его страницах полезную информацию.

Денисенко М.Б.

КОМПОНЕНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАРОДОВ РОССИИ В 1990-Х ГГ.

В многонациональных странах, несомненно, одним из самых важных по причинам, как политического, так и экономического характера, является вопрос о факторах, меняющих численность отдельных народов и этнический состав населения в целом. Применительно к России наиболее точный ответ на этот вопрос можно дать для периода между всеобщими переписями 1989 г. и 2002 г., поскольку именно на этом временном интервале практически ежегодно велась разработка данных учета демографических событий и миграции почти для полусотни национальностей страны. Оценка влияния демографических факторов (естественного и миграционного движения) на динамику численности народов России в 1989-1998 гг. была выполнена в 1999 году российским демографом Д.Д.Богоявленским.¹ В данной работе на основе результатов переписей 1989 и 2002 гг. и данных текущего учета подводятся баланс изменения численности более чем 40 народов России. Это позволило оценить в абсолютных и относительных величинах вклад не только естественных и миграционных процессов, но также и третьей не менее важной составляющей в динамику численности народов - собственно этнических процессов. Кроме того, полученные результаты в определенной степени позволяют проверить качество переписи 2002 года и установить пределы возможных ошибок учета.

¹Д.Д.Богоявленский выполнил оценки по восстановлению демографического баланса народов России за 1989-1998 гг. (см.: Богоявленский Д. Этнический состав населения России / Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека ИНИ РАН №41, ноябрь 1999 г.), а также для титульных народов бывших Союзных республик, проживающих в России, за 1989-2002 гг. (См.: Мкртчян Н.В. Влияние миграции на изменение этнического состава населения России и ее регионов: предварительная оценка итогов Переписи населения-2002 / Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой – М.: УОП ИЭА РАН, 2005. с. 51-60)

Метод

Для раскрытия механизма изменений в этническом составе населения России можно применить метод демографического баланса. Если известны числа рождений и смертей, а также иммигрантов и эмигрантов, то изменение численности населения страны за определенный период времени $(0, t)$ количественно выражается **уравнением демографического баланса или основным демографическим уравнением**:

$$P(t) = P(0) + \{B(0, t) - D(0, t)\} + \{I(0, t) - E(0, t)\}, \quad (1)$$

где $P(0)$ и $P(t)$ – численности населения в начале и конце исследуемого периода $(0, t)$;

$B(0, t)$ – число родившихся за период $(0, t)$;

$D(0, t)$ – число умерших за период $(0, t)$;

$I(0, t)$ – число иммигрантов за период $(0, t)$;

$E(0, t)$ – число эмигрантов за период $(0, t)$.

Уравнение демографического баланса также можно записать в виде соотношения между общим, естественным и миграционным приростами населения:

$$\Delta P = \Delta R + \Delta M,$$

где $\Delta P = P(t) - P(0)$ – общий прирост населения;

$\Delta R = \{B(0, t) - D(0, t)\}$ – естественный прирост населения;

$\Delta M = \{I(0, t) - E(0, t)\}$ – миграционный прирост населения.

Однако, как известно, демографические данные не идеальны даже в развитых странах с налаженным статистическим учетом. Поэтому балансовое уравнение используется для определения величины и источника ошибок в учете населения.¹ Разность между общим приростом, вычисленным по данным переписей населения, и общим приростом, рассчитанным по данным текущего учета демографических событий и миграции, называется «*ошибкой закрытия баланса*» (O). Можно записать

$$\Delta P = \Delta R + \Delta M + O$$

Как правило, эта ошибка связана с недостатками текущего учета, в первую очередь – с учетом миграции. Реже – с недоучетом или

¹ Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М., Демография. М., 2005. С. 252-253.

переучетом населения в переписях. Очевидно, что чем меньше ошибка, тем выше качество демографической статистики.

Как известно, численность народов изменяется в результате не только демографических, но и этнических процессов. Если статистические данные разрабатываются по национальному признаку, то в балансовое уравнение можно ввести естественный и миграционный прирост для отдельных национальностей. В случае высокого качества текущего учета и переписей, ошибка закрытия баланса будет отражать масштабы другого фактора изменения численности народов - ассимиляции и смены этнической идентичности. Кроме того, из-за недостатков статистического наблюдения, эта ошибка включает в себя также: (1) расхождения, связанные с несовпадением методик учета национальной принадлежности населения в переписях и текущем учете; (2) ошибки учета рождений, (3) ошибки учета смертей, (4) недоучет мигрантов; (5) ошибки, связанные с определением этнической принадлежности при проведении переписей; (6) ошибки, обусловленные завышением или неполным учетом общей численности населения на данной территории. Несмотря на столь сложную природу, анализ ошибки закрытия баланса может позволить уточнить вклад тех или иных факторов в изменение численности народов.

Информация

Точкой отсчета для изучения этнического состава населения России в постсоветский период является перепись 1989 года. Как и во всех предыдущих советских переписях, переписной лист этой переписи содержал вопросы о национальной принадлежности и о родном языке, а также других языках народов СССР, которыми владел опрашиваемый. Итог этнодемографическим изменениям, произошедшим в 1990-х гг., подвела первая проведенная после распада СССР Всероссийская перепись населения 2002 года. Ее переписные листы сохраняли преемственность с предыдущими переписями и содержали прямой вопрос о национальной принадлежности, ответ на который давался по самоопределению.

Необходимо отметить, что методы проведения и проверки полноты и качества учета в переписи 2002 года, особенно на отдельных территориях Российской Федерации, по мнению ряда

авторитетных специалистов демографов, статистиков, этнологов, поставили под сомнение некоторые из полученных результатов.¹ По мнению известного американского демографа С.Максудова, из-за двойного учета одних и тех же людей численность населения на территории Чечни и Ингушетии оказалась сильно преувеличенной.² Д. Богоявленский оценивал завышение численности народов Северного Кавказа в переписи 2002 г. в 820 тыс. человек.³ О переоценке населения на Юге России, главным образом в Чеченской республике, республиках Дагестан и Кабардино-Балкарии, суммарно в 1 млн. человек писал Н.В. Мкртчян.⁴ Подобных вопросов не возникало при проведении переписи 1989 года.

Но при проведении переписи 2002 года, и, вероятно, переписи 1989 года, в ряде регионов страны изменение численности отдельных народов определялось, по замечанию известных российских этнологов В. Тишкова и В.Степанова, не только демографо-миграционными причинами, но и факторами политического характера. Отчасти проблема связана с процессами ассимиляции, отчасти - с неточностями учета этнической идентичности, на которую влияли «демографические игры» некоторых политиков.⁵

Начиная с 1988 г., с введением электронной обработки информации по всей территории России, собирались сведения по титульным национальностям бывших союзных республик, а также о

¹ Тольц М. Можно ли этому верить? Предварительные итоги переписи: желаемое за действительное. **Московские Новости** Выпуск 49, год 2002 (18.12.2002).

² Максудов С. Население Чечни: права ли перепись? / Демоскоп Weekly № 211-212, 29 августа – 11 сентября 2005 г./ <http://demoscope.ru/weekly/2005/0211/tema01.php>

³ Богоявленский Д.Д. Все ли российские народы верно посчитали? / Демоскоп Weekly № 319-320, 4 – 7 февраля 2008 г./ <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema03.php>

⁴ Мкртчян Н.В. Миграционная ситуация в Южном федеральном округе // "Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтническом кавказском регионе". Тезисы Международной научной конференции. Ставрополь, Изд-во СГУ, 2003. С. 156-164; Мкртчян Н. Перепись населения на юге России: откуда взялся лишний миллион? / Демоскоп Weekly № 155-156, 19 апреля - 2 мая 2004 г. <http://demoscope.ru/weekly/2004/0155/analit04.php>;

⁵ Тишков В.А., Степанов В.В. "Российская перепись 2002 г. в этническом измерении" / Демоскоп Weekly № 155-156, 19 апреля – 2 мая 2004 г./ <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/tema03.php>

евреях, немцах и татарах. С 1991 г., к ним добавились еще и титульные национальности автономных образований в составе России, данные по которым до этого разрабатывались в автономных республиках, областях и округах. В итоге по всей территории России выделялись общие данные о естественном движении по 49 национальностям. Также, в 1988 г., органы госстатистики начали разрабатывать данные о национальном составе внешних и внутренних мигрантов.¹

Однако в конце 1990-х гг. в законодательстве Российской Федерации произошли важные изменения, оказавшие серьезное влияние на качество сбора демографических данных с учетом национального признака. Графа национальность была отменена в новых российских паспортах согласно «Положению о паспорте гражданина РФ», утвержденном постановлением Правительства РФ от 8 июля 1997 г. N 828.² С вступлением в силу Федерального закона «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г., № 143-ФЗ запись о национальности стала не обязательной при регистрации рождений, браков и смертей. Согласно закону, заполнение сведений о национальности в актах гражданского состояния о рождении и заключении (или расторжении) брака может производиться по желанию заявителя, в актах гражданского состояния о смерти - на основании документов, удостоверяющих личность.³ Разработка демографических данных по национальному признаку стала проводиться исключительно по инициативе статистических органов субъектов Российской Федерации. В итоге информация о национальной принадлежности родившихся, умерших, вступивших в брак или переехавших на новое место жительства постепенно стала ухудшаться. Так, в 1997 г. доля тех, чья национальность была не установлена, в общем числе зарегистрированных событий

¹ Богоявленский Д.Д. Этнический состав населения России / Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека ИНП РАН №41, ноябрь 1999 г.

² Постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. N 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» (с изменениями от 25 сентября 1999 г., 5 января 2001 г., 22 января 2002 г., 2 июля 2003 г., 23 января 2004 г., 20 декабря 2006 г., 28 марта 2008 г.)/ <http://base.garant.ru/11900262.htm>

³ Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. N 143-ФЗ "Об актах гражданского состояния" (с изменениями и дополнениями)/ <http://www.garant.ru/law/73972-000.htm>

составляла: среди родившихся 0,2%, среди умерших – 1,5%. В 2000 эти же величины соответственно увеличились до 10,6% и 4%, в 2002 г. они уже составляли 28% и 15%. Среди прибывших из-за пределов России в публикациях Росстата категория «не указавшие национальность» особо не выделялись¹, они входили в состав «других» - всего их начитывалось в 1997 г. 1,2%, среди выбывших за границы России «других» было 2,1%. 2002 г. не указавших национальность было уже 13% и 14% соответственно. Однако, за весь 13-летний межпереписной период доля «не указавших национальность» в 1998-2002 гг. в общем числе родившихся, умерших или внешних мигрантов не превышала 4%.

Результаты

В таблице 1 приведены оценки баланса для тех народов России, по которым в 1990-х гг. разрабатывались данные текущего учета демографических событий. Общий прирост оценен как разность между численностью населения на дату проведения переписи 2002 года (9 октября) и численностью населения по переписи 1989 года (12 января). Оценки двух компонент демографического баланса, т.е. естественного и миграционного приростов, выполнялись с поправкой на точную продолжительность межпереписного периода. Как отмечалось выше, в 1989-1990 гг. прямые данные по рождениям и смертям для титульных народов автономных образований разрабатывались только в границах самих образований. Необходимые оценки для этих народов за указанные два года в границах всей России, а также по чеченцам за 1993-1998 гг. и ингушам за 1993-1994 гг., по которым такая информация отсутствует, были выполнены Д. Богоявленским и использовались в данной работе.²

Народы России расположены в таблице в порядке возрастания значений колонки [7], представляющих собой отношение общего прироста к численности народа в 1989 году. Эта величина показывает, на сколько % выросла или сократилась (со

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 1997 году. Статбюллетень. М.: 1998, с. 72-75

² Богоявленский Д. Этнический состав населения России / Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека ИНП РАН №41, ноябрь 1999 г.

знаком “-”) численность того или иного народа за изучаемый период. Аналогичным образом интерпретируются показатели колонок [8],[9] и [10]. Абсолютное значение ошибки закрытия баланса (колонка [6]) можно интерпретировать следующим образом. Если ее значение положительно, т.е. оценки прироста по переписи превосходят ожидаемые оценки по данным текущей регистрации демографических событий и миграции, то мы имеем дело или с недоучетом миграционного притока, или со сменой идентичности в пользу данного народа, или с завышенными оценками численности народа в момент последней переписи. Ошибки в оценках естественного прироста не могли быть значительными. Как отмечалось выше, вплоть до конца 1990-х гг. разработка данных о рождаемости и смертности по национальному признаку находилась в целом в удовлетворительном состоянии, и число родившихся и умерших без указания национальности не превышало несколько процентов. Если значение ошибки отрицательно, т.е. ожидаемые оценки по данным текущего учета выше оценки общего прироста по данным переписи, то можно говорить о возможном недоучете численности в переписях, недоучете миграционного оттока, смене идентичности в пользу других народов. Следует отметить, что полученные данные о составляющих динамики численности той или иной этнической группы приблизительны. Однако их анализ позволяет понять в общих чертах роли естественного воспроизводства, миграции и межэтнических процессов в динамике численности наиболее крупных этносов, проживающих как в России.

Наиболее заметно уменьшилась численность евреев (более, чем в 2 раза), народов Прибалтики (более, чем на 1/3), украинцев, белорусов и немцев (примерно на 1/3). Однако, вклад в динамику численности каждого из этих народов каждого из трех факторов различался. Резкое снижение численности евреев, прежде всего, объясняется их массовой эмиграцией. В очень небольшой степени выезд за пределы постсоветского пространства компенсировался их притоком из стран нового зарубежья в Россию. Хотя, до середины 1990-х гг. значимое влияние на динамику еврейского населения оказало устойчивое и значительное превышение числа умерших над числом родившихся из-за почти двукратного падения суммарного коэффициента рождаемости до чрезвычайно низкого уровня (0,8 в 1993-94 гг.) и очень старой возрастной структуры. Отрицательная ошибка закрытия баланса в данном случае отражает, прежде всего,

этническую ассимиляцию, минимальные масштабы которой в 1989-2002 гг. оцениваются в 20 тыс. человек, и недоучет эмиграционного оттока.¹

Численность украинцев, белорусов, сокращалась, прежде всего, под влиянием смены идентичности в пользу русских, что отражает значительная по абсолютной величине и отрицательная по знаку величина ошибки закрытия баланса. Для украинцев она составила 1,2 млн. человек. Похожие процессы у этих народов имели место и ранее². Оснований предполагать нерегистрируемый массовый выезд этих народов в "свои" страны мы не имеем, скорее всего, имел место обратный процесс. Количество украинцев и белорусов уменьшалось и под влиянием существенной естественной убыли, но ее вклад в динамику был заметно меньшим по сравнению с этническими процессами. Схожей была структура механизма, меняющего численность прибалтийских народов, за исключением того, что в этом случае имеются основания говорить о наличии некоторого недоучета эмигрантов.

Внешняя миграция в значительной степени определяла динамику численности немцев. Вместе с тем, механизм изменений численности в изучаемый период отличался, во-первых, небольшим значением демографической компоненты, и, во-вторых, и это главное – вероятной сменой идентичности в пользу немецкой национальности, о чем говорит положительное значение ошибки закрытия баланса. Стимулом для этого являлись положения Конституции и Закон об изгнанных и беженцах (1954 г.), а с 1994 г. - Закона приеме переселенцев ФРГ, дающие право немцам по происхождению и культуре переселяться в Германию.³

Процессы этнической ассимиляции определяли большую часть убыли карелов, коми и коми-пермяков, мордвы, марийцев, удмуртов⁴ и чувашей¹, а также алтайцев и хакасов. Но, как известно,

¹ Более подробно о еврейском населении России и бывших союзных республик см.: Тольц М. Российские евреи: пример убывающего населения. Mark Tolts The Post-Soviet Jewish Population in Russia and the World. Jews in Russia and Eastern Europe, 2004, No. 1 (52): 37-63.

² Богоявленский Д.Д. Этнический состав населения России / Население и общество. Информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНП РАН № 41, ноябрь 1999 г., с. 1

³ Закон о приеме переселенцев также предполагает владение немецким языком.

⁴ Лаллукка Сеппо Восточно-Финские народы России. Санкт-Петербург: «Европейский Дом», 1997.

большинство из перечисленных народов были подвержены значительной этнической ассимиляции русскими на протяжении последнего полувека. О каком-либо значимом недоучете эмиграционного оттока применительно к этим коренным народам России говорить не приходится. Скорее можно предположить, что существовал недоучет прибывших мигрантов из бывших союзных республик. Вместе с тем, нельзя не отметить и значимую негативную роль на динамику численности особенно у карелов и мордвы естественного прироста.

У русских, наиболее многочисленного народа России, естественная убыль составила 8 млн. человек, что составляет 6,7% по отношению к численности на дату переписи 1989 г. Более интенсивной естественная убыль была у некоторых «титulyных» российских народов, например, мордвы, карелов, а также у евреев, украинцев, белорусов и народов Прибалтики. Из таблицы 1 видно, что отклонение численности русских в России от данных текущего учета составило +1047,7 тыс. чел. Основной причиной этого послужила, по всей видимости, смена идентичности. Видимо, этот процесс затронул смешанные русско-украинские и русско-белорусские семьи, в меньшей степени - семьи "титulyных" этносов России. Неучтенная текущим учетом иммиграция русских на территорию России также имела место, особенно в последние предпереписные годы, но ее роль в "прибавке" численности была, вероятно, меньшей, чем смена идентичности. Более того, миграционные и этнические процессы также должны были компенсировать убыль русских за счет недоучтенной эмиграции в страны дальнего зарубежья. По оценкам М.Б. Денисенко², основанным на статистических данных зарубежных стран, масштабы эмиграции из России как минимум были на 20% выше, чем по данным российской статистики. Среди эмигрантов последних лет были десятки тысяч тех, кто в момент заполнения переписных листов в ходе переписи 1989 г. указал национальность "русский".

В 1990-х гг. положительный прирост населения наблюдался у народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, которые

¹ Тишков В., Степанов В., Российская перепись в этническом измерении //Население и общество, 2004, № 81

² См., Денисенко М. Эмиграция из России по данным зарубежной статистики //Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 8. Статистика и учет миграции населения. Москва, "МАКС Пресс". С. 11-30.

отличались высокой рождаемостью, молодой возрастной структурой и относительно высоким естественным приростом населения (калмыки, буряты, тувинцы, якуты). С другой стороны, вклад миграции в динамику численности был не существенным. Не существенным был вклад и этнических процессов, поскольку ошибка закрытия демографического баланса для перечисленных четырех народов была незначительной по величине и самой низкой из всего списка национальностей, указанных в таблице 1.

Вместе с тем, заметное увеличение численности башкирского населения (на 25%) на фоне практически неизменной численности татар (5555 тыс. в 2002 вместо 5522 тыс. человек в 1989 г.), вызывает некоторые вопросы и комментарии. Демографические процессы не являются единственной причиной замедления роста численности татар, и опережающего роста численности башкир, отличающихся более молодым населением с более высоким уровнем рождаемости. По мнению В.Тишкова и В.Степанова, эта проблема связана отчасти с процессами ассимиляции, отчасти - с неточностями учета этнической идентичности. Речь на самом деле должна идти не о демографическом сокращении численности татар, а о достоверности произведенного учета населения в Башкортостане, где, как показала последняя советская перепись, татар насчитывалось больше, нежели башкир. В 2002 году соотношение получилось в обратной пропорции. Даже при низком уровне естественного прироста, не считая миграционного притока, численность татар в России, по сравнению с 1989 г., должна была вырасти на полмиллиона.¹

Превышение прироста численности народов Закавказья над данными текущего учета демографических событий и миграции, напротив, объясняется недоучетом иммиграции. Суммарное расхождение по этим народам составило 340 тыс. чел., и это вполне реальная цифра. Возможно, если бы при переписи удалось полнее учесть "нелегальных", а точнее, нефиксируемых статистикой иммигрантов, а также лиц, находящихся на территории России в течение короткого времени, отклонения были бы еще больше. Не исключено и влияние смены идентичности в пользу русских, особенно в смешанных семьях русских с армянами и грузинами.

¹ Тишков В., Степанов В., Российская перепись в этническом измерении /Население и общество, 2004, № 81

Как видно из таблицы 1, у армян и азербайджанцев наблюдаются одни из самых высоких отношений ошибок закрытия баланса к численности населения 1989 года. Их опережают по значению этого показателя только ингуши и таджики. Видимо, нерегистрируемая иммиграция в Россию имеет "этническое лицо". Однако, как видно из поученных оценок, оснований считать, что накопленное число нелегальных иммигрантов из Закавказья в 1990-х гг. превышало число учтенных мигрантов на порядок, не было.

В отличие от народов Закавказья численность народов Средней Азии по данным переписей 1989 и 2002 года менялась разнонаправленно. За указанный межпереписной период рост численности таджиков был самым высоким среди народов России - более, чем в 3 раза. Он был обусловлен значительным притоком вынужденных мигрантов из Таджикистана, который вызвала гражданская война и экономическая разруха 1992-1997 гг. Численность казахов осталась практически неизменной (прирост 2,8%), а других титульных народов Средней Азии - киргизов, туркмен и узбеков - несколько уменьшилась. У всех среднеазиатских народов зафиксирован положительный естественный прирост. Вместе с тем, положительный миграционный прирост помимо таджиков зарегистрирован только у узбеков. Высокое абсолютное значение ошибки закрытия баланса с отрицательным знаком казахов, киргизов, туркмен и узбеков свидетельствует не о недоучете выбытия в эти республики, а скорее об изменении национальной принадлежности в пользу русских, и других народов России, например, в пользу татар. Положительное значение ошибки закрытия баланса у таджиков подтверждает предположение о недоучете притока мигрантов данной национальности в Российскую Федерацию в 1990-х гг.

Особое место по количественным характеристикам демографической динамики и ее компонентам занимают народы Северного Кавказа. Народы этих республик в период демографического кризиса продемонстрировали удивительно высокий прирост (см. табл. 1). Он был выше, чем в предыдущий межпереписной период, даже с учетом его увеличения на 3,75 года (ведь между переписями 1989 и 2002 г. прошло 13,75 лет). Так, за 1979-1988 гг. численность чеченцев выросла на 26,2%, а за 1989-2002 гг. - на 51,3%, т.е. в полтора раза (!), и это несмотря на две чеченских войны. За те же периоды численность ингушей увеличилась на 29,6 % и на 92%, т.е. почти в 2 раза (!), аварцев - на

24,1 и 49,7%, кумыков – на 22,7% и 54%. Среднегодовые темпы прироста численности за 1989-2002 гг. составили у ингушей – 4,8%, чеченцев, аварцев и кумыков – более 3%, у лезгин -3,4%.

Основываясь на историческом опыте населения разных стран мира, можно отметить, что столь высокие темпы прироста наблюдаются в период демографического взрыва при наличии миграционного притока. Чуть медленнее увеличивалась численность кабардинцев и балкарцев. Сравнительно медленный прирост по кавказским меркам отличал черкесов, осетин, карачаевцев. Несмотря на демографический кризис, который затронул и эти народы, они отличались положительным естественным приростом, который обеспечивался относительно высокими показателями рождаемости, и их молодой возрастной структурой.

Объяснить прирост численности народов Северного Кавказа международной миграцией также невозможно. Об этом свидетельствуют данные таблицы 1 о миграционном приросте зарегистрированной миграции. Массового притока северокавказских народов из стран ближнего зарубежья в 90-е гг., за исключением осетин, в легальной или нелегальной форме не исключалось, а миграционный потенциал был уже практически полностью исчерпан к 1989 г. В Казахской ССР, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., насчитывалось 49,5 тыс. чеченцев, 19,9 тыс. ингушей, иных народов, имеющих на Северном Кавказе свои национально-территориальные автономии - и того менее¹. Кроме того, их прибытие фиксировалось данными официальной статистики, в т. ч. и по Чечено-Ингушской Республике: за 1989-1991 гг. прирост населения Чечено-Ингушской республики за счет миграции из других республик СССР составил 8 тыс. чел. В 1992-1993 гг. приток сменяется убылью (по вполне понятным причинам), более поздние данные отсутствуют. О том, что в Казахстане сохранились чеченская и ингушская диаспоры, свидетельствуют данные переписи населения 1999 г. в этой республике: численность чеченцев составила 31,8 тыс. чел., ингушей - 16,9 тыс.²

¹ Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М.: Финансы и статистика, 1991. С. 102.

² Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 4, Ч. 1. Алматы, 2000. С. 13-14.

Вместе с тем, ошибка закрытия баланса для северокавказских народов велика. У балкарцев и ингушей на нее приходится почти 70% общего прироста населения, у кабардинцев – 60%, у чеченцев – 55%, у народов Дагестана, карачаевцев и черкесов – от 44 до 50%, и лишь у осетин – 32%. В общей сложности оценка ошибки закрытия баланса составляет 930 тыс. человек, из них у чеченцев порядка 255 тыс., у народов Дагестана – около 345 тыс., у ингушей – 135 тыс. человек. Не представляется возможным объяснить столь масштабные изменения недоучетом числа рождений и смертей, которые, несомненно, имели место в данных республиках, а также недоучетом миграции или этническими процессами.

В связи с этим в научной среде был поднят отдельно вопрос о корректности переписного учета ряда народов Северного Кавказа, а точнее – вопрос точности счета населения в отдельных субъектах юга России (Чеченской республике, Республиках Дагестан и Кабардино-Балкария), о чем говорилось в предыдущем разделе. Некоторые оценки преувеличения численности населения этих республик и их соседей по переписи 2002 г. составляют почти на 1 млн. человек, что соответствует вышеприведенной оценке ошибки закрытия демографического баланса для народов Северного Кавказа¹.

Выводы

Таким образом, за межпереписной период 1989-2002 гг. в России наибольшее сокращение численности отмечено у тех народов, для которых была характерна и естественная убыль, и миграционный отток (либо близкий к «нулю» баланс миграции) – евреи, немцы, прибалтийские народы. Также существенно уменьшилась численность народов, в отношении которых можно предположить массовые случаи смены идентичности, прежде всего в пользу русских как «государствообразующего» этноса – украинцев, белорусов, некоторых народов Поволжья.

Рост численности был отмечен у народов, которые в 1990-е гг. сохранили естественный прирост, прежде всего за счет

¹ Подробнее см.: Мкртчян Н.В. Миграционная ситуация в Южном федеральном округе // "Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтническом кавказском регионе". Тезисы Международной научной конференции. Ставрополь, Изд-во СГУ, 2003. С. 156-164.

сравнительно «молодой» возрастной структуры, а также имели положительный миграционный прирост – таджики, народы Закавказья, осетины. Похожая динамика могла бы быть и у других коренных народов Средней Азии, прежде всего киргизов и узбеков, но, по-видимому, у них могла иметь место смена самоидентификации, в сочетании с недостаточным охватом участия в переписи.

Как видно, в изучаемый исторический период имела место не учитываемая текущим учетом иммиграция, и она влияла на динамику численности отдельных народов и этнического состава населения страны. Недоучтенный статистикой миграционный прирост населения, по оценке Н.Мкртчяна¹, немногим более чем наполовину состоял из русских (зафиксированный статистикой прирост - на 81%), около 30% переписной поправки приходится на народы Закавказья (по данным текущего учета - 13%), другие народы, включая титульные российские, обеспечили остальной прирост. Таким образом, миграционный приток населения в Россию, обнаруженный переписью, гораздо более этнически пестр, чем это демонстрируют данные текущей статистики. О том, каков этнический состав мигрантов, не попавших в перепись, можно по-прежнему только догадываться.

Наконец, в отношении достаточно большой группы народов, прежде всего северокавказских народов, демонстрирующих интенсивный рост за последний межпереписной период, можно предположить некорректность подсчета в ходе проведения переписи 2002 года, что видно из большой ошибки закрытия баланса (таблица 1, колонки 6, 10). Причем, если в отношении татар и башкир можно предположить массовую смену идентичности (возможно, не вполне корректную), то в отношении народов Северного Кавказа приходится говорить о «двойном учете».

¹ Подробнее см.: Мкртчян Н.В. Влияние миграции на изменение этнического состава населения России и ее регионов: предварительная оценка итогов Переписи населения-2002 / Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой –М.: УОП ИЭА РАН, 2005. с. 51-60

Таблица 1

Компоненты изменения численности народов России, 1989-2002 гг. (тыс. человек)

Народы	Численность		Прирост за 12.01.1989-09.10.2002				Отношение к численности на 12 января 1989			
	12 января 1989	9 октября 2002	Общий	Естествен-ный	Миграцион-ный	Ошибка закрытия баланса	Общего прироста	Естествен-ного	Миграцион-ного	ошибка закрытия баланса
[0]	[1]	[2]	[3]=[2]-[1]	[4]	[5]	[6]=[3]-[4]-[5]	[7]=[3]/[1]*100	[8]=[4]/[1]*100	[9]=[5]/[1]*100	[10]=[6]/[4]*100
Всего	147021,9	145166,7	-1855,2	-7346,1	3812,4	1678,5	-1,3	-5,0	2,6	1,1
Евреи*	536,8	229,9	-306,9	-128,2	-142,1	-36,6	-57,2	-23,9	-26,5	-6,8
Эстонцы	46,4	28,1	-18,3	-10,1	0,7	-8,8	-39,4	-21,8	1,4	-19,0
Латыши	46,8	28,5	-18,3	-9,3	0,4	-9,3	-39,1	-20,0	0,8	-19,9
Литовцы	70,4	45,6	-24,8	-5,7	-1,9	-17,2	-35,3	-8,1	-2,7	-24,4
Белорусы	1206,2	808,0	-398,2	-135,7	19,6	-282,1	-33,0	-11,2	1,6	-23,4
Украинцы	4362,9	2943,0	-1419,9	-425,7	229,2	-1223,5	-32,5	-9,8	5,3	-28,0
Немцы	842,3	597,2	-245,1	-12,8	-332,9	100,6	-29,1	-1,5	-39,5	11,9
Карелы	124,9	93,3	-31,6	-27,1	0,9	-5,4	-25,3	-21,7	0,7	-4,3
Киргизы	41,7	31,8	-9,9	4,2	-4,8	-9,3	-23,7	10,0	-11,6	-22,2
Мордва	1072,9	843,4	-229,6	-125,9	25,9	-129,6	-21,4	-11,7	2,4	-12,1
Туркмены	39,7	33,1	-6,6	3,8	-1,9	-8,6	-16,7	9,6	-4,7	-21,6
Коми-пермяки	147,3	125,2	-22,1	-6,4	0,4	-16,0	-15,0	-4,3	0,2	-10,9

Коми	336,3	293,4	-42,9	-16,1	0,8	-27,6	-12,8	-4,8	0,2	-8,2
Удмурты	714,8	636,9	-77,9	-10,5	8,0	-75,4	-10,9	-1,5	1,1	-10,5
Чуваши	1773,6	1637,1	-136,5	1,5	21,0	-159,0	-7,7	0,1	1,2	-9,0
Марийцы	643,7	604,3	-39,4	8,2	9,0	-56,6	-6,1	1,3	1,4	-8,8
Хакасы	78,5	75,6	-2,9	1,5	0,6	-5,0	-3,7	1,9	0,8	-6,4
Русские	119865,9	115889,1	-3976,8	-8002,0	2977,6	1047,7	-3,3	-6,7	2,5	0,9
Узбеки	126,9	122,9	-4,0	6,7	13,5	-24,2	-3,1	5,3	10,6	-19,0
Алтайцы	69,4	67,2	-2,2	7,5	0,5	-10,2	-3,1	10,8	0,8	-14,7
Молдаване	172,7	172,3	-0,4	13,6	7,3	-21,3	-0,2	7,8	4,2	-12,3
Татары	5522,1	5554,6	32,5	-5,4	246,9	-209,0	0,6	-0,1	4,5	-3,8
Казахи	635,9	654,0	18,1	75,2	-10,2	-46,9	2,8	11,8	-1,6	-7,4
Адыгейцы	122,9	128,5	5,6	6,5	1,3	-2,2	4,6	5,3	1,1	-1,8
Калмыки	165,8	174,0	8,2	11,9	0,5	-4,1	4,9	7,2	0,3	-2,5
Буряты	417,4	445,2	27,8	42,4	0,8	-15,4	6,7	10,2	0,2	-3,7
Якуты	380,2	443,9	63,7	63,3	0,1	0,2	16,7	16,7	0,0	0,1
Тувинцы	206,2	243,4	37,2	37,6	0,3	-0,7	18,1	18,2	0,2	-0,3
Черкесы	50,8	60,5	9,7	4,3	0,7	4,8	19,1	8,4	1,3	9,4
Башкиры	1345,3	1673,4	328,1	87,9	43,0	197,2	24,4	6,5	3,2	14,7
Карачаевцы	150,3	192,2	41,9	20,3	1,2	20,4	27,9	13,5	0,8	13,6

Осетины	402,2	514,9	112,7	18,0	58,4	36,3	28,0	4,5	14,5	9,0
Кабардинцы	386,1	520,0	133,9	53,5	0,9	79,5	34,7	13,8	0,2	20,6
Балкарцы	78,3	108,4	30,1	7,6	1,0	21,5	38,5	9,7	1,3	27,4
Народы Дагестана	1746,938	2598,7	851,8	435,7	40,1	376,0	48,8	24,9	2,3	21,5
Чеченцы	899	1360,3	461,3	194,5	10,9	255,8	51,3	21,6	1,2	28,5
Грузины	130,7	197,9	67,2	4,9	46,3	16,0	51,4	3,8	35,5	12,2
Азербайджанцы	335,9	621,8	285,9	88,0	82,4	115,5	85,1	26,2	24,5	34,4
Ингуши	215,1	413,0	197,9	59,6	2,8	135,5	92,0	27,7	1,3	63,0
Армяне	532,4	1130,5	598,1	35,8	352,9	209,4	112,3	6,7	66,3	39,3
Таджики	38,2	120,1	81,9	4,0	33,5	44,4	214,5	10,4	87,8	116,3
Прочие	940,062	2705,5	1765,4	29,6	66,6	1669,2	187,8	3,1	7,1	177,6

Рассчитано по: неопубликованным данным Росстата; Итоги переписи населения 2002 года. Т. 14. Сводный том «Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года». М., 2005.; Богоявленский Д. Этнический состав населения России / Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека ИПП РАН №41, ноябрь 1999 г.

* - без учета горских, среднеазиатских (бухарских), грузинских и крымских (крымчаков) евреев

Мукомель В.И.

**МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ВЫЗОВЫ,
ДОСТИЖЕНИЯ, УПУЩЕНИЯ¹**

Имеются две альтернативные точки зрения на перспективы развития России. Согласно первой, Россия должна развиваться, базируясь на русско/православное культурное ядро. Приверженцы этой позиции, озабоченные социальными и этноконфессиональными последствиями миграций, склонны к изоляционизму и являются сторонниками жесткого ограничения притока иммигрантов.

Альтернативная позиция: исходя из долгосрочных демографических, экономических, и политических интересов России, без иммигрантов не обойтись. Особенно значимо сокращение численности трудовых ресурсов: по последнему прогнозу Федеральной службы статистики, в 2010-2030 гг. сокращение населения в трудоспособном возрасте составит 12,1 млн. человек. (При сокращении численности всего населения на 2,8 млн. человек. В этих расчетах уже учтена иммиграция в 7,7 млн. человек, существенно превышающая нынешнюю)².

Особенно критической будет ситуация в 2012-2017 гг., когда численность населения в трудоспособном возрасте будет ежегодно сокращаться более чем на 1 млн. человек.

Масштабное сокращение трудоспособного населения создает принципиально новую ситуацию на локальных рынках труда России. Дефицит трудовых ресурсов не может быть сглажен мерами демографической политики (результаты которых, при самых благоприятных условиях, скажутся после 2025 года, когда на рынок труда вольются поколения 2007-2008 гг. рождения). Нехватка рабочих рук не может быть сколько-нибудь существенно компенсирована повышением производительности труда, автоматизацией и механизацией производств – в силу того, что в

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) «Иммиграция в Россию: социальное измерение» (грант фонда МакАртуров № 06-88535-00-GSS).

² Средний вариант прогноза, рассчитано по: «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года». М.: Федеральная служба государственной статистики, 2009,
http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1140095525812.

современной, обслуживающей экономике основная часть рабочих мест создается в третичном и четвертичном секторах, где сложно механизировать труд.

По сути, единственным источником компенсации сокращения трудовых ресурсов на ближайшие десятилетия является миграция.¹ Однако для компенсации дефицита рабочих рук ближайших лет потребуется обеспечить миграционный прирост в разы.

И здесь с очевидностью встают проблемы четкого осознания новых проблем и новых вызовов, сопряженных с притоком иноэтничных иммигрантов, выходцев из иных социумов, с иными традициями и культурой межэтнических взаимодействий; изоляционистская точка зрения не лишена оснований. Фокус проблем миграционной политики России смещается в социально-культурную сферу, особое значение приобретают вопросы социализации иммигрантов, их адаптации и интеграции.

Социально-политический контекст миграционной политики

В 2000-х гг. кардинально изменился социально-политический контекст миграционной политики государства. Во-первых, миграционная и политика рассматривается властями, СМИ и общественностью в неразрывной связи с этнонациональной политикой. Особенностью российского дискурса является преувеличенное значение этничности: многие социальные, политические, экономические проблемы сводятся к поиску причин, лежащих в сфере этничности и межнациональных отношений, этническая принадлежность выступает ключевым маркером отношений «свой/чужой».

Во-вторых, миграционная и этнонациональная политика стали рассматриваться сквозь призму проблем национальной и общественной безопасности, приобретших исключительно важное значение в начале 2000-х. Возрастающее этно-культурное и этно-конфессиональное разнообразие общества - результат миграционных процессов, - способствовало поляризации взглядов политиков и общественного мнения на вопросы миграционной политики.

¹ В 2009 г. за счет иммигрантов практически полностью была компенсирована естественная убыль населения. Однако данные о масштабах иммиграции искажены: с 2007 г. в численность иммигрантов включаются иностранцы, получившие разрешение на временное проживание в текущем году, независимо от того, в каком году они прибыли в Россию.

В-третьих, ксенофобские настроения, разделяемые большинством населения России, проецируются на представителей мигрантских, не традиционных для данной местности меньшинств: особо негативно россияне относятся к выходцам из стран Закавказья и республик Северного Кавказа, государств Средней Азии, Юго-Восточной Азии, к цыганам. И это не позиция маргиналов: лозунг «Россия для русских!», по опросам социологов, поддерживается большинством респондентов ¹.

В-четвертых, миграционная политика стала рассматриваться властями не только как внутривнутриполитический, но и как внешнеполитический ресурс. Введение (или угроза введения) визового режима, натурализация граждан непризнанных государств, инициация переговоров о реадмиссии, проведение съездов граждан других государств накануне выборов в этих странах, стали обыденными инструментами внешней политики России на постсоветском пространстве.

В-пятых, произошли существенные сдвиги в самих миграционных процессах. Политические факторы миграции, доминировавшие в 1990-х, сошли на нет; решающее значение приобрели экономические мотивы. Приток иммигрантов снизился в 2000-х гг. на порядок, стабилизировавшись на относительно низком уровне; лишь каждый пятый иммигрант из СНГ постсоветского периода прибыл в Россию в 2000-х гг. Численность временных трудовых мигрантов, напротив, резко возросла: в настоящее время на российских рынках труда присутствует, по оценкам экспертов, до 5-6 млн. трудовых мигрантов, в большинстве своем являющихся представителями коренных этнических групп государств СНГ.

Антимигрантские настроения, культивируемые масс-медиа, муссируемые рядом публичных политиков, проникающие в массовую культуру и поддерживаемые отдельными представителями научной и творческой интеллигенции, стали постоянным фактором общественной жизни и общественного дискурса.

Социально-политический контекст крайне важен - миграционная политика имеет свои особенности, отличающие ее от политики в других социальных областях: иммиграция,

¹ По данным Левада-Центра, в ноябре 2009 г. 18% респондентов на вопрос: «как Вы относитесь к идее «Россия для русских»? ответили «поддерживаю, ее давно пора осуществить», еще 36% считали, что «ее неплохо было бы осуществить, но в разумных пределах». Лишь 32% ответили «отрицательно, это настоящий фашизм». Опрошено 1600 респондентов по репрезентативной выборке.

непосредственно не затрагивающая интересы большинства населения, либо воспринимаемая таковой, «выступает как «пустой символ», обеспечивающий полную свободу политической риторики», а высокий шанс морализирования – зависит скорее от контекста выработки политики, чем от особенностей иммиграции¹. Подверженность политической конъюнктуре, игнорирующей среднесрочные и долгосрочные вызовы и угрозы – имманентная черта миграционной политики.

Предыстория: трансформация миграционной политики в начале 2000-х

Многие сегодняшние проблемы реализации миграционной политики не могут быть адекватно восприняты вне контекста ее становления: зависимость от предшествующей траектории развития сполна сказывается на принятии решений в данной сфере.

На рубеже 2001-2002 гг. миграционная политика России, доселе вполне либеральная и адекватная вызовам того времени, подверглась коренному пересмотру². Приоритетным направлением миграционной политики стала борьба с незаконной миграцией.

Обозначив курс на борьбу с незаконной миграцией, федеральными властями были созданы правовые основы его проведения: в 2002 г. приняты жесткие законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и «О гражданстве Российской Федерации», в последующем существенно откорректированные. Застолбив курс на борьбу с незаконной миграцией Концепцией регулирования миграционных процессов в Российской Федерации (2003), власти сочли возможным отказаться от видимости гражданского контроля и сотрудничества со специалистами и НПО – в 2004 г. в очередной раз была ликвидирована Правительственная комиссия по миграционной политике³.

Законодательная база подвергалась коррекциям, вводящим

¹ К.Коданьоне. Миграционная политика как планирование наугад // Иммиграционная политика западных стран. Альтернативы для России. М.: MOM, 2002, с.20-23

² Анализ государственной миграционной политики России 1990-х и первой половины 2000-х гг. см.: Владимир Мукомель. Миграционная политика России: постсоветские контексты. - М.: Институт социологии РАН, Диполь, 2005

³ Первая ликвидация Правительственной комиссии состоялась в начале 2001 г. В настоящее время Правительственная комиссия восстановлена.

или ужесточавшим ответственность за нарушение действующего законодательства (новые редакция Уголовного кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Реорганизации подверглась Федеральная миграционная служба, переданная в МВД, напрямую подчиняющееся Президенту России¹. Президент определяет функции этого федерального органа исполнительной власти². (Одним из первых указов Президент России Д.Медведев зафиксировал сложившуюся практику: МВД России и подведомственная ему ФМС России отнесены к службам, «руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации»³).

Функции ФМС России были расширены в связи с передачей ей паспортно-визовой службы⁴. Существенно возрос аппарат ФМС и ее финансирование.

В сфере миграционной политики федеральные власти выстроили вертикаль, дающую возможность пресечения всяких поползновений субъектов Федерации на самостоятельную миграционную политику. Во-первых, федеральные власти инициировали расторжение договоров о разграничении предметов ведения и полномочий с органами государственной власти субъектов Федерации – в некоторых из них оговаривалось разграничение компетенции в области миграционной политики.

Во-вторых, в рамках кампании по приведению регионального законодательства в соответствии с федеральным, большинство законов и подзаконных актов субъектов Федерации, регламентирующие права мигрантов, регистрацию проживания и пребывания, правовое положение иностранцев и использования иностранной рабочей силы приведены в

¹ Статья 32 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» от 7 декабря 1997 года N 2-ФКЗ (в ред. Федерального конституционного закона от 19.06.2004 N 4-ФКЗ).

² Указ Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 года N 314 (в ред. Указа Президента РФ от 20.05.2004 N 649)

³ Структура федеральных органов исполнительной власти, утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2008 г., N 724

⁴ Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Федеральной миграционной службы» от 19 июля 2004 года N 928 (в ред. Указа Президента РФ от 06.10.2004 N 1285).

соответствие с Конституцией и законами Российской Федерации. Свою роль сыграло и принятие федерального закона о правовом положении иностранных граждан, отменившего действие соответствующих региональных нормативных правовых актов (2002).

В-третьих, в рамках кампании по изменению бюджетных взаимоотношений, нормативное правовое регулирование и обеспечение финансовыми ресурсами миграционной политики стали прерогативой федерального центра¹.

Самым болезненным шагом для регионов стали меры, лишившие их доступа к финансам федерального бюджета. После того, как Федеральная миграционная программа прекратила свое существование, регионы лишились важнейшего источника финансового обеспечения региональных миграционных программ, в рамках которых решали проблемы напряженности между местным населением и мигрантами. (Методика их разработки и принятия была такова, что федеральный центр и органы государственной власти регионов приходили к соглашению о совместном их финансированию). Если в 1990-х годах собственные миграционные программы реализовывали свыше двадцати регионов, то в 2010 г. – лишь две, в Москве и Оренбургской области.

В 2000-х гг. федеральные власти особое внимание уделяли выстраиванию жесткой вертикали, должной адекватно воспринимать и транслировать президентские установки на миграционную политику; трансформации подверглись все компоненты миграционной политики: законодательная база, организационное, инструментальное и финансовое ее обеспечение.

Основным итогом многочисленных пертурбаций в первой половине 2000-х гг. стала утрата системности, рассогласованность развития каждой из компонент миграционной политики, особо проявившаяся в ослаблении институционального и инструментального обеспечения миграционной политики и ее финансирования, снижение транспарентности миграционной политики².

¹ Программа развития бюджетного федерализма в Российской Федерации на период до 2005 г. (в ред. Постановления Правительства РФ от 06.02.2004 N 51), Приложение 1, п. 2.8.

² Если в сфере миграционной политики федеральные власти центральное внимание уделяли выстраиванию жесткой вертикали, должной адекватно воспринимать, транслировать и реализовывать президентские установки,

Новая миграционная политика: идеология и реализация

Президент России, обозначивший курс на ужесточение миграционной политики на рубеже 2001-2002 гг., в 2005 г. обеспечил ее очередной разворот на 180 градусов.

Тому имелось несколько причин. Во-первых, курс на борьбу с незаконной миграцией потерпел фиаско: руководство ФМС России с каждым годом давало новые, все более высокие оценки численности незаконных мигрантов в стране. Во-вторых, руководство страны обратило пристальное внимание на проблемы демографического развития, нашедшее логическое завершение в подготовке соответствующего национального проекта.

Продemonстрировавшая свою несостоятельность политика подверглась ревизии в марте 2005 года, когда было принято решение на Совете Безопасности, возглавляемом Президентом России, об ее либерализации, переориентации на привлечение иммигрантов.

Летом 2006 г. был принят соответствующий пакет федеральных законов: Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», внесены изменения и дополнения в федеральные законы о гражданстве и правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства и др.¹. Одновременно была утверждена Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников², подготовлена (однако до сих пор не принята) принципиально новая Концепция государственной миграционной политики.

совершенно иные процессы шли в сфере этнической (национальной) политики. Федеральная власть взяла курс на децентрализацию национальной политики, самоустранившись от ее разработки, реализации и сбрасывая ответственность на регионы.

¹ Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18 июля 2006 года N 109-ФЗ; Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" от 18 июля 2006 года N 110-ФЗ

² Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. N 637

Новая миграционная политика затрагивала три категории мигрантов: временных трудовых мигрантов из стран СНГ, которым облегчается доступ к рынкам труда и регистрации пребывания; иммигрантов, для которых существенно либерализованы процедуры получения разрешения на проживание; соотечественников, которым предусмотрены льготы при репатриации. Новая миграционная политика призвана облегчить приезд и обустройство иммигрантам, прибывающим в Россию по этим каналам, «расшить» нерешенные правовые и процедурные проблемы.

Существенное упрощение процедуры получения разрешения на работу иностранными гражданами, прибывшими в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы, принесло свои плоды. Резко возросло количество иностранных граждан, легально осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации: с 1,0 млн. человек в 2006 г. до 2,3 млн. разрешений в 2007 г., 2,1 млн. в 2008 г. и 1,5 млн. разрешений в 2009 г.

Реализация нового законодательства выявила ряд нерешенных проблем и в самих законах, и в их правоприменении. Однако наиболее серьезные издержки новой миграционной политики сопряжены с ее идеологической составляющей.

Во-первых, учитывая общественное мнение, негативно относящее к иноэтничным мигрантам, во главу угла была поставлена задача привлечения соотечественников, хотя миграционный потенциал этого контингента ограничен и не превышает 6-7 млн. человек.

Во-вторых, преобладает патерналистский подход; ожидалось, что соотечественникам будут созданы благоприятные условия: оплачен переезд, созданы рабочие места и инфраструктура, построено жилье и т.п.

В-третьих, предполагалось, что соотечественники будут направляться в регионы, теряющие население – Дальний Восток, Сибирь. Учитывая, что большинство потенциальных иммигрантов-соотечественников проживают в Центральной Азии, в иных природно-климатических условиях, эфемерность этой затеи очевидна.

В-четвертых, декларируется приоритетное привлечение из-за границы квалифицированных специалистов – тогда как российская экономика испытывает потребности в неквалифицированных и очень высококвалифицированных

работниках. (Ставка на приоритетное привлечение из-за границы «квалифицированных специалистов» – в понимании чиновников – не совсем адекватна: трудно надеяться, что из стран СНГ, на которые делается акцент, удастся привлечь действительно квалифицированные кадры в виду катастрофически ухудшившейся их подготовке после распада СССР).

В-пятых, идеология новой миграционной политики исходит из неочевидной посылки, что мигранты из стран СНГ никуда не денутся, Россия для них – единственно возможное направление и так будет всегда. Притягательность России обусловлена не только тем, что в ней есть работа и возможность заработка, но и знанием мигрантами языка принимающего населения и российских реалий, общностью традиций и культур, сохраняющихся и спустя полтора десятилетия после распада СССР, наличием родственных связей, коммуникаций. Однако столь благоприятная ситуация не вечна: конкуренция за рабочие руки нарастает. Если сегодня реальную конкуренцию России на постсоветском пространстве составляет лишь Казахстан, в ближайшие годы придется конкурировать с Украиной, Азербайджаном.

Однако наиболее серьезные издержки новой миграционной политики сопряжены с ее «советской» идеологией, убежденности в безграничных возможностях регулирования миграционных потоков. Абсолютно непонятна технократическая убежденность, что можно выявить спрос на рабочие руки в тех или иных регионах (да еще в разрезе специальностей) и все проблемы будут решены. Уже нет поголовной занятости в госсекторе, нет и почившего в бозе Госплана, но дух его жив. Госплановским подходом пронизаны как система отбора соотечественников, так и система квотирования разрешений на работу для «гастербайтеров».

Федеральный центр самонадеянно игнорирует интересы регионов, принимающего населения этих территорий, работодателей и самих мигрантов. Наиболее яркой демонстрацией серьезности вызовов и угроз, проистекающих вследствие игнорирования интересов различных акторов миграционной политики, является реализация программы репатриации соотечественников, фактически проваленной.

Программа репатриации предполагает, что федеральный центр берет на себя минимум обязательств: оплата расходов на переезд, уплату госпошлины за оформление документов, оплату подъемных, выплату ежемесячного пособия при отсутствии работы.

Такие «мелочи», как социальная поддержка, трудоустройство, обеспечение репатриантов жильем должны быть реализованы в рамках региональных программ.

Региональные власти достаточно быстро осознали негативные социальные последствия реализации Программы репатриации по сценарию, предлагаемому Федеральным центром, при котором неизбежно усиление напряженности между властями и населением региона, а также между местными и приезжими.

Осознав грядущие неприятности, регионы стали разными способами тормозить региональные Программы репатриации. Одни – демонстрируя готовность ее финансировать за мифические внебюджетные средства, кредиты, как Калининградская область. Другие – выказывая намерения финансировать Программу за счет работодателей (Приморский, Хабаровский края), третьи – за счет самих репатриантов (Амурская, Новосибирская области). Четвертые – предельно ясно выказав намерение выделить столько средств, что это похоже на издевательство: программой Калужской области предусматривалось выделить из бюджета на каждого соотечественника 110 рублей (треть из которых при том планировалось истратить на презентацию региональной программы за границей). Не назвать впечатляющими и средства, выделяемые на репатриацию соотечественников Тамбовской, Иркутской областями, Красноярским краем.

Особо впечатляют детали региональных программ репатриации. Заявленные вакансии – преимущественно в сельской местности или в пгт, с соответствующими, не впечатляющими заработками, как правило, раза в 1,5 ниже, чем в среднем по региону. Если имеются рабочие места в городе – то койко-место в общежитии без всяких перспектив.

Вообще, наибольшие сложности – с жильем для репатриантов. Например, в Калужской области в конце 2009 г. предлагалось 948 вакансий, в т.ч. только в 67 случаях (7%) предоставлялось временное жилье, о постоянном и речи не идет. Типичная ситуация: требуется врач-рентгенолог в с.Перемышль, квартира без удобств, оклад от (!) 5156 руб.

В результате постоянное жилье получили лишь 8,7% соотечественников, еще 8,0% размещены в ЦВР, гостиницах,

общежитиях, тогда как 83,3% были вынуждены разместиться в съемном жилье¹.

Неудивительно, что реальный поток соотечественников был на два порядка меньше запланированного: в 2007-2009 гг. планировалось переселить 250 тысяч соотечественников, реально переселилось на 1.10.2009 г. лишь 14,3 тысячи человек.

Приоритетными районами вселения признаны восточные регионы России и территории, испытывающие наибольший дефицит рабочей силы. Однако основной поток приходится на Калининградскую область (41% переселенцев), Калужскую (22%) Липецкую область (17%). На Дальний Восток переселилось менее 2% соотечественников².

Таблица 1

Параметры некоторых региональных программ репатриации соотечественников (2007-2012)³

Регион	Расходы на региональную программу репатриации (2007-2012), млн. руб.	Источники финансирования (бюджеты и иные источники), процент						Человек	Расходы на 1 чел., тыс. руб.	Средний размер семьи, чел.
		Региональный	Местные бюджеты	Внебюджетные фонды	Кредиты	Работодатели	Репатрианты			
Калужская область	4 ⁴	100						40870	0,11	2,66
Амурская область	508	2					98	2048	248	4
Хабаровский край	1914	11	4	1		84		5844	373	4

¹ На 1 октября 2009 г., <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/monitoring.pdf>

² На 1 октября 2009 г., <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/monitoring.pdf>

³ Первоначально утвержденные варианты региональных программ первой очереди. В настоящее время утверждены 20 региональных программ.

⁴ Только на информационное обеспечение программы

Новосибирская область	1266	6	8	2			84	4000	317	4
Калининградская область	184012	9	5	87				300000	613	2,9
Приморский край	6309	24	0,4		12	56	7	26048	242	4
Тверская область	339	81	20					10300	33	2,5
Тамбовская область	162	87	13					20500	8	4
Иркутская область	67	83	17					4322	16	2,5
Красноярский край	105	92	8					9132	12	4
Липецкая область	249	100						10000	25	4

Проблема не только в том, что мало едут, не туда, куда планировалось, но и в том, что едут не те, на кого изначально рассчитывали. Вопреки заявленным целям Программы, ориентированной на приток молодых, полноценных семей (расчетный коэффициент семейности – 4 человека), в Россию прибывают, преимущественно, неполные семьи: средний размер семьи, приехавшей в 2009 г. – 2,15 человека¹.

Проблема не в деньгах, не столько даже в организации (программа заработала вместо января лишь с сентября 2007 г.), не в завышенных ожиданиях от ее реализации, о чем говорилось выше, главное – отсутствие механизмов согласования учета интересов государства, регионов², принимающего населения, соотечественников.

Миграционная политика по определению конъюнктура и зависит от внутриполитической ситуации. Можно вспомнить, что уже в конце 2006 г. она стала испытывать сильнейшее влияние предстоявших в конце 2007 г. парламентских, а в начале 2008 г.

¹ Рассчитано по: Статистические данные по форме 1-РД «Результаты деятельности территориальных органов за 12 месяцев 2009 года», ФМС России, http://www.fms.gov.ru/about/ofstat/stat_1_rd/part_9.php?phrase_id=2999156.

² Единственный реверанс регионам – за ними остается окончательное решение о признании аппликанта участником Программы.

президентских выборов, что стимулировало принятие популистских решений, идущих вразрез с артикулированными задачами миграционной политики¹.

Особо подвержены конъюнктуре процедуры установки квот на выдачу разрешений на работу иностранным работникам. Еще до кризиса, в 2008 году, квоты разрешений на работу были сокращены в 3,3 раза - до 1,8 млн. разрешений по сравнению с 6 млн. разрешений на 2007 г. Логика ФМС России была такова: во-первых, квота 2007 г. оказалась завышенной, во-вторых, получив разрешение на работу, мигранты исчезают из поля зрения официальных органов – лишь на часть этих мигрантов приходит подтверждение от работодателей, что они работают.

Не учитывалось несколько обстоятельств. Во-первых, чрезмерно высокая планка квоты на 2007 г. была очевидна всем специалистам, но не работникам ФМС России, ставшим заложниками руководства, артикулировавшим мифическую оценку численности незаконных мигрантов в 10,2 млн. человек – откуда и появились эти 6 млн. разрешений.

Во-вторых, система квотирования несовершенна. (Квота разрешений на работу определяется исходя из заявок работодателей, поданных в предшествующем году). Система формирования заявок работодателей практически ориентирована лишь на крупные предприятия, с отсутствием выраженной сезонности производства. Мелкому бизнесу крайне сложно прогнозировать спрос на работников загодя. В результате, заявки регионов априори занижены. В-третьих, вся система выстроена таким образом, что физические лица, желающие официально нанять гастербайтеров, практически лишены такой возможности.

Резкое сокращение квоты разрешений на работу способствует лишь тому, что трудовые мигранты выталкиваются в

¹ Осенью 2006 г. были приняты беспрецедентные меры преследования грузинских граждан, а также «выдавливания» иностранцев с российских рынков, на 2007 год вдвое, по сравнению с 2006 г., снижена квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание. Одновременно эта квота была распространена и на лиц, прибывающих в Россию в безвизовом порядке. Наконец, Президент России высказался в том смысле, что не надо бы и форсировать Программу репатриации соотечественников (Стенографический отчет о совещании с членами Правительства, 15.01.2007. - http://www.kremlin.ru/appears/2007/01/15/1505_type63378type63381_116679.shtml)

«тень», нелегальная занятость доминирует не только среди занятых у физических лиц, но и среди занятых в мелком бизнесе.

И этот процесс пошел: по состоянию на 31 июля 2008 г. годовая квота разрешений на работу была полностью исчерпана в Центральном округах, практически исчерпана в Южном и Северо-Западном ФО (на 99% и 98%, соответственно), близка к исчерпанию в Уральском и Приволжском округах (на 94% и 93%). В июле резерв квоты был распределен по регионам, но уже в сентябре в основных принимающих мигрантов субъектах Федерации и он был исчерпан, вследствие чего в начале октября квота на привлечение иностранных работников была увеличена до 3,4 млн. человек (против изначально планировавшихся 1,8 млн. разрешений).

На 2009 г. изначально планировалась квота в 4 млн. разрешений на работу. Но в декабре 2008 г., когда кризис был в разгаре, В.В. Путин во время общения с народом на телеконференции высказал пожелание сократить эту квоту на 50%. Квоту оставили неизменной, однако она теперь может быть как увеличена, так и сокращена на 50%. Под давлением федерального центра, увязавшего выдачу субвенций регионам с «добровольным» сокращением квот, квоты по России на 2009 г. оказались снижены вдвое. (При этом в ряде регионов квоты были исчерпаны уже к сентябрю 2009 г.).

Кризис, похоже, окончательно поставил крест на либеральной риторике. Откат от намеченного курса продолжается: на этом же низком уровне (1,9 млн. разрешений) установлены квоты и на 2010 г. Наконец, формально не отступая от буквы закона, власти существенно ограничили для мигрантов доступ к процедуре получения разрешений на работу. (Во-первых, ряд подразделений миграционной службы перешли на сокращенный график работы, что создало большие очереди. Во-вторых, повсеместно нарушался регламент, согласно которому решение о выдаче разрешения на работу принимается в течение 10 рабочих дней. Важно также, что весной 2009 г. изменилась процедура выдачи разрешений на работу: работник, не имеющий трудового договора с работодателем¹, может получить разрешение на работу лишь на 3 месяца). Все эти меры также способствовали росту теневой занятости мигрантов.

¹ Что достаточно сложно, т.к. работодатель не может заключить такой договор с мигрантом, не имеющим разрешения на работу.

«Реверсивность» миграционной политики – производна от потворства властей ксенофобским настроениям масс, инспирированных, в значительной мере, ими же самими¹.

Миграционная политика и политика интеграции: социокультурные аспекты

Провал ставки на привлечение соотечественников и искусственное ограничение притока в Россию иноэтничных гастербайтеров заставляет взглянуть на проблемы миграционной политики с иного ракурса.

Идеология новой миграционной политики игнорирует ключевой момент – проблемы социальной интеграции репатриантов и иммигрантов, адаптации временных трудовых мигрантов. На местах сознают, что миграционная политика неразрывна от политики интеграции. Что предотвращение социального взрыва – неизбежного, если приезжие будут иметь преференции перед принимающим населением (реальные или мнимые), – требует кропотливой работы по воспитанию взаимной толерантности мигрантов и местных жителей.

Все мигранты нуждаются, в той или иной мере, в интеграции. Соотечественники – в социальной, экономической и культурной (ре)интеграции. Иммигранты, приезжающие на постоянное жительство в Россию и нацеленные на то, чтобы стать ее полноправными гражданами, – в первую очередь, в культурной и социальной интеграции. Гастербайтеры, ориентированные исключительно на заработок, нуждаются хотя бы в элементарном знании языка, традиций, культуры и норм поведения принимающего социума.

В настоящее время имеются определенные социокультурные ограничения иммиграционной политики и политики интеграции: противодействие принимающего населения локальных социумов, крайне негативно относящегося к мигрантам; слабые адаптивные возможности части мигрантов; социальные практики взаимодействия принимающего населения с иммигрантами; специфический исторический опыт и традиции

¹ Информационные кампании властей привели к тому, что опрошенные россияне, по данным Левада-Центра, наиболее недружественными странами считали в 2006-2009 гг. Грузию, Украину, государства Балтии и США.

межкультурного взаимодействия принимающего населения; особенности и стереотипы общественного сознания россиян.

Россияне полагают, что численность мигрантов чрезмерна: в массовом опросе 53 % респондентов ответили что «мигрантов много», еще 28 % респондентов отметили, что мигрантов «слишком много» в их населенном пункте¹.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: "Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья приезжих из...:", %

	Положительно, скорее положительно	Спокойно, безразлично	Отрицательно, скорее отрицательно
Украины	30,9	55,1	14,1
Молдовы	25,2	55,9	18,9
Северного Кавказа	11,4	37,3	51,3
Государств Закавказья	11,5	38,5	50,0
Средней Азии	11,2	39,7	49,1
Юго-Восточной Азии	9,2	37,5	53,3

Источник: ЦЭПРИ, ИС РАН, ноябрь 2008, N=11877, ответившие

Мигрантофобии имеют выраженную этническую этиологию. (При том, что обыватель, в массе своей, не различает национальность конкретного мигранта: *«они все на одно лицо»*²). Как заметил один респондент, *«не люблю китайцев, даже если это таджики»*). Население с большей или меньшей симпатией относится к тому, чтобы в их местность или в другие регионы приезжали на работу украинцы, с некоторой напряженностью воспринимает молдаван. В отношении других этнических групп у

¹ Исследование проведено в ноябре 2008 г. сотрудниками Института социологии РАН (ИС РАН) и Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) на базе Российского мониторинга экономики и здоровья населения (РМЭЗ) по общероссийской квотной выборке, 11877 респондентов.

² Здесь и далее, если не оговорено иное, курсивом выделена прямая речь участников фокус-групп, проведенных в 2009 г. в рамках проекта «Иммиграция в Россию: социальное измерение».

половины респондентов доминируют раздражение, неприязнь, недоверие и страх.

Ограничительная миграционная политика поддерживается большинством россиян. 55 % респондентов поддержали бы запрет принимать мигрантов на постоянное проживание в своем населенном пункте, 48 % - запрет на временное проживание.

Не удивительно, что основная часть россиян считает, что Россия не нуждается в мигрантах.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос: «В каких мигрантах
нуждается Россия?», %**

Нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда	18,5
Стране нужны только те мигранты, которые приезжают только на заработки и не собираются здесь жить постоянно	19,2
Стране нужны и те и другие мигранты	17,2
Стране не нужны ни те, ни другие мигранты	45,1

Источник: ЦЭПРИ, ИС РАН, ноябрь 2008, N=9893, ответившие

Особо распространена точка зрения, что никакие мигранты России не нужны, среди жителей тех мест, где мигрантов нет (55% из них придерживается этого взгляда). Представления о том, что мигранты России не нужны, преобладающие в общественном мнении – в значительной мере конструкт, базирующийся не на личном опыте, а сформированный социальной средой, особенно информационным пространством.

Россияне достаточно скептически относятся к перспективам интеграции мигрантов. В образе жизни мигрантов есть особенности, с которыми местным жителям трудно примириться – с данным утверждением солидаризировалось две трети опрошенных астраханцев и самарцев. Тезис, что местные «никогда не будут считать мигрантов своими» поддержали 53% астраханцев и 50% самарцев, большинство из них не посоветовало бы мигрантам переезжать на постоянное жительство в их город¹.

Не внушает оптимизма и то, что на смену достаточно толерантной молодежи конца 1980–1990-х годов приходят иные когорты, социализированные в других социокультурных условиях. В массовом обследовании молодежи на вопрос: «как следовало бы

¹ Опрос ИС РАН, 2009 г., Самара, Асирахань, 307 респондентов.

поступить с незаконными мигрантами?» - 22% респондентов ответили, что их следовало бы ликвидировать, 21% - что их следует «изолировать от общества»¹.

Несмотря на то, что основная часть населения (71% опрошенных) осуждают деятельность скинхедов, нападающих на представителей мигрантских меньшинств, 10% респондентов осуждают методы, но не взгляды скинхедов (*«Есть что-то такое, да, но не такими способами»*). А 2 % респондентов полностью солидаризируется с деятельностью скинхедов, демонстрируя не только культурный, но и физический расизм (*«Антипатия – не антипатия, а разные расы, разные как бы не то, что расы, даже тело как бы»*. - *«Разный цвет кожи»*. - *«Физические такие разногласия»*).

Циркулирующие среди принимающего населения нетерпимые настроения являются продуктом не только страхов в отношении утраты ресурсов и идентичности, но и сформированного масс-медиа и публичными политиками мифомедийном, по выражению В.А.Тишкова, образе иноэтничного мигранта – образе, опирающемся на сконструированные мифы, а не на личный опыт.

Наиболее негативно, например, отношение к китайцам не на Дальнем Востоке, где с ними знакомы не понаслышке, а среди респондентов из других регионов России². Другой пример сконструированного мифа – мигранты вытесняют коренное население с насиженных мест, – получившего наибольшее распространение среди респондентов из больших городов и столиц, т. е. городов, где достаточно сложно найти коренного жителя в третьем поколении.

Л.Д. Гудков приходит к выводу, что «максимум возмущений фиксируется именно в тех группах, которые *непосредственно не конкурируют* или не сталкиваются с чужими. Военных и милицию больше всех «заботит», что приезжие «отнимают рабочие места» у местных работников; пенсионеров – что они торгуют и «наживаются» на местном населении; руководителей и домохозяек – что они развращают и подкупают милицию; безработных – что «их очень много везде», учащихся – они просто им не нравятся, так как они «наглы» и т. п. Внутренняя агрессия обосновывается чужими,

¹ Даффлон Дени. Молодежь в России: портрет поколения на переломе // Вестник общественного мнения. Сентябрь-октябрь 2008 г., N 5 (97). С.28.

² ВЦИОМ, пресс-выпуск N 773, 20.09.2007.

заимствованными из языка официоза или других социальных групп аргументами»¹.

Интолерантность принимающего населения – значимый фактор напряженности между мигрантами и местным населением. (Даже если бы неприятие мигрантов принимающим населением было бы надуманным, оно являлось бы серьезной социальной проблемой). В не меньшей мере напряженность между принимающим населением и мигрантами провоцирует низкая способность этнических мигрантов к адаптации к окружающей социальной среде – их слабая включенность в повседневный социальный и культурный контекст принимающей стороны, отсутствие у них потребности следовать общепринятым образцам и традициям и/или их незнание (часто принимаемое местными жителями за нежелание знать), потребительское отношение к принимающему сообществу.

«Размывание» границ между принимающим сообществом и мигрантами во многом зависит от нацеленности и готовности последних к адаптации к новой социальной среде. Для мигрантов, не обладающих достаточным социальным капиталом, по сравнению с местным населением, на первых порах наиболее значимым становится доступ к групповым ресурсам, которыми могут выступать ресурсы этнической группы, землячества и т.п. Опора на институты посылающего сообщества, воспроизводимые и в принимающем сообществе, становится основной стратегией выживания иноэтничных мигрантов, являясь «способом прибиться к какому-нибудь социальному организму, лишь бы не оказаться в изоляции»².

Очень важно, что сегодня в Россию прибывают мигранты из посылающих обществ с другой культурой планирования биографии и принятия решений: все чаще мы сталкиваемся с тем, что мигрант приезжает не вследствие индивидуального выбора, а по решению семьи, рода.³

¹ Гудков Л. Д. «Россия для русских»: ксенофобия и антимигрантские настроения в России // Нужны ли мигранты российскому обществу? / Под ред. В. И. Мукомеля и Э. А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 55.

² Сорокин П.А. Социальная мобильность / Под общей ред. В.В. Сапова. - М.: Academia, LVS, 2005, С. 503.

³ Из 11 выборочных обследований представителей азербайджанского и таджикского меньшинств в Астрахани, Самаре и Москве, проведенных в 2005, 2006 и 2008 гг., в шести из них менее половины респондентов приняли решение о приезде в Россию самостоятельно (опрошен 1284 респондент). Здесь и ниже

Сегодня социальная исключенность именно этих мигрантов, не склонных к адаптации, – проблема самих мигрантов. Однако завтра это может стать проблемой российского общества, если не будут предприняты решительные меры по борьбе с дискриминационными практиками. Последствия вполне прогнозируемы: как заметил один респондент, «если человек голодный,... то он злой, он на все пойдет».

С одной стороны, изоляция – возможная стратегия общины мигрантов, с другой – результат политики принимающего общества. И дело не только в бытовых, чаще всего не складывающихся отношениях между представителями общины и местным населением. Огромное значение приобретает действенность социальных, экономических, культурных институтов, призванных обеспечивать социализацию населения. Однако в современных условиях они слабо ориентированы на социализацию мигрантов, прибывающих из других социумов.

Доминирующие в российском обществе антимигрантские настроения, одобрение большинством населения административных и иных мер, препятствующих интеграции мигрантов, создают специфический фон для дискриминационных социальных практик на рынках труда и жилья, получивших широкое распространение. (Иноэтнические мигранты подвергаются дискриминации в области социальных, культурных, экономических прав, однако наиболее болезненны для них практики дискриминации в сфере занятости и найма жилья: сложности вхождения на рынок труда и жилищного обустройства затрудняют аккультурацию и интеграцию мигрантов, способствуя их изоляции).

Дискриминация на рынке труда, проявляющаяся в ограничении доступа к отдельным видам работ и сферам занятости, оплате и условиях труда, не может быть объяснена однозначно. Отсутствие законных оснований для проживания/пребывания и работы автоматически закрывает иностранцам доступ к занятости в бюджетной сфере, к рабочим местам в частном секторе, связанным с материальной и/или административной ответственностью. Играть значение и такие

приводятся результаты обследований ИС РАН и Центра этнополитических и региональных исследований в 2004-2006, 2008 гг., курсивом выделена прямая речь участников фокус-групп.

объективные факторы, как недостаточный уровень образования, квалификации, знания русского языка.

В то же время отмечается предубежденность со стороны органов государственной власти и местного самоуправления против представителей некоторых меньшинств. Несколько лучше ситуация на предприятиях и в учреждениях бюджетной сферы, где требования к претенденту не столь жестки (медицина, образование, ЖКХ, социальная работа и др.), однако и там возникнут трудности.

В частном секторе, по сложившемуся мнению, дискриминация менее распространена, чем в бюджетных организациях. Представители меньшинств в силу ужесточения порядка в государственных организациях вытесняются в частный бизнес, теневую экономику. Однако в общественном мнении эта вынужденность представляется как осознанный выбор, диктуемый национальной традицией.

Частный бизнес и теневая экономика служат для мигрантов альтернативными каналами социальной мобильности. Практически, в частном и государственном секторах, в разных отраслях, регионах действуют относительно автономные, независимые системы социальной стратификации и мобильности. По замечанию Т.И. Заславской, наличие таких автономных систем разрушает традиционные институты восходящей мобильности¹.

Устойчиво мнение, что в силу названных причин кавказцы целенаправленно ориентированы на торговлю, сферу обслуживания, где они достаточно успешны. Выходцы из Центральной Азии также заняты в торговле, обслуживании, однако не в качестве предпринимателей, а наемных рабочих, занятых тяжелой, низкооплачиваемой деятельностью. Разница в доходах азербайджанцев и таджиков, находящихся на разных ступеньках социальной лестницы, существенна – примерно в полтора раза².

Мигранты, которые в силу квалификации, образования, сферы занятости не могут претендовать на достойную оплату труда, компенсируют это более интенсивным трудом. Среди азербайджанских и таджикских гастербайтеров средняя продолжительность рабочей недели составляет 71 час³. (По другим

¹ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 541.

² Обследования ИС РАН в Самаре и Астрахани, 2005-2006, 2008 гг.

³ Обследование ИС РАН, Самара, Астрахань, 2008, опрошено 202 человека

данным, средняя продолжительность рабочей недели мигрантов составляет от 53 до 66 часов¹. Среди молдавских строителей в России 79% работали 12–13 часов и более в день²). Особенно распространена такая практика среди мигрантов, прибывших на заработки на небольшой срок.

Представители отдельных меньшинств, признавая этническую дискриминацию как данность, находят своеобразные формы сотрудничества в сфере занятости. Таджикиские рабочие, например, получая чрезвычайно выгодный заказ на работы, которыми заняты преимущественно местные строители, передают его последним, избегая конкуренции и конфронтации: *«Основная кирпичная кладка, если мне даже дадут на уровне местных (имеется в виду оплата), я не возьмусь. Это национальная политика – их работа. Я туда не лезу никогда. Если есть работа, мне дадут объем большой, я позвоню, скажу: “Саиш, мне предлагают хорошую работу, огромный объем кладки. У тебя есть еще люди? Иди ставь! Если нет, работа пропадет”»* (Самара, 2005). В свою очередь, местные строители передают невыгодные заказы таджикским.

Такого рода взаимоотношения таджикских и местных строителей укладываются в объяснительную схему П. Бурдые: «Чувство позиции, как чувство того, что можно и чего нельзя “себе позволить”, включает в себе негласное принятие своей позиции, чувство границ (“это не для нас”) или, что сводится к тому же, чувство дистанции, которую обозначают и держат, уважают или заставляют других уважать – причем, конечно, тем сильнее, чем более суровы условия существования и чем более неукоснителен принцип реальности»³.

Важный аспект, выпадающий из дискуссий о дискриминации иммигрантов, – тот факт, что их труд чаще всего носит принудительный характер. Задержка и невыплата заработной платы, удержание удостоверений личности или иных личных ценностей, угроза выдачи властям и депортации давно стали повседневными

¹ Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми / МОТ. М.: Права человека, 2004. С. 59. Проблемы незаконной миграции в России: реалии и поиск решений (по итогам социологического обследования) / МОМ, Бюро МОМ в России. М.: Гендальф, 2004. С. 122.

² Мошняга В., Руснак Г. Мы строим Европу. И не только... Кишинев: СЕР USM, 2005. С. 27.

³ Бурдые П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 65–66.

социальными практиками. Треть экспертов считают, что все или почти все мигранты в той или иной степени вовлечены в принудительный труд¹.

Дискриминация в области найма жилья еще более выражена, чем на рынке труда. Представители мигрантских меньшинств сталкиваются как с ценовой, так и неценовой дискриминацией – меньшим сроком найма, предоплатой на большой срок, более жесткими, формализованными условиями найма и запретами. Практически во всех регионах России можно встретить в частных объявлениях о сдаче жилья формулировки: "только для русских", "только для русской семьи", реже – "лицам кавказской национальности не беспокоиться".

Следует отдавать отчет, что политика интеграции испытывает и еще долгие годы будет испытывать серьезное влияние исторического опыта и традиций: закрытости советского общества, отсутствия укоренившихся традиций иммиграции; укоренившихся представлений о действенности административных мер, механизмов и инструментов; доминирования политических и административных соображений над экономическими; предпочтений, отдаваемым решению конъюнктурных задач в ущерб долгосрочным; неоимперского мышления.

Серьезное воздействие на иммиграционную политику и политику интеграции оказывают и особенности общественного сознания: политизированность мышления и неразвитость экономического мышления; представления о доминирующей роли государственных интересов (в ущерб групповым и личным), являющиеся базовыми; упрощенческий взгляд на социальные процессы, восприятие сложных социальных процессов в черном белом свете; представления о жесткой экономической детерминированности миграционных процессов, о мотивации к миграции с позиций рационального выбора индивидуума; представление о целесообразности, которая может быть превыше Закона; разрыв между законодательством и правоприменительной практикой; слабость институтов гражданского общества, неразвитость гражданского самосознания и отсутствие традиций гражданского контроля в России; экспансия культуры цинизма; отсутствие традиций социального диалога.

¹ Принудительный труд в современной России, С. 51.

Необходимость учета общественных настроений, особенностей общественного сознания, сложившейся институциональной структуры, не означает безусловного соподчинения миграционной политики, ее жесткой обусловленности вышеназванными внешними условиями. Изменения общественного сознания и институциональной структуры – процесс долгосрочный. В то же время стоящие перед страной вызовы слишком серьезны. Социальная политика, каковой и является миграционная политика, не может удовлетворить интересы всех заинтересованных групп и слоев общества.

Последствия распространения дискриминационных практик и социальной исключенности мигрантов

Дискриминация тесно связана с *этносоциальной стратификацией*: отношения местного населения и различных групп этнических мигрантов определяются взаимными представлениями об «этнической иерархии». В России сегодня выстраивается четкая иерархия этнических групп: русские и представители традиционных для России меньшинств / представители нетрадиционных, мигрантских меньшинств. Среди последних, в свою очередь, существует иерархия, на вершине которой представители кавказских меньшинств, внизу – выходцы из среднеазиатских государств, ЮВА, других развивающихся стран.

Социальный статус этнического мигранта становится производным от статуса данного меньшинства в системе взаимоотношений «местное население – меньшинство» и отношений между представителями разных меньшинств. Такая этносоциальная стратификация не является спецификой России. П. Бурдые прямо увязывает стратификацию со стажем иммиграции: «этнические объединения сами находятся в иерархизированном, по меньшей мере в общих чертах, социальном пространстве (например, в США их положение зависит от стажа иммиграции для всех, за исключением черных)»¹.

В обществе идет процесс стратификации этнических групп, выстраивания их иерархии, как и иных социальных групп, когда представителям мигрантских меньшинств отведена вполне определенная социальная ниша. Ни большинство, ни традиционные

¹ Бурдые П. Социология политики, С. 61.

для России национальные меньшинства, ни власти не приветствуют попытки мигрантов покинуть эту нишу.

Этносоциальная стратификация становится важнейшим фактором социальной исключенности представителей мигрантских меньшинств. Наряду с дискриминационными практиками найма жилья, социальная исключенность мигрантов служит мощным толчком для формирования этнических ареалов расселения. В настоящее время такие процессы идут в российских городах преимущественно вблизи крупных торговых точек, других мест массовой занятости иноэтничных мигрантов.

Появление культурно различающихся новообразований в городской среде, неизбежных при массовом притоке мигрантов, причем в специфических районах города, воспринимается населением как посягательство на исконную жизненную среду. Большинство россиян полагают, что власти не должны допускать концентрированного проживания мигрантов в отдельных городах и районах России¹.

Если не предпринимать усилий по аккультурации приезжих, их «культурному растворению» в новой городской среде обитания, то этническая интолерантность будет только усиливаться, способствуя фундаментализации этнокультурных ценностей как принимающей стороны, так и мигрантов.

Складывается замкнутый круг: отторжение мигрантов принимающим населением и властными структурами (наряду с объективными обстоятельствами, ограничивающими доступ мигрантов к достойному труду), формирует специфические социальные практики включения мигрантов в местные сообщества, провоцирующие сегрегацию мигрантских меньшинств, в т.ч. формирование территориальных анклавов. В свою очередь, слабая адаптация отдельных мигрантских меньшинств к принимающему обществу, расцениваемая населением как нежелание уважать принятые нормы и традиции, вновь и вновь запускает маховик дискриминации и сегрегации.

¹ Согласно опросу ВЦИОМ, 26 % респондентов придерживаются такой позиции, противоположную точку зрения поддерживают 12 %. (Опрос ВЦИОМ 31 мая-1 июня 2008 г. http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10303.html?no_cache=1&cHash=60ac7edfef&print=1)

Устранение дискриминации – важное условие социальной адаптации мигрантов, перевода части социокультурных различий между мигрантами и принимающим населением из разряда «значимых» в «незначимые», повышения социальной мобильности этнических мигрантов.

В противном случае неизбежна *институционализация* этносоциальной стратификации. Для этого имеются все основания: этносоциальная стратификация становится практически единственной основой стратегии сотрудничества принимающего населения и этнических мигрантов.

Социальные последствия идущих социальных процессов вызывают тревогу. Во-первых, социально-экономическая дискриминация, этносоциальная стратификация и сегрегация иноэтничных мигрантов поддерживают и воспроизводят этническую идентичность в ущерб гражданской, становясь серьезным препятствием формирования гражданского общества.

Во-вторых, этносоциальная стратификация и сегментация общества по этническому основанию, практики использования принудительного труда иноэтничных мигрантов, подрывают общественные устои, подвергают эрозии общественные нормы и ценности.

В-третьих, сегрегация иноэтничных мигрантов, формирование субкультурных мигрантских анклавов в принимающей среде, в т.ч. территориальных анклавов, становится проблемой, угрожающей социально-экономической и политической стабильности, особенно на локальном уровне.

В-четвертых, этническая дискриминация постепенно распространяется на всех представителей данного мигрантского меньшинства – включая имеющих российское гражданство.

В-пятых, этническая дискриминация непосредственно угрожает функционированию базовых социальных институтов. Особенно опасны угрозы деградации государственной службы, армии, правоохранительных органов, судебной системы, институтов семьи, образования и др.

Сегодня формируется весьма специфическая социальная модель современного российского общества. В России воссоздаются контуры сегрегированного общества, несовместного с конституционными основами государственного устройства Российской Федерации и не имеющего исторической перспективы.

Борьба с дискриминационными практиками, противодействие социальной исключенности мигрантов становится социально значимой проблемой, выходящей за рамки собственно миграционной политики и политики интеграции. Сегодня социальная исключенность мигрантов - проблема самих мигрантов. Однако завтра это может стать вызовом для российского общества.

Заключение

Неадекватность целям и задачам стратегического развития России, патернализм, спонтанность, нетранспарентность, непоследовательность и не просчитанность последствий принимаемых технократических мер – лишь один пласт проблем миграционной политики.

Отсутствие в обществе согласия относительно долгосрочной стратегии развития России поставило перед властями дилемму выбора между позицией реформаторов, настаивающих на политике привлечения иммигрантов, борьбе с ксенофобиями и позицией консерваторов, исходящих из изоляционистской ориентации на русское/православное культурное ядро. Решившись, исходя из экономических вызовов, на либерализацию миграционной политики, власти продолжают играть в «аккуратный национализм», подпитывающий ксенофобные настроения.

Однако появление новых центров притяжения мигрантов, возрастающая конкуренция за труд иммигрантов со стороны развитых стран и отдельных государств постсоветского пространства, настоятельно требуют повышения конкурентоспособности не только российской экономики, но и социальной среды. Антимигрантские настроения принимающего населения и рестрикционная миграционная политика способны развернуть потоки мигрантов из государств СНГ в другие государства.

Нужна целенаправленная политика адаптации трудовых мигрантов и интеграции иммигрантов, реализация которой позволит найти приемлемый баланс интересов местного населения и мигрантов, снять напряженность между ними.

Возможно, первоочередное сегодня – исключить этничность из миграционного дискурса. Следует осознать: в новых условиях развития России на передний план выходит не столько этническая принадлежность иммигрантов, сколько их лояльность к России, способность к социализации; гражданская идентичность становится

важнее этнической. Во-вторых, признать, что только на основе политики интеграции, возможно преодоление негативных последствий этносоциальной стратификации и сегрегации иммигрантов, их социальной исключенности, угрожающих существованию российского общества.

Данилова И.А.

ЭТНИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ В СИСТЕМЕ НАУК О НАРОДОНАСЕЛЕНИИ

Россия исторически формировалась и развивалась как страна, объединившая в своём составе многочисленные народы (этноты). Перепись 2002 года подтвердила, что Российская Федерация является одним из самых многонациональных государств мира – представители свыше 160 национальностей проживают на территории страны.¹ При переписи населения было получено более 800 различных вариантов ответов населения на вопрос о национальной принадлежности. Нации и народности независимо от численности отличаются характерными самобытными национальными чертами. Культурное многообразие и этническая карта России формировались многие столетия под влиянием различных факторов: хозяйственной деятельности, государственной политики, завоеваний, колонизации, миграции и т.д. В границах России возникли национально-территориальные автономии разного уровня в районах основного проживания нерусского населения.² Большинство территорий страны отличаются многонациональным составом, республики, автономные округа также являются полиэтническими и кроме титульной нации на их территории проживают и другие народы.

Для стран и регионов, отличающихся многонациональным и поликонфессиональным составом, особенно актуальна проблема межнациональных отношений и взаимодействий, необходимым условием развития является знание культуры, обычаев, традиций, этнической истории народов, национальных, и, в том числе, этнодемографических аспектов происходящих на ее территории социально-экономических, политических, культурных, миграционных и др. процессов.

Численность народов, их доля в населении страны и отдельных территорий, расселение, социально-демографические характеристики – т.е. этническая картина мира в целом, стран и регионов постоянно меняется. В основе этих изменений лежит

¹ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., Госкомстат России, 2003 г.

² Народы России. Энциклопедия. М., 1994.

целый комплекс социально-экономических, демографических, миграционных, политических, национальных процессов и отношений. Динамика численности народов и этносов, темпы роста или убыли различны в зависимости от характера естественного движения, типа возрастной структуры, миграции, этнических процессов¹, в результате которых может происходить изменение этнической идентификации, т.е. изменение национального состава населения стран и отдельных регионов происходит в результате различий в динамике данных процессов. Тенденции изменений в национальном составе населения страны и отдельных территорий за какие-либо периоды времени (обычно, межпереписные) позволяют проследить не только динамику и темпы роста или убыли этносов, но и понять особенности демографических, миграционных, этнических, этнополитических процессов в различных регионах. Следует отметить, что демографические прогнозы динамики численности населения, сделанные по входящим в него этническим группам, обычно оказываются более точными.²

В России этническая дифференциация демографических процессов и демографического поведения является, как свидетельствуют результаты многих исследований, устойчивым феноменом на протяжении длительного исторического периода. У многих народов на воспроизводственные процессы оказывает значительное влияние сохранение национальных традиций отношения к семье, детям, образу жизни, образованию и занятости женщин и т.д. Этническая дифференциация демографических процессов отражает неоднородность культурных норм, традиций,

¹ Этнические процессы – изменение отдельных этнических элементов, частей этноса и этносов в целом. Среди этнических процессов различают эволюционные и трансформационные. Эволюционные процессы выражаются в значительном изменении любого из основных элементов этноса, прежде всего языка и культуры, половозрастного состава, социальной структуры и т.д. Трансформационные – изменения этнических элементов, которые ведут к перемене этнической принадлежности, завершающим этапом является перемена этнического самосознания и самоназвания, что может фиксироваться в переписях населения. Трансформационные этнические процессы подразделяются на процессы этнического разделения и этнического объединения (консолидация, ассимиляция, интеграция). Процессы каждой из этих групп могут быть по своей этнической сути и этноэволюционными, и этнотрансформационными, и смешанными эволюционно-трансформационными.

² Козлов В.И. Этническая демография. М., «Статистика», 1977.

особенностей труда и быта, форм расселения разных этнических групп. Кроме того, существенные различия в динамике демографических показателей на протяжении XX в. свидетельствуют о том, что процесс демографической модернизации начался у народов России не одновременно и протекал с разной скоростью.¹

Накопление знаний об этнических особенностях воспроизводственных процессов, способствовало появлению новых научных направлений исследования, базирующихся на знаниях ряда общественных и естественных наук. К таким наукам относится этническая демография – одна из сравнительно молодых дисциплин, возникших на стыке демографии с другими науками, в первую очередь с этнологией²/этнографией, в результате сближения исследовательских задач³.

В энциклопедических словарях по народонаселению – в «Демографическом энциклопедическом словаре» и Энциклопедическом словаре «Народонаселение»⁴ дается следующее определение: этническая демография – научная дисциплина на стыке этнографии и демографии, изучающая народы или этносы, особенности их воспроизводства и динамику их численности. Можно привести также ряд определений, встречающихся в научной и учебной литературе, например: этнодемография – междисциплинарное научное направление, исследующее структуру, изменение численности, расселения и

¹ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 3. кн.1. М., РОССПЭН. 2005. с. 97.

² Этнология – наука, изучающая закономерности возникновения, функционирования и взаимодействия этнических систем, особенности материальной и духовной культуры народов мира, этнические и межэтнические процессы. В современном понимании этнология изучает не только происхождение этносов, их основные характеристики и свойства, отношения между этносами и их изменения, обусловленные этническими процессами, но также этносоциальные, этнополитические, этнопсихологические, этнолингвистические и др. процессы и отношения этнонациональной сферы общества.

³ Демография: современное состояние и перспективы развития. Учебное пособие. Под ред. Д.И. Валентя. М., 1997.

⁴ Демографический энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1985. с.542, Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., «Большая Российская энциклопедия» 1994. с. 570.

миграций этносов¹. В целом, содержание всех определений отражает суть данного научного направления – изучение этнической дифференциации социально-демографических процессов. Этническая демография, как и многие современные науки, является комплексным, междисциплинарным научным направлением и использует знания, материалы, методы из сопредельных областей знания. Кроме базовых демографических и этнологических знаний, этническая демография тесно соприкасается с исследованиями ряда общественных и естественных наук и научных направлений, в сфере интересов которых находится человек, различные аспекты его жизнедеятельности: социологией (этнической социологией)², экономической и социальной географией, психологией (этнической психологией)³, этнической экологией,⁴ антропологией, медициной, лингвистикой, этнической политологией¹ и рядом других.

¹ Толковый словарь обществоведческих терминов. Н.Е. Яценко. 1999.

² Этническая социология - область социологии, изучающая генезис, сущность, функции, общие закономерности развития этносов, межэтнические отношения и разрабатывающая основы и методологические принципы их исследования. Особое внимание этническая социология уделяет изучению механизма взаимосвязи собственно этнических и социальных явлений в современном мире – этнических процессов в различных социальных группах и социальных процессов в различных этнических общностях.

³ Этническая психология – изучает этнические особенности психики людей, национальный характер, закономерности формирования национального самосознания, этнических стереотипов. Исследования носят в большинстве своем эмпирический, сравнительно-описательный характер. Возникновение этнопсихологии было первоначально связано с развитием этнографии и антропологии, а ее материал составляли отчеты миссионеров и путешественников. Создание специально дисциплины «психологии народов» было провозглашено в 1860 г. М.Лацарусом и Х.Штейнталем, которые трактовали «народный дух» как особое замкнутое образование выражающее психическое сходство индивидов, принадлежащих к определенной нации, и одновременно как их самосознание, содержание его должно быть раскрыто путем сравнительного изучения языка, мифологии, морали и культуры.

⁴ Этническая экология – изучение взаимоотношения и взаимодействия людей или их сообществ и среды, в том числе особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических коллективов в природных и социально-культурных условиях их обитания, влияния сложившихся этноэкологических взаимосвязей на здоровье людей и воспроизводство этнических групп, специфику использования ими природной среды и воздействия на эту среду, закономерности формирования и функционирования относительно независимых этноэкологических систем, этнических популяций

В энциклопедическом словаре по народонаселению, в исследованиях, посвященных изучению этнических аспектов демографических процессов,² обозначен довольно широкий круг исследовательских задач этнической демографии, как комплексной науки. Демографическое поведение во многом определяется воздействием национальных традиций, социально-экономических, региональных, политических процессов и условий, поэтому в задачи этнической демографии могут включаться исследования широкого круга вопросов не только демографических и этнологических, но и ряда сопредельных наук. Национальные особенности и традиции оказывают существенное, а часто и определяющее влияние на демографические процессы, обуславливая существенные различия в режиме воспроизводства, его региональную дифференциацию³. Влияние национальных факторов нередко сказывается и в дифференциации показателей смертности. Но, на уровень смертности, как и в случае рождаемости, этническая принадлежность сама по себе обычно не оказывает непосредственного влияния, за исключением некоторых видов насильственной смерти, связанных, например, с межэтническими

(Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., «Большая Российская энциклопедия» 1994. с. 571).

¹ Этническая политология - научное направление, исследующее этнополитические ситуации и процессы в конкретных регионах, а также программы и практическую деятельность различных государств, партий, движений, направленную на решение национальных проблем. Изучает сферу взаимодействия этносов с политикой, место и роль этнонациональных сообществ в политической жизни общества, взаимодействие между собой, с государством и его органами, закономерности этнополитических процессов, принципы этнонациональной политики, политические устремления народов, приобретение ими тех или иных форм национальной государственности, политического и правового статуса, пути и методы урегулирования этнополитических конфликтов и обеспечение этнополитической стабильности.

² Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., «Большая Российская энциклопедия» 1994. Козлов В.И. Динамика численности народов. М., «Наука» 1969, Козлов В.И. Национальности СССР. (Этнодемографический обзор). М., «Статистика», 1975. Козлов В.И. Этническая демография. М., «Статистика», 1977.

³ Отношение к семье, браку, разводу, условия заключения брака и его основные формы, виды семьи, положение женщины в семье и обществе, возраст вступления в брак, религия, потребность в детях, отношение к многодетности, к контрацепции, образование, занятость среди женщин. Козлов В.И. Динамика численности народов М., 1969.

столкновениями, геноцидом, гораздо большее значение в этом отношении имеют различные этнические традиции. Однако влияние этнических факторов на уровень смертности в целом, по сравнению с влиянием на рождаемость, в большей степени уступает социально-экономическим факторам. Влияние этнических факторов проявляется, прежде всего, в генетическом отношении. Этносам в той или иной степени свойственна эндогамия, поэтому они могут различаться по распространённости некоторых видов наследственных болезней. Генетически закреплённые антропологические признаки связаны с определенными природными условиями, изменение которых, например, в случае дальних миграций, может привести к различным болезням и повышению смертности. Наиболее чётко этнические аспекты заболеваемости и смертности проявляются при учёте культурно-бытовых факторов¹. Этнические аспекты заболеваемости и смертности связаны также с природными условиями этнических территорий, особенностями хозяйственной деятельности, локально распространёнными видами болезней и т.д. В этом отношении особый интерес для этнической демографии представляют различные системы жизнеобеспечения, изучаемые этнической экологией². Понять и изучить особенности воспроизводства у разных народов можно только с привлечением знаний целого комплекса наук и научных направлений. Кроме этнологических, психологических, социологических, географических, конфессиональных и других аспектов, воздействующих на демографическое поведение народов, большое значение приобретают региональная, национальная специфика различных институтов, в сфере влияния которых могут находиться воспроизводственные процессы. Региональные и национальные

¹ Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., «Большая Российская энциклопедия» 1994. с. 570., Кроме одежды и питания, сюда относятся также традиционные приемы родовспоможения, особенности вскармливания младенцев и ухода за ними, различия в степени заботы о девочках и мальчиках, правила поведения беременных женщин, пищевые и др. табу, связанные с беременностью и т. п.

² Кроме традиционных занятий, сюда относятся виды одежды и жилища, а также рацион питания, значительно дифференцированный по видам пищи, калорийности и химическому составу, способам приготовления, потребления, режиму суточного питания, различным пищевым запретам, а также, этнические аспекты курения и употребления алкогольных напитков в бытовой и празднично-обрядовой сферах жизни (там же).

особенности таких институтов, как государство, семья, здравоохранение принятые в обществе «правила игры» - формальные (законодательные акты и т.д.) и неформальные (обычаи, традиции), устойчивые способы и стереотипы мышления (менталитет) и другие, отражают специфический опыт ответов на вызовы истории, накопленный различными народами планеты и являются не только результатом, но и фактором развития.¹

Таким образом, этнодемографические исследования по охвату проблем, являются комплексными, тесно взаимодействующими с рядом общественных и естественных наук, в сфере интересов которых находится человек. Этническая демография изучает и национальные особенности индивидуальных установок и социальные традиции как возникших в ходе исторического развития того или иного народа в определенных социально-экономических, природных и других условиях, так и связанных с предписаниями различных религиозных систем, если они глубоко укоренились в быту и влияют на демографическое поведение населения. Имеющиеся материалы по странам и народам мира свидетельствуют о существенной дифференциации у них почти всех перечисленных выше явлений и аспектов демографического поведения, связанных с деторождением, они свидетельствуют и о большей инерционности этих явлений². В сфере научных интересов этнической демографии находится и изучение этнических аспектов миграционных процессов, собственно этнических процессов, ведущих к изменению национальности, особенностей половозрастных структур народов, изучение межнациональных браков, этнически-смешанных семей, национальное образование и т.д.

Основой исследований по этнической демографии являются, прежде всего, материалы переписей населения, которые дают сведения о численности народов, национальном составе, языке, расселении этносов, позволяют выявить некоторые тенденции и характерные особенности. Другим важным источником информации являются материалы текущего статистического учета населения: данные о рождаемости, смертности, брачности, разводимости,

¹ Клупт М. Демография регионов Земли. «Питер Пресс» 2008.

² Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., «Большая Российская энциклопедия» 1994. с. 570.,

миграции у различных народов. Поскольку воспроизводственные процессы тесно связаны с культурой, традициями, обычаями, менталитетом, образом жизни народов, понять особенности демографического поведения у разных этносов можно только используя этнографические материалы. При проведении этнодемографических исследований широко используется этнографическая/этнологическая информация, результаты этнографических обследований, историко-архивные материалы, привлекается разнообразная специальная литература, включающая труды по этнологии, истории, географии, социологии, религиоведению, медицине и некоторым другим наукам.

Среди первых исследований этнодемографического характера, появившихся в начале прошлого столетия, называют опубликованный в 1928 г. труд М.В. Птухи "Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX в."¹ В нем на основе данных первой всеобщей российской переписи населения 1897 г. показаны различия в уровне смертности разных народов страны. В 1934 г. в Лондоне вышла работа польского антрополога и статистика Л. Кшивицкого "Примитивное общество и его демографическая статистика", в которой проанализированы процессы естественного воспроизводства у первобытных народов.²

В России первые наиболее глубокие систематизированные исследования по этнической демографии принадлежат В.И.Козлову, среди работ которого, в первую очередь следует отметить книги: "Динамика численности народов"(1969), "Этническая демография" (1977), два издания «Национальности СССР. Этнодемографический обзор». (1975, 1985). Монография «Динамика численности народов» явилась в отечественной литературе первым обобщающим трудом по демографическим процессам различных народов. В работе анализируются методологические и методические вопросы этностатистических исследований, понятийный аппарат, дается определение этнической общности, набор признаков, характеризующих этнос - язык, территория, экономическая общность. В исследовании представлен анализ основных источников этнической статистики: материалы переписей, содержащие прямые и

¹ Птуха М. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX в., К., 1928.

² Козлов В.И. Национальности СССР. (Этнодемографический обзор). М., «Статистика» 1975.

косвенные сведения об этнической принадлежности, языке, статистические материалы, содержащие данные по национальному составу, неофициальные материалы и оценки отдельных специалистов – этнографов, географов. В работе сформулированы определения и круг вопросов, изучаемых этнической демографией, основной задачей которой является установление национального состава населения той или иной области земного шара, определение численности народов и отдельных этнографических (а также религиозных, расовых) групп, изучение динамики национального состава населения и численности отдельных народов в ходе процессов их исторического развития.¹ Важной задачей этнической демографии является анализ основных демографических показателей (рождаемости, смертности, брачности и других) в этническом аспекте и установление связи этих показателей с особенностями жизни, культуры и того или иного народа.² В работе отмечается, что, приближаясь некоторыми своими разделами к этнографии, а другими – демографии, этническая демография рядом своих разделов сливается с исторической демографией. В монографии представлен подробный анализ этнических аспектов рождаемости и смертности и влияния на эти показатели этнографических факторов: обычаев, традиций, религии, а также социально-культурных условий. В работе рассматриваются вопросы развития этнических процессов – типология, социально-экономические, политико-правовые, языковые, культурные и психологические факторы. В монографии, посвященной собственно этнической демографии³ как новой научной дисциплине, автором поднимается широкий круг входящих в нее вопросов, основные методологические и методические проблемы этнодемографических исследований, взаимосвязь этнической демографии с другими науками. В книге представлено исследование особенностей воспроизводственных процессов у разных народов, влияние этнических факторов, особенностей культуры, быта, национальных

¹ Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969. с.11.

² Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этнографии. //Советская этнография, 1963, № 3. Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. Современное состояние исследований по этнической географии в СССР. //География населения в СССР. Основные проблемы. М., 1964.

³ Козлов В.И. Этническая демография. М., «Статистика», 1977.

традиций на различные стороны естественного движения населения. В разделе «Этнические аспекты и факторы рождаемости» исследуются особенности территориальной и этнической дифференциации рождаемости, проблемы изучения брачности, детности, плодovitости, факторов, определяющих формирование потребности в детях, контроля над рождаемостью, политики народонаселения, проводимой в разных странах и ее влияние на воспроизводство. В разделе «Этнические аспекты изучения смертности» анализируются биологические и территориальные факторы смертности, этническая дифференциация показателей смертности и продолжительности жизни, влияние природно-экологических, социальных, политических, военных, культурно-бытовых факторов на заболеваемость и смертность различных народов.

Монографии «Национальности СССР (Этнодемографический обзор)» - первое и второе издания, представляют подробное этнодемографическое исследование многонационального населения Советского Союза, в котором рассматривается история формирования национального состава населения, география расселения народов по территории страны, особенности воспроизводственных процессов. Структура работы – условное деление ее на «тематические» главы – историческую, географическую, демографическую, этнографическую подчеркивает комплексный характер исследования и взаимосвязь, взаимообусловленность этнодемографических процессов и других разнообразных общественных, политических, экономических, социальных процессов и отношений.

Среди работ, посвященных этнической демографии, изданных в 1960-1980-е гг. следует назвать также коллективную монографию "Численность и расселение народов мира" (М., 1962), Этнодемографический справочник "Население мира" (С.И. Брук. М., 1981 и 1986). Этнодемографические исследования представлены в работах, посвященных отдельным регионам, в частности в книгах Б.В. Андрианова (Население Африки. Этностатистический обзор. М., 1964), П.И. Пучкова (Население Океании. Этногеографический обзор). М., 1967; Формирование "населения Меланезии. М., 1968; Этническая ситуация в Океании. М., 1983; Этническое развитие Австралии. М., 1987)¹.

¹ "Geography.ru: Географический атлас для учащихся

В работе «Население мира. Этнодемографический справочник»¹ показана демографическая картина современного мира - динамика численности населения, показатели естественного движения, семейной структуры, брачности, разводимости, возрастнополовой структуры, анализируется размещение, урбанизация, и миграции народов. В справочнике приведены данные по этнической ситуации в мире, численности народов по языковым семьям и группам, национальный, расовый, религиозный состав народов, классификация этносов, языки народов мира. По регионам и странам дается подробный этнодемографический обзор.

Особое значение для углубленного понимания этнодемографических процессов, происходящих в обществе, представляет работа Бромлей Ю.В. «Очерки теории этноса»², в которой исследуется широкий круг вопросов этнической, национальной проблематики. В книге проводится глубокое исследование общей характеристики этнических систем, анализируются вопросы понятийно-терминологического аппарата, дается характеристика основных видов общности людей и выделение этносов среди других человеческих общностей, формулируются определения форм и видов этносов, этнических общностей. В книге проводится глубокая систематизация исследований по определению наиболее существенных, неотъемлемых свойств этноса как единого целого, роли отдельных компонентов этноса и его функционирования как целостной системы. Представлено подробное исследование важнейших компонентов этноса, их структуры, функций, среды, культуры, этнического самосознания, этнических особенностей психологии, рассматриваются этнические функции эндогамии, как одного из факторов сохранения достаточно устойчивой целостности этноса, его стабильности. В работе анализируются вопросы взаимодействия этнической общности и среды обитания, прямого и косвенного влияния природной, географической среды на формирование и функционирование этноса. Отмечено, что климат, почва, рельеф, гидрография, флора, фауна оказывают, особенно на ранних ступенях развития общества, значительно влияние на особенности

¹ Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. Второе переработанное и дополненное издание. Отв. ред. П.И.Пучков. М., «Наука» 1986.

² Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 2009.

ведения хозяйства, характер трудовой деятельности, виды жилища, одежды, пищи. Характерные особенности географической среды оказывают, также, определенное воздействие на отдельные стороны духовной культуры и психического склада этноса, что находит свое косвенное выражение в обычаях, обрядах, темпераменте, этническом самосознании и других сторонах жизни. В работе дана подробная характеристика и типология этнических процессов, анализируется их детерминация социально-экономическими процессами и отношениями, рассматриваются особенности этносоциальных процессов на разных ступенях развития общества.

Достаточно подробный перечень работ по этнодемографической проблематике представлен в информационно-библиографических бюллетенях, подготовленных в Центре по изучению проблем народонаселения¹. В данных работах отражено содержание основных направлений проводимых в 1960-2000-е гг. исследований в области этнической демографии и смежных с ней наук, представлены разнообразные аспекты изучения этнодемографической проблематики, этнодемографических характеристик, показана территориальная и этническая дифференциация социально-демографических показателей и процессов. Среди исследований - работы, посвященные изучению социально-демографических характеристик этносов, в том числе и малочисленных, этническим особенностям демографических процессов, их региональной специфики, этнодемографическим процессам в конкретных регионах, этническим миграциям, миграционной политики. Часть работ, которые можно отнести и к региональной, исторической демографии и другим разделам посвящена изучению этнических аспектов социально-демографических и миграционных процессов в конкретных регионах². В исследованиях, как правило, кроме статистических

¹ См.: Библиография по проблемам народонаселения. (1972-1975 гг.). М., 1977., Литература о народонаселении. Библиографический указатель. (1975-1978 гг.). М., 1981, Литература о народонаселении. Библиографический указатель. (1979-1983 гг.). М., 1987., Демография и социально-экономические проблемы народонаселения. Информационно-библиографические бюллетени литературы. Выпуски 1-10.

² См. например: Гусейнова Н.А. Социальная ситуация и межнациональные отношения в Дагестане. М., 1998. Этнодемографическое развитие Урала в XIX-XX вв. Екатеринбург. 2000. Дробужева Л.М. Штрихи к этносоциальному

данных привлекается историко-социологический, этнографический материал, выборочные обследования.

Наглядным примером комплексности и взаимосвязи этнодемографических процессов со многими другими сферами – политической, социальной, экономической, этнокультурной, религиозной – являются исследования, в которых исторически прослеживается жизнь отдельного этноса или диаспоры¹. В сферу интересов исследователей, как правило, включаются вопросы, посвященные появлению этноса/диаспоры в регионе, расселению (дисперсному или компактному), изменению в размещении, динамика численности, воспроизводственные процессы, миграция, урбанизация, ассимиляция, интеграция, а также социально-экономические характеристики, образование, занятость, религия, приверженность к традициям, отношение к браку и разводу, типы семьи и многие другие вопросы². Проводимые исследования,³ как правило, представляют собой комплексное изучение естественно-исторических и социально-экономических условий формирования и развития народа, особенностей социально-демографических процессов, социальных, экономических, этнических проблем и противоречий, причин и факторов их обусловивших.

Одним из важных направлений этнодемографических исследований являются этнические характеристики миграций: национальный состав миграционных потоков, факторы миграции,

портрету москвичей. М., 2005. Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация (вторая половина XX - начало XXI вв.М., 207

¹ Диаспора - пребывание части народа (этнической общности) вне страны его происхождения при сохранении чувства идентификации со своей родиной.

² Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб.ст./РАН. Ин-т рос. истории. – М., ИРИ, 2001.

³Проект РФФИ (1998-2000 гг.): «Естественно-исторические и экономико-географические условия расселения, ассимиляции, миграции армян, греков, евреев, немцев на территории России и СНГ и роль этих народов в формировании русской культуры и науки». Проект РГНФ (2001-2003 гг.): «Демографическая характеристика, этнокультурное развитие, расселение, миграция, ассимиляция некоторых некоренных этнических групп России, имеющих государственность за пределы бывшего СССР (болгары, греки, китайцы, корейцы, поляки) в Российской империи, СССР, СНГ и современной России». -// Население и кризисы. №№ 7-10.

регионы выхода и вселения, вынужденные миграции, беженство, депортации, репатриации, занятость мигрантов, сферы деятельности, интеграция, адаптация и т.д.

Следует назвать и исследования, посвященные малоизученным вопросам - межнациональным бракам, этнически-смешанным семьям¹. Исследование межнациональных браков и этнически-смешанных семей может многое прояснить в понимании современной картины этнических процессов, в том числе ассимиляции и консолидации, в понимании и прогнозировании межнациональных отношений. Территориальные различия между регионами, сельским и городским населением весьма велики и связаны с целой группой факторов, таких как этнический состав региона, интенсивность и демографическую структура миграционных потоков, культурно-исторические особенности взаимодействующих этнических групп (в частности, языковые и религиозные характеристики этносов), а также соотношение между городским и сельским населением региона.

Исследования, посвященные тем или иным аспектам этнической демографии, также включаются в учебники по этнологии, социально-экономической географии, географии населения, территориальной организации населения и хозяйства.²

Среди новых научных исследований, в которых анализируется демографическое развитие народов России, следует отметить книгу «Население России в XX веке».³ В разделе «Особенности демографического развития народов России в 1960-1970-е гг.» исследуются тенденции изменения численности,

¹ П.Греус. Межнациональные браки на территории Российской Федерации в 30-е годы XX века.// Демографические исследования. Вып. 14. Историческая демография. // Под ред. М.Б.Денисенко, И.А.Троицкой. Москва, Макс Пресс, 2008 г.

² Экономическая и социальная география России. Под ред. Хрущева А.Т.- М., 2006. Тавадов Г.Т. Этнология. Учебник. М., «Проект», 2002., Симагин Ю.А. Территориальная организация населения и хозяйства. М., 2006.

³ Население России в XX веке. Исторические очерки. Т.3.кн.1. М., РОССПЭН. 2005. Авторы отмечают, что народы РСФСР исследовались, как правило, в контексте изменений, происходивших в СССР, наряду с народами других союзных республик, а особенности этнодемографического развития Российской Федерации в силу задач общесоюзных исследований анализировались в самом общем виде. Кроме того, в этнодемографических исследованиях до сих пор полностью не использованы значительные информационные возможности результатов переписей и текущего учета населения.

размещения, демографических характеристик этносов, анализируются основные факторы происходящих изменений. Материалы переписей населения позволяют учесть демографические показатели на момент переписи и проанализировать их изменения за межпереписные периоды: численность, размещение, этническую и языковую ситуацию, динамику численности, демографические характеристики, сдвиги в размещении, продолжительность проживания, изменение удельного веса каждого народа в населении страны, изменение уровня урбанизации и т.д. Анализ темпов роста и прироста населения свидетельствует о наличии существенных различий в демографическом развитии и характере этнических процессов между отдельными народами. Отмечается, что наиболее высокие темпы прироста наблюдаются у народов Северного Кавказа, выходцев из Закавказья и Средней Азии, у которых помимо высокой рождаемости отмечается высокая активность миграционного притока в Россию, большинство народов, численность которых уменьшилась за межпереписные периоды, имеют низкую рождаемость. Авторы анализируют изменения национального состава в автономных образованиях, который является, с одной стороны, достаточно стабильной характеристикой, но, вместе с тем, соотношение доли народов (титовых, русских, других) изменяется от переписи к переписи, в зависимости от конкретных социально-экономических и этнополитических условий. Важной характеристикой этнодемографических исследований является изучение расселения народов, особенностей территориального размещения этноса, как в ареале его компактного расселения, так и в этнически смешанных районах, входящих в этническую территорию, а также за ее пределами с выделением различных степеней смешения. Географическая карта народов России во многом определяется естественно-историческими, экономико-географическими, этнополитическими условиями формирования и развития - историей, демографическими, миграционными и этническими процессами, национальной политикой государства. Данные переписей населения позволяют проанализировать изменения характера расселения этносов по территории, степень их концентрации, дисперсность¹. В работе,

¹ В работе этносы разделены на группы в зависимости от того, как они распределяются по регионам (краям, областям и автономным республикам): проживают ли представители того или иного народа компактно в одном-двух

также, анализируется одна из важных социально-демографических характеристик этноса - показатели урбанизации. Известно, что народы Российской Федерации были в разной степени вовлечены в процесс урбанизации, в определенной мере это предопределялось территориальными различиями в динамике городского населения, которые были обусловлены закономерностями концентрации и интенсификации производства, политикой государства по размещению производительных сил. Вместе с тем, национальные особенности урбанизации в отдельных регионах зависели и от сложившегося жизненного уклада проживавших там народов. В республиках и в национальных образованиях процесс урбанизации в первой половине XX в. характеризовался притоком в города и новые промышленные районы русского населения и этнических групп, являющихся своего рода «спутниками» русских. Этот приток вызывался, прежде всего, потребностями экономического развития национальных областей в условиях, когда коренное население не располагало еще достаточными кадрами городских профессий.¹ До 1959 года титульные народы в автономных образованиях РСФСР состояли преимущественно из сельских жителей, доля горожан не превышала ни в одной из республик 30% от общей численности народов, в дальнейшем урбанизационные процессы среди титульных народов ускорились.

Этнические различия в темпах урбанизации проявляются в том, что этнические структуры городского и сельского населения России заметно отличаются, вместе с тем, с 1960-х годов отмечается тенденция к сокращению различий между народами по уровню урбанизации.²

регионах или рассеяны по всей территории. В работе выделены группы народов, подавляющее большинство (85% и выше) представителей которых сконцентрировано в одном регионе (например, якуты, тувинцы, кабардинцы, чеченцы). Примерно 50% от численности некоторых народов (например, марийцы, эвенки, чуваша, караимы) сосредоточены в одном-двух регионах, а с учетом прилегающих территорий, концентрация может составлять 70-80%. Менее компактно распределяются по территории казахи, мордва, татары, евреи, азербайджанцы, в одном регионе концентрировалась примерно одна треть представителей этих народов. Наиболее дисперсным расселением характеризуются русские, белорусы, украинцы

¹ Козлов В.И. Национальности СССР. М., 1975. С.83

² Население России в XX веке. Исторические очерки. т.3.кн.1. М., РОССПЭН. 2005., с. 96.

Особого внимания заслуживает представленное в названной работе исследование региональной и этнической дифференциации демографических показателей. Авторы анализируют региональную дифференциацию суммарного коэффициента рождаемости, который в определенной степени отражает этническую дифференциацию. В работе анализируются показатели среднего числа рожденных детей женщинами отдельных национальностей разных поколений, что позволяет выявить этнические различия по уровню рождаемости.¹ Особого интереса заслуживает представленный в работе анализ возрастных структур народов России. Авторы выделяют несколько типов половозрастных структур, отмечают факторы, определившие виды возрастнополовых пирамид у разных народов. Деформации пирамид в динамике проявляются в форме демографических волн, которые влияют как на демографические процессы, так и на социально-культурное развитие народов. Среди исследований, посвященных изучению возрастных структур народов России можно назвать, так же работу «Возрастная структура народов РСФСР»², в которой исследуется этническая дифференциация возрастной структуры населения России в 1959-1989 годах. Главным фактором, определяющим этническую дифференциацию показателей возрастной структуры народов России, являлась рождаемость, в отдельных случаях существенное воздействие на характер изменения возрастного состава национальностей оказывали миграционные процессы и ассимиляция. Знание особенностей возрастного состава народов является важнейшим условием познания их прошлого и выявления перспектив их будущего.

Подводя итог краткому анализу современного состояния этнодемографических исследований, можно отметить, что развитие

¹ Авторы отмечают, что информация о среднем числе рожденных детей по поколениям женщин и распределении детей по очередности их рождения позволяет точнее выявить, на какой стадии перехода к новому типу рождаемости, отличающемуся от традиционного типа низкими показателями рождаемости и массовым распространением внутрисемейного регулирования деторождений, находились те или иные народы. Население России в XX веке. Исторические очерки. т.3.кн.1. М., РОССПЭН. 2005., с. 97.

² Денисенко М.Б., Хараева О.А. Возрастная структура народов РСФСР, 1959-1989 гг. // В сборнике «Население и кризисы», выпуск 10, М., МАКС-Пресс. 2004 г.

данного научного направления является не только необходимым условием углубления знаний о народах России, понимания происходящих этнополитических процессов, но и перспективным с точки зрения прогнозирования и формирования социально-демографической и миграционной политики. Поскольку данное научное направление является комплексным, тесно связанным с рядом других наук, и как самостоятельное направление, сравнительно молодым, то ряд вопросов методологического и методического характера требуют дальнейшего формирования и развития. К этим вопросам относятся и разработка и уточнение понятийного аппарата, типология этнодемографических структур, разработка методологии и методики проведения комплексных исследований с выходом на конкретные рекомендации и прогнозные оценки. Знание особенностей этнического и демографического развития страны в целом и в конкретных регионах, особенно полиэтничных, формирование социально-демографической и миграционной политики с учетом этнодемографической составляющей, является необходимым условием развития России и всех населяющих ее народов.

Литература

- Библиография по проблемам народонаселения. (1960-1971гг.) М., 1974.
- Библиография по проблемам народонаселения. (1972-1975 гг.)М., 1977.
- Литература о народонаселении. Библиографический указатель. (1975-1978 гг.)М., 1981.
- Литература о народонаселении. Библиографический указатель. (1979-1983 гг.)М., 1987.
- Демография и социально-экономические проблемы народонаселения. Выпуски 1-10.
- Бондарская Г.А. Влияние этнического фактора на уровень рождаемости в СССР и некоторых социалистических странах Европы. /Факторы рождаемости. М., 1977.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 2009.
- Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986.
- Брук С.И. Этнодемографические процессы в СССР: По материалам послевоенных переписей населения//История СССР. 1989.№5.

- Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. О предмете и задачах этнографии. «Советская этнография», 1963, № 3.
- Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г. Современное состояние исследований по этнической географии в СССР. «География населения в СССР. Основные проблемы». М., 1964.
- Демография: современное состояние и перспективы развития. Учебное пособие. Под ред. Д.И. Валентя. М., 1997
- Демографический энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия» 1985. Под ред. Д.И. Валентя.
- Добровольская В.М. Этническая дифференциация смертности. // Демографические процессы в СССР. М., 1990.
- Кабузан Н. Русские в мире. С.-Петербург. 1996.
- Каппелер Андреас. Россия – многонациональная империя. «Традиция». 1997.
- Клупт М. Демография регионов Земли. «Питер Пресс» 2008.
- Козлов В.И. Динамика численности народов. М., «Наука» 1969.
- Козлов В.И. Национальности СССР. (Этнодемографический обзор). М., «Статистика» 1975.
- Козлов В.И. Национальности СССР. (Этнодемографический обзор). Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., «Статистика» 1982.
- Козлов В.И. Этническая демография. М., «Статистика», 1977.
- Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001
- Материалы по этнической географии России (обзор) М., Макс-Пресс, 2001.
- Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., «Большая Российская энциклопедия» 1994. с. 570.
- Народы России. Энциклопедия. Гл. ред. Тишков В.А., М., 1994.
- Население России в XX веке. Исторические очерки. Т.3. кн.1. М., РОССПЭН. 2005.
- Население России 2003-2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад. Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.
- Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. Сб.ст./РАН. Ин-т ро. истории. – М., ИРИ, 2001.
- Национальный вопрос в России и СНГ и этносоциологические проблемы иноземных диаспор. В сб.: Население и кризисы. Выпуск 9. Под ред. Б.С. Хорева, И.А. Даниловой, М.Э. Пановой. М., МАКС-Пресс, 2002.

Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации: этносоциологические очерки//Отв. ред. М.Н.Губогло, Л.В. Остапенко.- М.: ИЭА, 2005.

Региональные и этнические особенности демографического развития России и СССР. В сб.: Население и кризисы. Выпуск 10. Под ред. И.А.Даниловой, М.Б. Денисенко. М., МАКС-Пресс, 2004.

Рыбаковский Л.Л., Сигарева Е.П., Харланова Н.Н. Этнический фундамент населения России //СоцИс: Социологические исследования. – М., 2001.-№4. с.86-93.

Российская перепись в этническом измерении. В.Тишков, В.Степанов. Демоскоп. №№ 155-156.

Основы этнологии. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. М., 2003.

Симагин Ю.А. Территориальная организация населения и хозяйства. М., 2006.

Система знаний о народонаселении. Под ред. Д.И. Валентя. М., «Статистика» 1976.

Степанов В.В. Российская перепись 2002 года: пути измерения идентичности больших и малых групп // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. No. 145. М.: ИЭА РАН, 2001.

Сто наций и народностей: Этнодемографическое развитие СССР. М., «Мысль» 1985.

Субботина И.А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация (вторая половина XX - начало XXI вв.М., 207

Тавадов Г.Т. Этносоциология. Словарь-справочник. М., 1998 с.622.

Тавадов Г.Т. Этнология. Учебник. М., «Проект», 2002.Численность и расселение народов мира М., 1962.

Что нужно знать о народах России. Справочник для государственных служащих. М., 1999.

Экономическая и социальная география России. Под ред. Хрущева А.Т. М., 2006. Этническая психология. Баронин А.С Киев, «Тандем», 2000.

Этнодемографическое развитие Урала в XIX-XX вв. Екатеринбург., 2000.

Дорофеева Д. Ю., Савоскул М. С.

ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ МОЗАИЧНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

Данная статья посвящена вопросам исследования этничности в России, в ней приведены примеры разработанных в конце XX века и ныне практически не употребляемых, ни географами, ни этнографами показателей, количественно отражающих уровень этничности в полиэтничных регионах. Исследование вопросов взаимодействия различных этносов на одной территории стали еще более актуальными после распада СССР, что связано с активизацией процессов этнического самосознания многих этнокультурных групп, а также небывалой волной этнических миграций, направленных в российские регионы.

Основные сдвиги в этническом составе населения России в 1959-2002 гг.

Непрерывное изменение этнической структуры населения России обусловлено следующими факторами: этнические миграции, усиление этнического самосознания, процессы ассимиляции, а также разница в демографическом поведении различных этнических групп России, что связано с их нахождением на разных стадиях демографического перехода.

В итоге, под воздействием этих факторов к началу XXI века часть крупных народов увеличила свою численность, причем некоторые — очень значительно, в два раза и даже более, например, армяне и азербайджанцы. Численность этих народов увеличилась, прежде всего, за счет масштабной иммиграции в Россию. Причину резкого увеличения численности ряда других народов Северного Кавказа (ингушей, чеченцев), этнографы затрудняются назвать однозначно, тут свою роль могли сыграть и высокий естественный прирост, и смена этнического самосознания в биэтнических семьях, не исключаются специалистами и возможности двойного счета в ходе подведения итогов переписи населения в 2002 г.

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) Грант № 06-06-80166-а «Этнический фактор социально-экономической трансформации сельской местности в полиэтничных регионах России».

Итак, в России в 2002 г. насчитывалось 23 наиболее многочисленных национальности, численность которых превышала 400 тыс. человек, в 1989 г. таких национальностей было 17. В связи с ростом численности населения в эту группу вошли азербайджанцы, кабардинцы, даргинцы, кумыки, ингуши, лезгины и якуты, выбыли из-за уменьшения численности населения евреи.

Как и в 1989 г., численность семи народов превышает 1 млн. человек, однако в составе этой группы произошли изменения: в межпереписной период в группу вошли чеченцы и армяне, вышли белорусы и мордва (см. табл. 1).

Русские остаются, по-прежнему, наиболее многочисленной этнической группой (около 116 млн. человек) и составляют почти 80% общей численности населения. По сравнению с 1989 г. их доля во всем населении страны уменьшилась на 1,7%. Это произошло, главным образом, за счет естественной убыли, составившей почти 8 млн. человек, которую не смог компенсировать немногим более трехмиллионный миграционный прирост русских.

Из-за этнической миграции в другие страны снизилась численность украинцев, немцев, евреев. Из-за изменения этнической идентичности снизилась численность мордвы. Причины снижения численности белорусов, вероятнее всего, объясняются как этнической миграцией в Белоруссию, так и сменой этнической идентичности.

Изменение численности других этнических групп указанных в таблице, в первую очередь, обусловлено высоким естественным приростом среди этих этнических групп.

Различные подходы к расчету этнической мозаичности

Одним из исследований, проводимых по результатам переписей населения (этнической их части) является изучение мозаичности этнического состава территорий различного уровня (городов, районов, субъектов РФ).

«Индекс мозаичности» как этногеографическое понятие был, упомянут В. В. Покшишевским в его статье «Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения», опубликованной в журнале «Советская этнография» в 1969 г. Предложенный В. В. Покшишевским «индекс этнической мозаичности» является основой структурного анализа этнического состава территориального образования, в его исследовании

Таблица 1

**Этнический состав населения России по данным
переписей населения 1959-2000 гг. (тыс. человек)**

Национальность	Год				
	1959	1970	1979	1989	2002
Все население	117534	130079	137410	147022	145164
Русские	97864	107748	113522	119866	115869
Татары	4074	4755	5006	5522	5558
Украинцы	3359	3346	3658	4363	2943
Башкиры	954	1181	1291	1345	1674
Чуваши	1436	1637	1690	1774	1637
Чеченцы	261	572	712	899	1361
Армяне	256	299	365	532	1130
Мордва	1211	1177	1111	1073	845
Белорусы	844	964	1052	1206	815
Аварцы	250	362	438	544	757
Казахи	382	478	518	636	655
Удмурты	616	678	686	715	637
Азербайджанцы	71	96	152	336	621
Марийцы	498	581	600	644	605
Немцы	820	762	791	842	597
Кабардинцы	201	277	319	386	520
Осетины	248	313	352	402	515
Даргинцы	153	224	280	353	510
Буряты	252	313	350	417	445
Саха (Якуты)	233	295	327	380	444
Кумыки	133	187	226	277	423
Ингуши	56	137	166	215	412
Лезгины	114	170	203	257	412

Источник: Население России за 100 лет (1897-1997): Статистический сборник. Госкомстат России. М., Госкомстат РФ, 1998; Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., Госкомстат, 2003.

показана методика определения этнической структуры города и подчеркнута важность нового понятия, но задача разработки методики конкретного определения индекса мозаичности была

только поставлена, в этой статье еще не был предложен какой-либо количественный индекс.¹ Был сделан акцент на то, что при оценке мозаичности этнического состава населения принимаются во внимание два фактора:

1) количество национальностей в рассматриваемом территориальном образовании

2) их процентное соотношение.

Казалось бы, что чем больше количество национальностей, зарегистрированных в образовании, тем более мозаично его население. С другой стороны, очевидно, что чем больше процент основной национальности (не обязательно местной для данного района), тем менее пестрой будет этническая структура в данном случае.

Поэтому упрощенный подход при анализе и сравнении субъектов по какому-либо одному из отмеченных факторов, может привести к ошибочным выводам. А анализ последовательно по двум факторам, как правило, приводит к прямо противоположным результатам.

Было произведено не так много попыток сбалансировать значения этих двух факторов в формулах, обеспечивающих адекватную оценку мозаичности этнического состава.

Попытка определить так называемый «уровень многонациональности» на два года раньше статьи В. Покшишевского была сделана в работе Э. С. Менабдешвилли.² Однако предложенная им методика определения уровня многонациональности, т. е. степени этнической пестроты, не была в достаточной степени обоснована.

Вот как выглядит описание оценки уровня национальности в данной работе: «...берутся абсолютные числа и количество национальностей, входящих в исследуемую единицу, и составляется ряд, в котором первое место занимает абсолютное число коренной национальности, а следующие места — абсолютные числа некоренных наций, расположенных по принципу увеличения их абсолютных величин; первый член ряда умножается на один, второй — на два и т. д. Полученные величины суммируются и

¹ В. В. Покшишевский «Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения»// Советская этнография. 1969, №5.

² Э.С. Менабдешвилли «Количественный подход к исследованию национальных отношений в производственном коллективе», Тезисы к совещанию «Количественные методы в социальных исследованиях», Тбилиси, 1967.

делятся на абсолютное число людей входящих в исследуемую социальную единицу».¹ Данное объяснение можно свести к формуле:

$$Y = \frac{k + \sum_{i=1}^{i=m} (i+1) n_i}{k + \sum_{i=1}^{i=m} n_i}$$

Y - уровень многонациональности

k - абсолютное число лиц коренной национальности

n_i - абсолютное число лиц некоренной, по численности занимающее (1+m— i)-ое место национальности

m - количество некоренных национальностей.

По формуле уже видно, что оценивать уровень многонациональности удобнее, если этническая структура исследуемой единицы представлена в процентах, а не в абсолютных числах, как это предлагает Э. С. Менабдешвили.

Внимательный анализ показывает, что методика Э.С. Менабдешвили неверна в своей основе: уровень многонациональности «исследуемой единицы» по его терминологии будет изменяться в зависимости от того, какая национальность принимается за коренную, что вообще недопустимо.

Еще одна формула для определения степени мозаичности этнического состава населения была представлена Л.Ф.

¹ См. там же.

Моногаровой.¹ В работе была рассмотрена лишь степень мозаичности городов. Главный недостаток этой формулы заключается в том, что степень мозаичности > или < определяется для города только по сравнению с другими городами ансамбля, т. е. как для элемента этого ансамбля городов. Выбор ансамбля может быть произвольным и в этом он субъективен. Предлагаемая методика определения индекса этнической мозаичности сводится к следующей формуле:

$$M_j = 1 - \frac{\sum_{i=1}^{i=m} |n_{ji} - n_m|}{100\%}$$

Представляется, что национальности, составляющие малый процент численности населения города, можно не учитывать. Минимальная же численность группы населения, национальность которой должна учитываться при определении индекса мозаичности города, зависит не только и не столько от того, какой она составляет процент от населения города, а от этнической структуры всего ансамбля рассматриваемых городов.

Еще одна формула для определения индекса мозаичности национального состава населения была представлена позже Б.М. Эккелем.² Преимущества данной формулы заключаются в ее объективности. Индекс, посчитанный таким методом, не зависит ни от набора рассматриваемых территориальных образований, ни от различий в количестве проживающих народов на рассматриваемых

¹ Л.Ф. Моногарова «Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения» // Советская этнография, 1972, №6.

² Б.М. Эккель. «Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР» // Советская этнография, 1976, №2.

территориях. Он позволяет беспрепятственно сравнивать мозаичность национального состава любых сопоставимых территорий. Подсчет индекса производится по следующей формуле:

$$P_i = 1 - \sum_{i=1}^m (\pi_i)^2$$

P_i — индекс мозаичности национального состава i -го района;
 m - число национальностей в i -м районе;
 π — доля (частота) i -й национальности во всем населении i -го района

Индекс расчета этнической мозаичности Б.М. Эккеля

Индекс Эккеля является наиболее удобным для проведения сравнительной характеристики мозаичности этнического состава регионов России.

Важным фактором, оказывающим воздействие на интенсивность межнациональных контактов, является количественное соотношение и территориальное размещение взаимодействующих национальных групп.

Б.М. Эккель руководствуется тем, что внутри достаточно мелких территориальных ячеек существуют постоянные «беспорядочные» перемещения, «диффузия» (интенсивные перемещения населения, обмен информацией, совместная работа и отдых различных групп населения, всевозможные непосредственные и иные контакты и т. д.).¹ Он допускает что эти первичные территориальные ячейки структурно-однородны по национальному составу населения. Поскольку представители различных национальных групп внутри первичных территориальных ячеек вступают между собой в повседневные контакты, индекс не учитывает особенности размещения этих национальных групп

¹ Б.М. Эккель «Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР» // Советская этнография, 1976, №2

(например, национальные улицы, кварталы, даже небольшие национальные поселения). Можно предположить, что любая часть ячейки будет характеризоваться таким же соотношением народов, как и вся ячейка в целом, и что в любой части этой ячейки межэтнические контакты имеют одинаковую интенсивность.

Анализируя этнические процессы в элементарной территориальной ячейке интенсивных контактов, мы можем временно не рассматривать особенности территориального размещения народов и сосредоточить внимание на их количественных соотношениях. Иногда можно не рассматривать особенности территориального размещения народов и для более крупных территориальных ячеек (район, область), поскольку интенсивные «внутрирайонные и внутриобластные миграции населения со временем приводят к устранению особенностей отдельных групп населения».¹

Б.М. Эккель предлагает иной, по сравнению с принятым Л.Ф. Моногаровой, подход к определению индекса национального состава населения. Подход основан на определении этнической пестроты населения через теоретическую вероятность интенсивности межнациональных контактов, которая имела бы место, если бы контакты обуславливались лишь процентным соотношением национальных групп в данном районе независимо от других факторов.

Индекс мозаичности национального состава города, или какой-либо территориальной единицы будет тем выше, чем больше в нем будет представлено групп национальностей, чем меньше будут эти группы и чем более равномерно по численности они распределены. Теоретическая вероятность вступления национальностей в межнациональные контакты также будет тем выше, чем больше имеется групп национальностей и чем они численно меньше.

Важным преимуществом такого индекса мозаичности является его однозначность. Каждый район или населенный пункт имеет конкретное значение индекса мозаичности вне зависимости от блока районов или населенных пунктов, в которых он рассматривается (как это было у Л.Ф. Моногаровой). С помощью этого индекса можно сравнивать мозаичность национального состава различных районов и городов России.

¹ И.С. Гуревич «Некоторые проблемы этнического развития народов СССР» // Советская этнография. 1967, №5.

Индекс Эккеля также удобен для сопоставления изменения уровня многонациональности множества районов в течение определенного периода. С его помощью можно точно оценить в каком из ряда регионов в большей степени увеличилась или уменьшилась пестрота национального состава и дать количественную характеристику этим изменениям.

Предложенный Б.М. Эккелем индекс мозаичности учитывает все национальности, проживающие в данном регионе, но практически на его величину оказывают влияние лишь достаточно крупные по численности национальности. Так, национальность, доля которой в населении района составляет менее 0,1%, если ее не учитывать при расчетах, может повысить значение индекса мозаичности менее чем на 0,0001, что, как правило, несущественно.

На основании переписей населения СССР 1959 и 1970 годов Б.М. Эккелем была рассчитана мозаичность национального состава населения субъектов, а также рост значений индекса мозаичности в 1959—1970 гг.¹

На основе индекса Эккеля нами были проведены соответствующие расчеты по данным переписей населения 1979 г., 1989 г. и 2002 г. для регионов России. Это позволяет проследить динамику изменения мозаичности субъектов, а также сопоставить темпы роста или убыли этнической мозаичности регионов России за период с 1959 по 2002 гг.

Динамика этнической мозаичности. с 1959 г. по 2002 г.

Наиболее однородный национальный состав всегда наблюдался в областях Центра Европейской части России. Но за период с 1959 г. по 2002г. уровень мозаичности этнического состава практически во всех регионах центральной России вырос примерно на 0,05 – 0,07. Это явление в основном связано с процессом миграционного притока инонационального населения (см. рис. 1).

Так же наиболее низкий уровень этнической мозаичности в настоящее время характерен для юга Западной Сибири и юга Дальнего Востока. Это те территории, в заселении которых помимо русских активное участие принимали украинцы, белорусы, немцы и народы Поволжья. Поэтому мозаичность

¹ Б.М. Эккель. «Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР» // Советская этнография, 1976, №2.

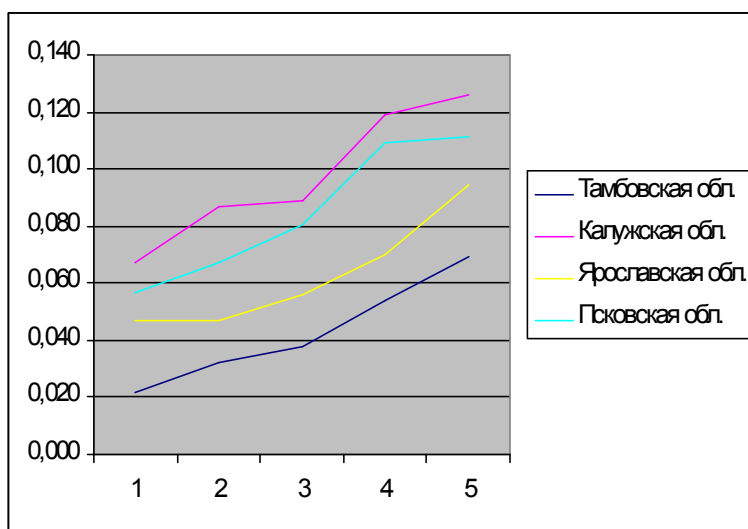

Рисунок 1. Динамика индекса этнической мозаичности в ряде регионов Центральной России

Цифры соответствуют годам проведения переписей 1 – 1959 г., 2 – 1970 г., 3 – 1979 г., 4 – 1989 г., 5 – 2002 г.

национального состава этих районов в середине прошлого века в два-три раза превышала, мозаичность в Центре Европейской части России. Но на протяжении длительного времени для большинства из этих регионов были характерны процессы ассимиляции мелких этнических групп, за счет чего происходит интенсивное уменьшение индекса мозаичности. Также большую роль в изменении индекса мозаичности за последний межпереписной период сыграл миграционный отток граждан бывших Союзных республик после распада СССР.

Для районов Дальнего Востока всегда была характерна несколько большая мозаичность, чем для наиболее освоенных районов Сибири. Это объясняется тем, что в первой волне переселенцев на Дальний Восток (в начале XX в.) было до 50% украинцев из Левобережной Украины, также среди переселенцев были представлены почти все народы СССР. Тем не менее, в районах Дальнего Востока мозаичность населения по национальному составу быстро уменьшается за счет ассимиляции украинцев и других этнических групп. Распад Союза сыграл для

этнической мозаичности этих регионов существенную роль. Прежде всего, за счет большего количества украинцев проживавших на данной территории.

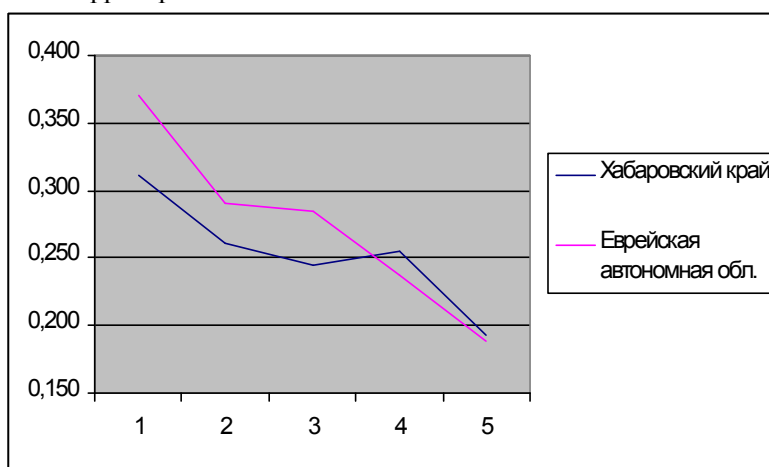

Рисунок 2. Динамика индекса этнической мозаичности в ряде регионов Дальнего Востока

В России всегда максимальными значениями индекса мозаичности выделялись национально-территориальные образования (Республика Дагестан и другие республики Северного Кавказа, Башкирия и республика Коми, Ямало-Ненецкий автономный округ). За 1959- 2002 гг. мозаичность почти всех республик и автономных округов России возросла в основном за счет увеличения доли коренной национальности.

Так, доля русских в Карачаево-Черкесской Республике за период 1979 по 2002 год сократилась с 45% до 34%, а суммарная численность карачаевцев и черкесов выросла с 39% до 50%.

Наиболее интенсивно процесс роста мозаичности происходил в Республике Калмыкии, а также в Ненецком АО (здесь отмечен значительный отток «пришлого» населения), Республике Алтай (также отток инонационального населения при повышенном естественном приросте коренной национальности).

Для ряда автономных образований Севера России (Республики Карелии, Республики Коми) характерно уменьшение мозаичности национального состава. Это связано с интенсивной

ассимиляцией коренных национальностей русскими, а также эмиграцией украинцев и белорусов.

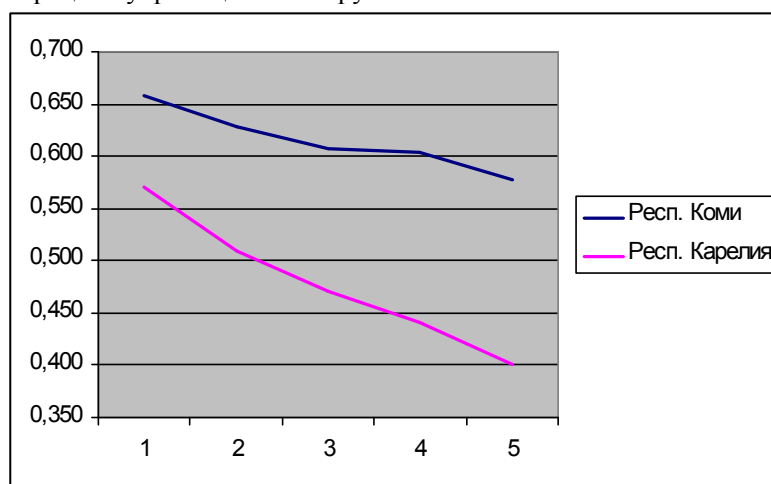

Рисунок 3. Динамика индекса этнической мозаичности автономных образований Севера Европейской части России

Народы Поволжья, помимо своих автономных образований, хорошо представлены в областях Волго-Вятки, Урала, Юго-Западной Сибири, в меньшей мере в восточных областях Центрального района. Обладая, как правило, более высоким естественным приростом, чем русские, народы Поволжья оказывают существенное воздействие на возрастание мозаичности национального состава этих районов.

Так, Ульяновская область находится в зоне влияния почти всех самых многочисленных народов Поволжья. Это находит следующее отражение в этническом составе населения области: русские – 73%, татары – 12%, чуваша – 8%, мордва – 4%

В целом, вырос уровень многонациональности на всем Северном Кавказе. Во всех национальных образованиях за счет более высокого естественного прироста титульных народов, а в остальных субъектах за счет иммиграции этих народов.

Для России характерны две внешне довольно необычные тенденции. В районах в высшей степени однонациональных (области Европейской части России) за 1959—2002 гг. постепенно увеличивалась мозаичность национального состава. Это главным образом происходит за счет притока инонационального населения

в довольно крупные города центра. С другой стороны, в районах, где индекс мозаичности раньше был лишь несколько ниже среднего (области Сибири и Юга Дальнего Востока), постепенно становятся в один ряд с центральными областями. Это явление в основном связано с соотношением процессов миграционного притока инонационального населения, оттока граждан бывшего Союза и ассимиляции мелких этнических групп.

Главная особенность мозаичности этнического состава России заключается в том, что практически во всех регионах мозаичность складывается из соотношения русских и коренного народа. Редко какой-либо народ помимо титульного народа и русских играет существенную роль в структуре национального состава региона.

Типология субъектов России по уровню этнической мозаичности

Основываясь на расчете индекса мозаичности этнического состава Эккеля по данным переписи населения 2002 года можно провести соответствующую классификацию регионов России.

Поскольку индекс может иметь одинаковые значения в качественно разных случаях (например, при соотношении национальностей 60:40 и 70:10:10:10 в обоих случаях индекс будет равен 0,48), следует вводить некие качественные характеристики. В роли такой характеристики может выступать наличие или отсутствие явно доминирующей национальности; наличие или отсутствие весомого национального меньшинства. В основу классификации автором были положены следующие два критерия:

- Величина индекса Эккеля
- Соотношение национальностей

Ниже представлена типология регионов России по уровню этнической мозаичности:

1. Первая группа регионов характеризуется самым однородным этническим составом. Значение индекса Эккеля в таких регионах не превышает 0,2. А также более 90% населения являются представителями одного этноса. Для подавляющего большинства регионов таким этносом является русский. Единственным субъектом, имеющим в качестве доминирующего другой этнос является Чеченская республика. Численность чеченцев в республике составляет 93% от общей численности населения. В эту группу входит 37 регионов, большая часть которых расположена на европейской территории России, а также на юге Западной Сибири и

Дальнем Востоке. То есть в регионах традиционного проживания русского этноса, а также в регионах активно осваиваемых русскими в течение нескольких столетий.

(Вологодская обл., Тамбовская обл., Брянская обл., Курская обл., Липецкая обл., Костромская обл., Орловская обл., Тульская обл., Ярославская обл., Нижегородская обл., Владимирская обл., Рязанская обл., Псковская обл., Архангельская обл., Воронежская обл., Новгородская обл., Ивановская обл., Чеченская Республика, Калужская обл., Смоленская обл., Новосибирская обл., Белгородская обл., Тверская обл., Амурская обл., Алтайский край, Кемеровская обл., Курганская обл., Московская обл., Кировская обл., Томская обл., Еврейская автономная обл., Приморский край, Читинская обл., Иркутская обл., Хабаровский край, Ленинградская обл., Ростовская обл.)

2. Ко второй группе относятся также довольно однородные по этническому составу населения регионы. Для них индекс Эккеля лежит в пределах 0,2-0,35. Увеличение индекса происходит за счет снижения доли доминирующего этноса. Численность доминирующего этноса составляет 80 – 90% от общей численности населения в регионе. Во всех таких регионах крупнейшим по численности народом являются русские. Из национальных образований в данной группе присутствует лишь республика Хакасия. Эти регионы, главным образом расположены в Поволжье и на юге Западной Сибири. К данной группе относятся 19 субъектов федерации.

(Свердловская обл., Красноярский край, Волгоградская обл., Краснодарский край, Пензенская обл., Саратовская обл., Мурманская обл., Пермская области, г. Санкт-Петербург, г. Москва, Сахалинская обл., Самарская обл., Омская обл., Калининградская обл., Челябинская обл., Ставропольский край, Республика Хакасия, Камчатская обл., Магаданская обл.).

Во всех регионах, входящих в первые две группы, индекс мозаичности этнического состава ниже, чем в среднем по России, который составляет 0,36.

3. Третья группа регионов ограничена значением индекса Эккеля равным 0,5. Численность доминирующего этноса колеблется от 63% до 77% от общей численности населения в регионе. По характеру соотношения крупнейших народов в регионе данную группу логично разделить на две подгруппы:

3а) двунациональные регионы (те регионы, в которых доля двух крупнейших народов в сумме превышает 90%, а так же отсутствуют другие народы, доля которых в населении превышает 5%)

В группу входят: Республика Ингушетия, Республика Тыва, Республика Бурятия, Чувашская Республика, Агинский Бурятский АО

В данной подгруппе во всех регионах кроме Республики Ингушетии одним из двух основных народов является русский, а вторым титульный народ. Причем титульный народ имеет большую долю. Исключение составляет Республика Бурятия, в которой доля бурят- 28%, а Русских – 68%. В Ингушетии крупнейшими народами являются ингуши и чеченцы соответственно.

3б) регионы с одним доминирующим этносом, но в которых присутствуют два или более народа с долей в населении от 5% до 15%.

В группу входят: Республика Карелия, Оренбургская обл., Ульяновская обл., Тюменская обл., Астраханская обл.

Для всех регионов, входящих в группу таким доминирующим этносом являются русские, доля которого колеблется от 70% в Астраханской области до 77% в Республике Карелия. Республика Карелия является единственным в данной группе национальным территориальным образованием, что обуславливает ряд отличий от других регионов входящих в эту группу. Так, вторым по численности в Республике является титульный народ, при крайне незначительной доле татар. В то время как в других регионах данной группы татары имеют вес от 7% до 12%, и являются вторыми по численности везде кроме Астраханской области (тут казахи - 14%).

4. Четвертая группа регионов характеризуется сравнительно высоким индексом Эккеля, лежащим в пределах 0,5 – 0,6, и разнообразными процентными соотношениями крупнейших народов. Как и третью группу, в данном случае целесообразно разделить на подгруппы. Здесь также можно выделить подгруппу двунациональных регионов, от третьей группы отличающихся более низкой суммарной долей двух крупнейших народов.

4 а) двунациональные регионы (те регионы, в которых доля двух крупнейших народов в сумме превышает 85%, а так же отсутствуют другие народы, доля которых в населении превышает 5%)

В данную группу входят 7 регионов: Коми-Пермяцкий АО, Республика Мордовия, Республика Адыгея, Усть-Ордынский АО, Удмуртская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Татарстан. Как видно, все эти регионы – национальные территориальные образования. Во всех регионах двумя крупнейшими народами являются русские и титульный народ. Но лишь в Татарстане, Северной Осетии, и Коми-Пермяцком АО доля титульного этноса превышает долю русских.

4 б) регионы с одним доминирующим народом, при суммарно высокой доле оставшихся народов.

В данную подгруппу попадает лишь Ханты-Мансийский АО. Доля крупнейшего по численности народа составляет 66% от общей численности населения в регионе, остальные же народы не переходят рубеж в 10%. Как и в подгруппе доминирующим народом являются русские, в то время как титульные народы не превышают 2%. Вторыми и третьими по численности являются татары (8%) и украинцы (9%).

4 в) регионы с двумя доминирующими народами, при наличии значительных других народов.

В данную группу входят 5 регионов: Ненецкий АО, Республика Татарстан, Эвенкийский АО, Республика Алтай, Республика Марий Эл.

Все регионы, входящие в данную группу, являются национальными образованиями. Одной из доминирующих национальностей во всех случаях являются русские, вторым народом – титульный, причем доля русских всюду выше.

5. Данная группа характеризуется довольно высокой степенью мозаичности этнического состава населения, индекс Эккеля в этих регионах лежит в пределах 0,5 - 0,6. В данной группе нет ни одного региона, в котором доля крупнейшего народа превышала бы 60%. В данном случае можно выделить 3 подгруппы:

5 а) двунациональные регионы (те регионы, в которых доля двух крупнейших народов в сумме превышает 85%, а так же отсутствуют другие народы, доля которых в населении превышает 5%)

К данной подгруппе относятся: Республика Калмыкия, Республика Саха (Якутия).

В данных республиках доля титульного народа незначительно, но превышает долю русских.

5 б) регионы с одним доминирующим народом, при суммарно высокой доле оставшихся народов.

В данную подгруппу входят: Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО, Ямало-Ненецкий АО. Доля крупнейшего по численности народа не превышает в этих регионах 60% от общей численности населения, остальные же народы не переходят рубеж в 15%. Как и в подгруппе 5в доминирующим народом являются русские.

5 в) регионы с двумя доминирующими народами, при наличии значительных других народов.

В данную группу входят 3 региона: Кабардино-Балкарская Республика, Чукотский АО, Корякский АО.

Все регионы, входящие в данную группу являются национальными образованиями. Одной из доминирующих национальностей во всех случаях являются русские, вторым народом – титульный.

6. Шестая группа регионов характеризуется самым высоким уровнем мозаичности этнического состава населения. Индекс Эккеля для них превышает 0,7. Нет ни одного народа, доля которого в населении региона превышала бы 2/5.

В данную группу входят: Карачаево-Черкесская Республика, Республика Башкортостан, Республика Дагестан.

Типология регионов России по величине и темпам роста индекса мозаичности этнического состава Эккеля.

В основу типологии регионов были положены два фактора: величина индекса Эккеля за 2002 год и прирост индекса по сравнению с величиной 1989 г. (см. табл. 2). По величине индекса Эккеля регионы были разделены на три группы.

- с низкой мозаичностью (0,0 – 0,2)
- со средней мозаичностью (0,2 – 0,5)
- с высокой мозаичностью (0,5 – 0,8).

По темпам роста на следующие три группы:

- с отрицательным приростом (-0,05 – (-0,02))
- с незначительным изменением (-0,02 – 0,02)
- с положительным приростом (0,02 – 0,09)

Таблица 2

**Соотношение динамики и уровня этнической мозаичности в
регионах
России в 1989 – 2002 гг.**

		Динамика индекса Эккеля 1989 – 2002 гг.		
		от -0,05 до -0,02	от -0,02 до 0,02	от 0,02 до 0,09
Индекс Эккеля 2002г.	0,0 - 0,2	Архангельская область	Вологодская область	Липецкая область
		Чеченская Республика	Тамбовская область	Орловская область
		Амурская область	Брянская область	Ярославская область
		Алтайский край	Курская область	Рязанская область
		Кемеровская область	Костромская область	Ивановская область
		Томская область	Тульская область	Московская область
		Еврейская АО.	Нижегородская область	Ленинградская область
		Читинская область	Владимирская область	
		Иркутская область	Псковская область	
		Приморский край	Воронежская область	
		Хабаровский край	Новгородская область	
			Калужская область	
			Смоленская область	
			Новосибирская область	
			Белгородская область	
			Тверская область	
			Курганская область	
			Ростовская область	
	0,2 - 0,5	Красноярский край	Свердловская область	г. Санкт-Петербург
		Краснодарский край	Волгоградская область	г. Москва
		Мурманская область	Пензенская область	Астраханская область
		Пермская область	Саратовская область	
		Сахалинская область	Самарская область	

		область		
		Омская область	Республика Хакасия	
		Челябинская область	Камчатская область	
		Калининградская область	Ульяновская область	
		Ставропольский край	Республика Бурятия	
		Магаданская область	Чувашская Республика	
		Республика Ингушетия	Тюменская область	
		Республика Тыва		
		Республика Карелия		
		Оренбургская область		
		Агинский Бурятский АО		
	0,5 - 0,9	Республика Северная Осетия	Республика Мордовия	Республика Адыгея
		Республика Коми	Усть-Ордынский АО	Ханты-Мансийский АО
		Республика Калмыкия	Удмуртская Респ.	Ненецкий АО
		Кабардино-Балкарская Республика	Республика Татарстан	Республика Алтай
			Эвенкийский АО	Таймырский АО
			Республика Марий Эл	Чукотский АО
			Республика Саха (Якутия)	Корякский АО
			Ямало-Ненецкий АО	
			Карачаево-Черкессия	
			Республика Башкортостан	
			Республика Дагестан	
			Коми-Пермяцкий АО	

По результатам классификации можно выделить 7 типов регионов.

Таблица 3

**Классификация регионов России по уровню и динамике
индекса Эккеля**

		Изменение индекса Эккеля 2002-1989гг.			
Индекс Эккеля 2002г.		от -0,05 до -0,02	от -0,02 до 0,02	от 0,02 до 0,09	Количество регионов
	0,0-0,2	Русские регионы Азиатской части России	Русские регионы Европейской части России		36
	0,2-0,5	Русские регионы со значительными этноконтактными зонами		Столицы	29
	0,5-0,9	Национальные образования с низкой долей русских и ее сокращением	Равновесные Национальные образования с долей титульных не менее 1/3	Национальные образования с большой долей русских и ее сокращением	24
	Кол-во регионов	30	41	18	89

В некоторые типы регионов, по типологии, проведенной по количественным признакам, попали регионы, которые по качественным признакам логично было бы отнести к близким, но другим типам регионов. И действительно, если посмотреть на динамику этнической структуры населения в них, видно, что в скором времени они могут перейти в другие типы по и количественным признакам. На основании этого можно сделать следующий прогноз:

- В Красноярском крае должно произойти некоторое сокращение мозаичности этнического состава, после чего он попадет в группу русских регионов азиатской части России.

- В республике Тыва и Агинском Бурятском АО должна вырасти мозаичность этнического состава, после чего они попадут в группу национальных образований с низкой долей русских и ее сокращением.
- В республиках Бурятии и Чувашии должна незначительно вырасти мозаичность, после чего они попадут в группу равновесных национальных образований с долей титульных народов не менее 1/3.
- В Астраханской области должен сократиться прирост мозаичности, и она попадет в группу Русских регионов со значительными этноконтактными зонами.
- В Республике Коми должен стабилизироваться в районе нуля прирост этнической мозаичности, и она попадет в группу равновесных национальных образований с долей титульных народов не менее 1/3.
- В Эвенкии должен увеличиться прирост мозаичности за счет сокращения доли русских и она перейдет в группу национальных образований с большой долей русских и ее сокращением.

Что касается непосредственно изменений мозаичности этнического состава населения, то в целом по стране она растет. Но если рассматривать отдельные регионы и группы регионов, то динамика различна.

Главными тенденциями являются следующие.

Сильно возрастает мозаичность почти всех крупных городов. Главным образом это оказывает влияние на наиболее однородные по этническому составу населения регионы – регионы центральной России.

Уменьшается мозаичность русских регионов азиатской части России. В первую очередь из-за выезда за их территорий украинцев.

Практически во всех национальных образованиях увеличивается доля титульных народов и практически повсеместное снижение доли русских, что в свою очередь приводит к уменьшению мозаичности в тех регионах, где титульный этнос и так преобладал, и увеличению мозаичности в тех регионах, где русские доминировали.

Снижение мозаичности наблюдается в тех национально-территориальных образованиях, где титульными являются финно-угорские народы, поскольку к процессу ассимиляции, который

характерен для данных народов, прибавилось снижение естественного прироста.

Мозаичность, которая присуща России, можно назвать условной. Поскольку, при всей многонациональности страны, в каждом отдельно взятом регионе практически всегда крупными являются не более двух этносов, причем, как правило, один из них русский. Эта ситуация усугубляется тем, что для большинства титульных этносов характерен рост концентрации в пределах своих национальных республик и округов, начавшийся еще в конце 1980-х гг. Это является следствием более высокого естественного прироста в пределах традиционных ареалов расселения народов. Увеличение концентрации населения иногда также связано с более быстрой ассимиляцией представителей этноса, живущих за пределами своей республики.

Лишь в пяти субъектах присутствуют более двух народов с долей более 10%. В Республиках Дагестан, Башкортостан, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария и Ненецкий АО. Причем как видно выше, в двух из этих регионов, целых два этноса являются титульными.

Литература:

1. Гуревич И.С., Некоторые проблемы этнического развития народов СССР, «Советская этнография», 1967, №5
2. Менабдешвили Э.С., Количественный подход к исследованию национальных отношений в производственном коллективе. «Тезисы к совещанию “Количественные методы в социальных исследованиях”», Тбилиси, 1967.
3. Моногарова Л.Ф., Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения, «Советская этнография», 1972, №6
4. Население России за 100 лет (1897-1997): Статистический сборник. Госкомстат России. М., Госкомстат РФ, 1998.
5. Покшишевский В.В., Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения, «Советская этнография», 1969, №5;
6. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года". М., Госкомстат, 2003.
7. Эккель Б.М., Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР, «Советская этнография», 1976, №2

Мостахова Т.С.

ЭТНИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Для России, где проживают представители около 200 народов и национальностей, этнический фактор наряду с пространственным можно считать одним из наиболее существенных факторов, определяющих особенности демографического развития того или иного региона. Многообразие демографических сценариев во многом определяется именно национальной спецификой структуры населения.

Республика Саха (Якутия) в этом контексте составляет интересный объект для научного анализа, представляя самый территориально крупный субъект федерации (около 20%) территории, с достаточно многообразным национальным составом.

Изучение демографического развития республики имеет значение и с точки зрения геополитики. Российская Федерация обладает огромным природно-ресурсным потенциалом, но размещен он территориально крайне неравномерно, главным образом в восточных и северных районах, отличающихся слабой освоенностью и дискомфортными условиями для постоянного проживания населения. Россия с её огромными слабо освоенными пространствами оказывается в геополитически не безопасном положении, гранича на юге и востоке с государствами, в частности с демографически избыточным Китаем, где только в приграничных с югом Дальнего Востока районах проживает свыше 100 млн. человек.

Такая геополитическая обстановка вызывает важность сохранения территориальной целостности России. А это будет зависеть, не в последнюю очередь, от степени освоенности и заселенности приграничных территорий. Между тем стратегически важные приграничные территории Дальнего Востока теряют свое население, что актуализирует внимание к демографическим проблемам дальневосточных регионов, одним из которых является Республика Саха (Якутия).

В довоенном составе населения республики по признаку этнической принадлежности коренное население имело долю до 60% от общего числа жителей. В преобладающей части районов Якутии удельный вес якутов, эвенков, эвенов, чукчей и юкагиров был выше средних по республике. В 26 административных районах

(из 33) большинство населения представляли якуты и малочисленные народности Севера. Отмечалось лишь шесть районов, где они составляли менее 50% населения района.

В районах промышленного освоения большинство населения составляли представители русской национальности. Это Алданский район, где 80 % от общей численности населения района приходилось на русских; Ленский район (около 72 %), бывший Тимптонский район (более 81 %). Из других представителей наибольшей численностью выделялись украинцы, татары и белорусы.

Большие изменения в национальный состав населения Якутии внесли последствия Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (как прямые военные потери, так и убыль гражданского населения), сокращение естественного прироста населения из-за резкого снижения рождаемости и некоторого повышения смертности, нарушение половозрастного равновесия и т.д. Определенный ущерб нанесли репрессии 1940-1950-х гг. В годы войны и после нее огромные размеры приняли акции по депортации целых народов, переселявшихся в различные регионы СССР, в том числе и Якутскую АССР. В результате на спецпоселении в Якутии оказались финны-ингерманландцы, проживавшие в Ленинградской области (1942 г.); калмыки, высланные из Калмыцкой АССР (1944 г.); чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы, переселенные из Чечено-Ингушской АССР и Карачаево-Черкесской автономной области (1944 г.); крымские татары, греки, болгары, армяне, высланные из Причерноморья (1944 г.); литовцы, латыши и эстонцы из Прибалтийских республик (1944 г.); члены «Организации украинских националистов» и военнослужащие «Украинской повстанческой армии» (1948-1951 гг.); немцы; кроме того, русские «власовцы», «указники», предатели родины и их пособники и т.д.¹.

Свой вклад в динамику этнического состава внесло добровольное переселение с территории Якутии довольно значительного числа людей из «спецконтингента» в связи с пересмотром их обвинительных заключений, снятием ограничений на выезд административно высланных, освобождением от

¹ Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (этно-статистическое исследование). Якутск, 1994.

«навечного поселения», а также репатриацией депортированных и интернированных народов к прежним местам проживания.

За период между переписями населения 1939 г. и 1959 г. кардинально изменилось соотношение коренного и пришлого населения; доля коренных народов республики уменьшилась с 59,9 % до 49,2 %. К 1959 г. (табл.1) в отличие от других народов страны коренные национальности так и не сумели достигнуть довоенного уровня численности своего населения. Вместе с тем интенсивная миграция из других регионов СССР и РСФСР привела к тому, что резко увеличилась общая численность (на 68587 человек, или на 46,6 %) и удельный вес (с 35,5 % до 44,2 %) русского населения в республике, несмотря на существенные потери во время Великой Отечественной войны.

Таблица 1

Национальный состав населения Якутии, в % ¹

	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Всего,	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
в т. ч.							
русские	10,4	35,7	44,2	47,3	50,4	50,3	41,2
якуты	81,6	56,5	46,4	43,0	36,9	33,4	45,5
эвенки	4,5	2,5	1,9	1,4	1,4	1,3	1,9
эвены	0,3	0,8	0,7	0,9	0,7	0,8	1,2
украинцы	0,05	1,0	2,5	3,0	5,4	7,1	3,6
татары	0,6	1,1	1,0	1,1	1,3	1,6	1,1
белорусы	-	0,4	0,5	0,6	0,8	0,9	0,4
прочие	2,6	2,0	2,8	2,7	3,1	4,6	5,1

К 1970 г. основными этническими группами оставались русские, якуты, украинцы, белорусы, эвенки, татары и малочисленные народности Севера (эвенки, чукчи и юкагиры). На долю трех наиболее многочисленных национальностей - русских, якутов и украинцев - приходилось 90,8 % всего населения республики. Примерно 96 % всех наций и народностей Якутии – это

¹ Статистика взгляд через столетия: 375 лет вхождения Якутии в состав России. – Якутск, 2008. С.75; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 5. Якутск, 2005. С. 7-8.

национальности, численность каждой из которых находится в пределах до 50 тыс. чел.

Материалы переписи населения 2002 года вновь зарегистрировали кардинальные изменения национального состава населения республики. Преобладающей по численности национальностью стали якуты (около 45% населения).

Полиэтничность состава населения накладывает вполне определенный отпечаток на ход демографических процессов, поскольку однотипные в своей основе демографические процессы у каждого народа имеют и свои особенности. Исторически сложившиеся традиции и особенности национального характера, своеобразие региональных социально-экономических условий, вместе взятые, определяют специфику демографического поведения у разных народов. Миграционная подвижность, рождаемость, частота разводов, распространенность сложных семей и национально-смешанных браков – все эти демографические явления далеко не идентичны у представителей различных национальностей.

Сфера рождаемости – та часть демографических процессов, где этнические различия проявляются в наибольшей степени.

Анализ рождаемости в этническом разрезе, проведенный по данным микропереписи населения 1994 года (табл.2), показал, что русское население, проживающее в основном в городах, оказалось ближе к современному типу рождаемости. Якуток, проживающих в сельской местности, по характеру рождаемости скорее можно отнести к традиционному типу. Большинство имеющих детей женщин - и русских, и саха - имеют 2-х детей. Но распределение женщин по детности у якуток более «растянуто», у русских же оно имеет ярко выраженный «пик» на 2-х детях. Обращает на себя внимание довольно значительный показатель вообще не имеющих детей женщин среди якуток. В целом по населению этот показатель у якуток выше, чем у русских в 1,6 раза, среди городского населения – в 2,1 раза, а в сельском населении – в 5,6 раза.

Среди городских женщин различия менее заметны по сравнению со всем населением, особенно по доле женщин, имеющих 4-х и более детей. В итоге среднее число рожденных детей у якуток и русских в городской местности почти одинаково. В сельском же населении детность русских женщин оказывается даже выше, чем у якуток. И у якуток, и у русских женщин максимальное

распределение по детности приходится на 2-х детей. Но у якуток выше доля многодетных матерей.

Таблица 2

**Распределение женщин Республики Саха (Якутия),
состоящих в браке,
по числу рожденных детей и национальности
(по материалам микропереписи населения 1994 г.)**

	Число детей на 1000 женщин						Среднее число рожден- ных детей
	0	1	2	3	4	5+	
Все население							
Якутки	220	182	198	149	93	158	2440
Русские	134	277	397	135	30	27	1754
Разница	96	-95	-199	14	63	131	686
Городское население							
Якутки	287	246	219	114	60	74	1735
Русские	136	278	398	134	29	25	1736
Разница	152	-32	-179	-20	31	49	-1
Сельское население							
Якутки	195	159	190	162	106	188	2696
Русские	35	176	282	239	106	162	2880
Разница	160	-17	-92	-77	0	26	-184

Характерной особенностью этнического распределения рождаемости можно назвать высокую долю якуток, вообще не имевших детей. Причина этого видится в более позднем вступлении в брак. Поскольку для якуток брачное и репродуктивное поведение по-прежнему тесно связаны, то неблагоприятная ситуация с брачностью коренных женщин негативно влияет на их репродуктивную деятельность. Об этом же можно судить по характеру распределения женщин отдельных национальностей, состоящих в браке, в зависимости от числа рожденных ими детей. Брачная рождаемость у якуток оказывается гораздо выше, чем у русских женщин. Выше и доля женщин, имеющих детей высокой очередности.

Таким образом, решающим в определении характера и уровня брачной рождаемости является не национальная принадлежность, а социально-экономические факторы.

Среднее число рожденных детей на 1000 якуток, проживающих в сельской местности, выше аналогичного показателя для городских женщин в 1,4 раза. Такое же соотношение прослеживается и среди русского населения. В то же время среди горожанок рождаемость у якуток выше, чем у русских женщин, только в 1,2 раза (то же и в сельской местности).

Аналогична ситуация и в отношении ожидаемого числа детей. Почти во всех возрастах разница в ожидаемом числе детей между горожанками и сельскими женщинами выше, чем разница по национальностям (табл. 3). Исключение составляют женщины молодых возрастов. Женщины в возрастах 18-19 лет и 20-24 года по

Таблица 3

**Возраст женщин отдельных национальностей
и среднее ожидаемое число детей
(по материалам микропереписи населения 1994 года)**

	Превышение по ожидаемому числу детей на 1000 женщин соответствующего возраста (число раз)						Среднее ожидаемое число детей
Возраст	18-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	
Все население							
Якутки/ Русские	1,36	1,21	1,31	1,33	1,37	1,45	1,33
Городское население							
Якутки/ Русские	1,40	1,14	1,08	1,05	1,04	1,02	1,06
Сельское население							
Якутки/ Русские	1,24	1,03	1,03	1,01	1,22	1,54	1,19
Якутки							
Село / город	0,94	1,11	1,29	1,37	1,42	1,57	1,36
Русские							
Село / город	1,06	1,23	1,35	1,43	1,21	1,04	1,21

ожидаемому числу детей в большей степени различаются по национальности, чем по месту жительства.

У якутов разница между городскими и сельскими жительницами устойчиво снижается: если в возрасте 40-44 года коэффициент превышения составлял 1,57, то в возрасте 18-19 лет - всего 0,94. Для русских женщин разница еще менее существенна. Максимально увеличившись у женщин 1960-65 годов рождения, разница в среднем ожидаемом числе детей вновь стала снижаться у более молодых когорт. Все-таки для русских женщин в целом характерно большее «единодушие» во взглядах на детность, чем у якуток. Таким образом, коренное население, более приверженное традиционным моделям брачного и репродуктивного поведения, имеет более высокие установки детности, чем русское население. В то же время в городских условиях этническая дифференциация рождаемости оказывается более сглаженной, чем в сельской местности.

В сфере брачности населения достаточно разнообразный национальный состав населения республики проявляется прежде всего в форме межнациональных браков. Доля таких браков, по данным специального исследования Института региональной экономики АН РС(Я) на основе материалов архива ЗАГС, составляла в 1991 году 28%, в 2001 году – уже 26,8%. Таким образом, 10-летний период показал некоторое снижение числа межнациональных браков, но тем не менее этот показатель, по нашему мнению, достаточно высок. Почти каждый четвертый брак заключается людьми разных национальностей.

Численное преобладание русских и якутов в этническом составе населения, их склонность к выбору брачного партнера из лиц своей национальности повлияли на невысокий удельный вес межэтнических браков. Предпочтения русских мужчин заключались в выборе женщин своей национальности (в 1991 году 80% в городской местности, 67% - в сельской и 79% - в целом по населению). Аналогичное положение складывалось и для якутов: 83%, 93% и 90% соответственно (табл. 4). Данные за 2001 год показали примерно такое же распределение. Национальные предпочтения невест имеют такие же особенности в распределении по выбору женихов (табл. 5).

Межнациональные браки оказывают дальнейшее влияние на трансформацию этнической структуры населения через распределение родившихся по национальности. На протяжении

Таблица 4

**Распределение браков мужчин по национальности
женщин
в 1991-2001 годы (%) ¹**

Националь- ность мужчины	Национальность женщины					
	Русские	Якутки	Народности Севера	Русские	Якутки	Народ- ности Севера
	1991г.			2001г.		
	Все население					
Русские	79	4	1	78	5	1
Якуты	4	90	5	4	88	5
Народности Севера	8	52	38	4	45	47
	Городское население					
Русские	80	3	0	79	4	0
Якуты	9	83	5	7	86	4
Народности Севера	24	57	13	11	58	19
	Сельское население					
Русские	67	15	2	74	9	2
Якуты	2	93	5	3	90	6
Народности Севера	3	51	46	2	42	53

многих лет доля родившихся, к которых мать и отец относятся к разным национальностям, держится на уровне 20%. Самый низкий показатель наблюдается у якутов (8-12%). У русских он находится на уровне 20-24%. Самые большие величины данного показателя характерны для народностей Севера: у эвенков – от 50 до 57%, у эвенов – почти три четверти, у юкагиров – 80-95%. Такая ситуация связана, на наш взгляд, с особенностями брачного рынка на Севере, где проживают народности Севера. Отсутствие женихов побуждает невест из числа северных народностей вступать в брак или, по крайней мере, иметь детей от мужчин других национальностей.

¹ Мониторинг социально-демографического положения семьи в Республике Саха (Якутия).. Аналитическая записка / Академия наук РС(Я). Институт региональной экономики. Якутск, 2005. С.43-44.

Определенные этнические особенности прослеживаются и в сфере разводимости. Институтом региональной экономики по заказу Комитета по делам семьи и детства при Президенте Республики Саха (Якутия) в 2005 году было выполнено исследование материалов архива ЗАГС РС(Я), в ходе которого были

Таблица 5

**Распределение браков женщин по национальности
мужчин в 1991-2001 годы (%)¹**

Национальность женщины	Национальность мужчины					
	Русские	Якутки	Народ- ности Севера	Русские	Якутки	Народ- ности Севера
	1991 г.			2001 г.		
	Все население					
Русские	78	6	9	78	6	8
Якуты	3	87	54	4	88	54
Народности Севера	0	4	31	0	3	34
	Городское население					
Русские	78	13	21	79	9	11
Якуты	2	79	59	3	84	67
Народности Севера	0	3	9	0	2	11
	Сельское население					
Русские	72	3	4	76	4	8
Якуты	10	92	51	7	90	50
Народности Севера	1	4	40	1	4	40

проанализированы также акты регистрации разводов. Анализ структуры разводов по национальности показал, что за 1970-2001 гг. значительно уменьшилась доля русских в общем числе разводов: с 70,1% в 1970 году до 43% в 2001 году у мужчин, а среди женщин – с 74,6% до 49,7%. Число и доля якутов и других национальностей, наоборот, возросла (табл.6).

¹ Мониторинг социально-демографического положения семьи в Республике Саха (Якутия).. Аналитическая записка / Академия наук РС(Я): Институт региональной экономики. Якутск, 2005. С.42, 45.

Например, удельный вес мужчин-якутов в общем числе разведившихся возрос с 9,9% в 1970 году до 22,6% в 2001 году, а у якуток – с 9,5% в 1970 году до 23,9% в 2001 году. Несмотря на эти тенденции, тем не менее участие коренного населения в разводах существенно меньше, чем русского населения. Это свидетельствует, по нашему мнению, о большей стабильностью институтов брака и

Таблица 6
Распределение расторгнутых браков по национальности
мужчин и женщин¹

	1970 г.		1989 г.		2000 г.		2001 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Русские	1377	1465	3557	3704	1858	2085	2105	2432
Якуты	195	195	605	670	870	914	1106	1168
Народнос- ти Севера	158	126	681	617	273	295	283	299
Прочие	233	177	862	714	989	696	1402	997
Всего	1963	1963	5705	5705	3990	3990	4896	4896
в %								
Русские	70,1	74,6	62,3	64,9	46,6	52,3	43,0	49,7
Якуты	9,9	9,9	10,6	11,7	21,8	22,9	22,6	23,9
Народнос- ти Севера	8,0	6,4	11,9	10,8	6,8	7,4	5,8	6,1
Прочие	11,9	9,0	15,1	12,5	24,8	17,4	28,6	20,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

семьи среди якутов, сохранении среди якутского населения семейных традиций.

Национальные особенности в распределении рождаемости, брачности и разводимости тесно взаимосвязаны со спецификой брачного состояния различных национальностей.

Несмотря на более благоприятное количественное соотношение между мужчинами и женщинами среди якутов по сравнению с остальными народами, доля состоящих в браке гораздо ниже - как среди мужчин, так и среди женщин. Сельское коренное

¹ Мониторинг социально-демографического положения семьи в Республике Саха (Якутия) (аналитическая записка) / Академия наук РС(Я): Институт региональной экономики. Якутск, 2005. С.24.

население позже вступает в брак и гораздо чаще вообще (табл.7) не создает семью по сравнению с городскими жителями. Например, по данным переписи 1989 г., в возрасте 30-34 года никогда не состояли в браке 26,4% якутов и 22,9% якуток. А у русских в этом возрасте соответственно только 9,1 и 3,7%.

Таблица 7

**Удельный вес никогда не состоявших в браке в общей численности, %
(по данным переписи населения 1989 года)**

Возраст	Городское население				Сельское население			
	Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
	Русские	Якуты	Русские	Якуты	Русские	Якуты	Русские	Якуты
всего	19,1	36,3	9,9	34,0	18,6	34,9	8,5	27,1
16-17	98,9	99,6	93,9	98,8	99,2	99,7	93,7	98,6
18-19	91,4	95,9	60,8	88,4	90,7	96,1	51,0	83,0
20-24	55,9	72,7	20,9	63,5	57,0	68,4	18,0	49,0
25-29	19,9	41,5	7,1	36,5	22,2	37,1	5,4	30,1
30-34	8,9	25,1	3,8	2,6	10,6	26,8	2,7	21,8
35-39	5,0	17,4	2,7	20,4	6,8	18,1	2,6	17,6
40-44	3,2	11,1	2,3	16,0	6,3	11,5	1,7	14,5
45-49	2,7	7,6	2,1	11,1	6,3	10,3	2,0	10,9
50-54	2,7	6,1	1,6	9,3	7,0	8,8	1,4	8,0
55-59	2,7	5,2	2,3	8,4	5,8	7,0	2,6	8,9
60-64	2,5	4,2	2,5	8,6	6,3	6,0	3,2	9,7
65-69	1,7	2,9	2,5	7,8	5,0	6,3	5,6	9,9
70+	1,3	1,9	2,1	4,8	4,4	5,2	2,6	5,0

Из числа сельских жителей у якутов в возрасте 35-39 лет, как у мужчин, так и у женщин, 18% (т.е. почти каждый пятый) еще не создали семью. Для сравнения - у русских в сельской местности этот показатель был равен 7% у мужчин и 2,5% у женщин. В возрасте 50-54 года (возраст окончательного безбрачия) никогда не имели семью 9% якутов и почти 8% якуток, проживающих на селе.

К сожалению, по материалам переписи населения 2002 года можно судить только об общем состоянии в браке в разрезе национальностей, без учета возрастного распределения. Даже по весьма обобщенным показателям видно, что продолжают сохраняться различия в состоянии в браке среди русских и якутов,

отмеченные еще по материалам переписи населения 1989 года (табл.8).

Среди мужчин состояние в браке у русских выше, чем у якутов, почти на 9%, а категория «никогда не состоявшие в браке»,

Таблица 8

**Состояние в браке по отдельным национальностям
(по данным переписи населения 2002 года)**

	Всего в возрасте 16 лет и старше*	В том числе			
		Состоя- щие в браке	Из них в:		Никогда не состоявшие в браке
			зарегист- рованным	незарегист- рованным	
		Мужчины, чел.			
Якуты	139270	80001	72354	7647	48167
Русские	144741	90537	76390	14147	37231
		Женщины, чел.			
Якутки	160794	81621	73360	8261	50102
Русские	153387	89982	75778	14204	26032
		Мужчины, на 1000 чел.			
Якуты	1000	574,4	519,5	54,9	345,8
Русские	1000	625,5	527,8	97,7	257,2
		Женщины, на 1000 чел.			
Якутки	1000	507,6	456,2	51,4	311,6
Русские	1000	586,6	494,0	92,6	169,7

* а также до 16 лет, указавшие состояние в браке

наоборот, имеет существенно меньшую распространенность (на 25,6%). Среди женщин состояние в браке не намного отличается среди русских и якуток. В то же время среди якуток очень много женщин, никогда не состоявших в браке – более чем в 1,8 раза.

Таким образом, высокий уровень безбрачия среди коренного населения республики является другой специфической чертой демографического развития региона в этническом аспекте. Эта проблема хотя и не носит характера явной демографической угрозы, но, тем не менее, представляет определенный интерес с позиции воспроизводства коренного населения региона.

Этнические особенности существуют и в смертности населения, хотя не столь ярко, как в сфере рождаемости и брачности. К сожалению, автор располагает данными только за 1994 год, когда

проводилось специальная обработка данных актов о смерти по материалам архива ЗАГС.

Очень существенная разница в коэффициентах смертности отмечается уже в возрастной группе до 1 года, где смертность якуток превышает аналогичный показатель для русских девочек в 1,7 раза, а у народностей Севера по сравнению с русскими младенцами – в 2,4 раза (табл. 9).

Превышение коэффициентов смертности у якутов по сравнению с русскими характерно почти для всех возрастных групп как у мужчин, так и у женщин. Например, в возрасте 15-19 лет показатели смертности девушек якутской национальности были выше по сравнению с русскими молодыми девушками в 2,3 раза, а у юношей в той же возрастной группе – в 1,6 раза.

Интересно, что такое превышение было зарегистрировано только до 50-летнего возраста. А в старших возрастных группах, наоборот, смертность якутского населения становится ниже, чем у русского населения.

Еще большее превышение по показателям смертности характерно для народностей Севера, особенно в средних возрастных группах. В частности, в возрасте 15-19 лет смертность девушек из числа народностей Севера выше аналогичных показателей у русских в 9,1 раза, а у юношей в том же возрасте – почти в 3 раза.

Как отмечают исследователи, коэффициенты, характеризующие повозрастную смертность якуток, показывают, что во всех возрастных группах, кроме самой старшей (70 лет и старше), они умирают чаще, чем их русские ровесницы. В частности в возрасте 16-19 лет – в 1,7 раза, в 20-29 лет – в 2,2 раза, в 30-39 лет – в 1,7 раза и т.д.¹.

Весьма значительна дифференциация по доле экзогенных факторов в общем числе умерших. И у русских, и у якутов показатели оказались примерно одинаковы. Согласно данным архива ЗАГС, доля умерших от несчастных случаев, отравлений и травм в целом по якутам составляла 22,7% (оба пола), 32,5% (мужчины) и 9,8% (женщины). А у русских эти показатели были соответственно 24,8; 32,4% и 11,6%. Однако у народностей Севера удельный вес умерших от экзогенных причин значительно

¹ Винокурова Т.З., Федорова Е.Н. Возрастная структура населения Якутии. Новосибирск, 2001. С.118.

превышает показатели у русских и якутов. Он составил для обоих полов 32%, для мужчин – 41,2%, для женщин – 20,7%.

Значительные различия между двумя самыми многочисленными народами Якутии проявляются в сфере миграции.

Таблица 9

**Возрастные коэффициенты смертности в 1994 году в
разрезе национальностей¹**

Возраст, лет	Женщины			Мужчины		
	Русские	Якуты	Народности Севера	Русские	Якуты	Народности Севера
0	12,1	20,4	29,5	17,9	24,1	25,5
1-4	0,6	1,3	0,8	0,6	1,5	1,6
5-9	0,4	0,8	0,6	0,8	0,6	0,6
10-14	0,3	0,5	2,2	0,8	0,9	0,7
15-19	0,6	1,4	5,5	4,2	6,7	12,3
20-24	0,9	1,4	5,5	4,2	6,7	12,3
25-29	0,6	1,7	5,1	3,9	6,3	12,5
30-34	1,6	2,2	3,8	6,4	9,4	11,4
35-39	2,1	3,5	4,4	9,5	11,5	11,1
40-44	6,3	6,3	11,1	20,9	17,7	9,2
45-49	7,0	9,7	12,8	22,4	16,6	10,5
50-54	10,3	6,4	9,9	27,3	10,0	25,6
55-59	24,4	17,4	21,9	81,9	28,7	25,9
60-64	29,0	37,2	32,7	93,5	54,2	25,4
65-69	27,5	26,2	22,3	84,7	53,9	35,6
70-74	47,6	39,3	32,9	81,5	66,4	51,1
75-79	75,2	80,7	85,1	105,3	105,3	133,4
80-84	157,8	110,1	168,1	154,5	187,2	168,4
85+	303,6	153,1	178,6	145,0	254,0	254,9

Рассчитано по материалам архива ЗАГС РС(Я) за 1994 г.

Интенсивность миграции оказывает заметное влияние на этнический состав населения и в то же время имеет и определенные национальные особенности. «Чем выше интенсивность миграционного обмена между странами, различными в этническом отношении, тем сильнее и разнообразнее по формам взаимодействие между населяющими их этносами»¹.

¹ Этнические особенности демографических процессов. Научный доклад / Академия наук РС(Я): Институт региональной экономики. Якутск, 1999. С.51.

Структура миграционного объема по национальностям отличается относительной стабильностью. Больше половины в миграционном обороте составляют русские. Коренное население перемещается в основном внутри республики, а русские весьма активны в межрегиональных перемещениях. Изменение национальной структуры миграционных потоков связано с возрастанием значимости внутриреспубликанских перемещений в миграционном обороте (табл. 10). К сожалению, имеются данные только за 1990-2007 годы, т.к. за 2008 год таких данных органы статистики не предоставляют.

Анализ динамики национальной структуры миграционного оборота выявил устойчивую тенденцию повышения доли якутов в национальной структуре мигрантов. По сравнению с 1990 г. она увеличилась в 1,7 раза, достигнув к 2005 г. 43,1%. Параллельно с этим в миграционных перемещениях сокращается доля русских и представителей других национальностей, удельный вес которых был высок в 1993-1994 гг., когда особенно интенсивно происходил миграционный отток населения за пределы республики.

Этнические различия в процессах рождаемости, смертности, миграции, брачности и разводимости в совокупности формируют дифференциацию в возрастно-половой структуре населения. У якутов численность женщин в 1989 году превышала численность мужчин во всех возрастных группах старше 20 лет, то у русских отмечалось преобладание мужчин вплоть до 54 лет, за исключением группы 45-49 лет². По данным Переписи населения 2002 года внесла некоторые коррективы в распределение населения по полу. Среди якутов превышение численности мужчин было характерно уже только до 18-летнего возраста, а у русских – до 45-49 лет, за исключением группы 18-19 лет.

У якутов значительно выше доля детей в возрасте до 16 лет, особенно среди сельского населения, отличающегося многодетностью. В то же время у якутов наблюдается более низкий удельный вес трудоспособного населения (табл. 11). Кроме того, можно отметить, что число столетних людей у якутов всегда было

¹ Данилова И.А., Денисенко М.Б. Миграция как фактор изменения этнического состава населения России в 1989-1995 гг. // Население и кризисы. Вып.2. М., 1996. С.51.

² Винокурова Т.З., Федорова Е.Н. Возрастная структура населения Якутии. Новосибирск, 2001. С.116.

Таблица 10

**Национальный состав мигрантов в Республике Саха
(Якутия) за 1990-2007 годы (%)**

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Число прибывших	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
буряты	1,2	1,2	1,0	1,5	1,5	1,4
русские	47,2	44,8	37,2	36,3	31,5	27,9
саха (якуты)	26,8	30,9	43,9	49,2	54,1	57,5
татары	1,9	1,9	1,4	1,3	0,9	0,7
украинцы	11,8	10,2	5,9	2,9	2,2	2,0
народности Севера	2,3	3,1	3,9	2,9	3,3	3,6
другие	8,8	7,9	6,8	5,9	6,5	6,9
Число выбывших	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
буряты	0,9	1,1	0,8	0,9	1,1	1,1
русские	50,5	57,9	44,7	42,9	38,7	35,6
саха (якуты)	24,3	20,5	35,8	38,3	43,0	47,0
татары	1,8	2,5	1,6	1,2	1,1	1,0
украинцы	11,7	9,1	6,1	3,4	2,5	2,3
народности Севера	2,2	2,0	3,2	2,2	2,7	2,9
другие	8,5	7,0	7,7	11,0	10,8	10,0
Миграционный объем	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
буряты	1,0	1,1	0,9	1,2	1,3	1,3
русские	48,9	52,6	41,3	40,0	35,5	32,1
саха (якуты)	25,5	24,6	39,4	43,1	48,0	51,7
татары	1,9	2,3	1,5	1,2	1,0	0,9
украинцы	11,8	9,5	6,0	3,1	2,4	2,2
народности Севера	2,3	2,5	3,5	2,5	2,9	3,2
другие	8,7	7,3	7,3	8,8	8,9	8,6

значительно больше, чем среди русского населения. Например, по данным переписи населения 1926 года этот показатель у якутов

составлял 61 на 100 тыс.населения, а у русских – 37, в 1989 году на 100 тыс.населения у якутов приходился 21 человек в возрасте 100 лет и старше, у русских – только 1.

Медианный возраст якутов в 2002 году составлял 26,9 года (оба пола), 25,3 года – у мужчин и 32,9 года – у женщин. Для

Таблица 11

Распределение населения по возрасту и полу в 2002 году

Возрастные группы	Все население			Городское население			Сельское население		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
	Якуты								
Моложе трудоспособного возраста	30,6	32,6	28,7	25,0	27,9	22,7	33,5	35,0	32,1
Трудоспособного возраста	59,5	60,3	58,9	65,4	65,3	65,5	56,4	57,7	55,1
Старше трудоспособного возраста	9,9	7,1	14,4	9,6	6,8	11,8	10,1	7,3	12,8
	Русские								
Моложе трудоспособного возраста	23,7	24,6	22,9	23,6	24,6	22,7	24,9	24,2	25,6
Трудоспособного возраста	65,9	69,2	62,7	66,2	69,4	63,1	62,4	67,1	57,0
Старше трудоспособного возраста	10,4	6,2	14,4	10,2	6,0	14,2	12,7	8,7	17,4

русского населения медианный возраст был несколько выше: соответственно 31,4; 30,2 и 32,9 года¹.

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 5. Якутск, 2005. С. 26.

Разнообразие демографических процессов в зависимости от национальной принадлежности является весомым аргументом для адекватного отражения в практике управленческих решений.

Литература

1. Винокурова Т.З., Федорова Е.Н. Возрастная структура населения Якутии. Новосибирск, 2001.
2. Данилова И.А., Денисенко М.Б. Миграция как фактор изменения этнического состава населения России в 1989-1995 гг. // Население и кризисы. Вып.2. М., 1996.
3. Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (этно-статистическое исследование). Якутск, 1994.
4. Мониторинг социально-демографического положения семьи в Республике Саха (Якутия).. Аналитическая записка / Академия наук РС(Я). Институт региональной экономики. Якутск, 2005.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 5. Якутск, 2005.
6. Статистика взгляд через столетия: 375 лет вхождения Якутии в состав России. – Якутск, 2008.
7. Этнические особенности демографических процессов. Научный доклад / Академия наук РС(Я): Институт региональной экономики. Якутск, 1999.

Савоскул М.С.

УРОКИ МИГРАЦИИ: МОДЕЛИ И ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ ПОЗДНИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ГЕРМАНИИ

В начале 1990-х годов в Западной Европе в социальных науках, в дискуссии о мигрантах, возникло мнение о ключевом влиянии институтов современного национального государства (миграционной политики, институтов демократии и права, государственных систем образования, здравоохранения и социального обеспечения) на ход интеграции мигрантов. Этот подход рассматривает миграционные процессы в терминах социальных взаимоотношений, предполагая, что структура социальных взаимоотношений зависит от устройства политических и институциональных рамок принимающего общества.

Таким образом, в дискуссиях о миграции, как в академическом, так и в политическом и общественном дискурсах в Европе, и в частности в Германии, произошло смещение акцента от рассмотрения культурных и индивидуальных особенностей мигрантов, как определяющих успешность интеграции, к роли социальных институтов, воспроизводящих неравные правила игры, для разных участников и для разных территорий. Утверждение центральной роли национальных государств в структурировании миграционных процессов стало сутью нового подхода в миграционных исследованиях.

В немецкоязычной и русскоязычной литературе не существует термина, однозначно определяющего суть данного подхода, в англоязычных публикациях чаще всего используется термин – «relation approach». Этот исследовательский подход, когда утверждается, что социальные отношения формируют социальную структуру, а не субъект определяет социальные отношения, противопоставляется традиционному классическому взгляду, который ставит субъекта или социального актора в центр социальных взаимодействий (социальных отношений). Современными представителями традиционного подхода можно считать в философии - Ж. Деррида, в социологии - Э. Гидденса, в географии - Б. Верлена.

Первоначальным идеологом нового взгляда в социальных науках принято считать Мишеля Фуко, который в своей работе

«Слова и вещи»¹ рассуждает о новом месте человека в истории, и о новом понимании человека. Сторонниками и последователями Мишеля Фуко в миграционных исследованиях являются ученые, занимающиеся пост-колониальными исследованиями, а также сторонники, так называемого, сетевого подхода в работах о мигрантах. Среди них - Bhabha Homi K., Appadurai Arjun, Bauman Zygmunt, Granovetter Mark. Отдельно можно назвать Latour Bruno, который предполагает, что субъект существует, но не может существовать отдельно от своего окружения².

В среде авторов, которые рассматривают миграцию как структуру социальных взаимоотношений, сложившихся в поле институтов национального государства, и являются сторонниками «relation approach», существует несколько различных направлений³.

Существует мнение, что социальные институты, такие как обычное право или религия, также как и публичный дискурс инкорпорируют и воспроизводят, выработанные государством правила поведения с мигрантами. То есть они создают социальные, рамочные условия, в которых та или иная миграционная политика может быть сформулирована и реализована.

Ряд исследователей помещают само государство в контекст глобальных социальных изменений в мире. Таким образом, государство само становится объектом исследования. Это является характерной чертой концепции транснационализма, которая описывает новый феномен социальной интеграции не локализованный в пространстве. Сообщества мигрантов, чьи социальные связи и солидарности преодолевают территориальные границы, стали объектом исследования для новой концепции в социальных науках.⁴ Транснационализм предлагает рассматривать

¹ Michel Foucault. Les mots et les choses. Une Archeologie des sciences humaines. Callimard, 1966

² См. например следующие работы: Bhabha H. The location of culture. London, 1998; Appadurai A. Modernity at large: cultural dimensions of globalization. Minneapolis, 2003; The sociology of economic life. ed. By Granovetter M.; Latour B. Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory. New-York, 2005

³ Более подробно об этом смотреть сборник статей: Миграция и национальное государство. Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. С-Петербург, 2004

⁴ Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии). // Миграция и национальное государство. Под ред. Бараулиной Т. Карпенко О. С. 133-146. С-Петербург, 2004

миграцию как процесс расширения пространства деятельности акторов, а не как перемещение из одного места в другое.

Михаэль Боммес по-иному подходит к изучению транснационализма. Он полагает, что в настоящее время в европейских государствах деление на «своих» и «чужих» происходит не на основании этничности, национальной принадлежности и культуры, а на основании социальной благонадежности и успеха на рынке труда. Мигранты в принимающем обществе могут принадлежать, как к «ядру», так и к «периферии»¹.

Автор данной статьи не отрицает значительное влияние институциональных структур и взаимоотношений между субъектами на ход процесса интеграции мигрантов, но считает, что, как и любые крайности, принятие только этой точки зрения не позволяет взглянуть на процесс интеграции во всем его многообразии и сложности.

В ходе исследования процесса интеграции поздних переселенцев (российских немцев) из России и других стран СНГ, было установлено, что в ряде случаев при равных внешних условиях, при равном влиянии институциональных структур на ход процесса интеграции, можно говорить об индивидуальных характеристиках мигрантов, которые выступают ограничивающими или облегчающими интеграцию факторами. Таким образом, в ходе исследования интеграции, по мнению автора, нельзя полностью исключить субъекта и его индивидуальные характеристики из поля зрения ученых.

В данной статье будут рассмотрены мнения поздних переселенцев, российских немцев, относительно роли принимающего государства и индивидуальных особенностей мигрантов, как факторов облегчающих или затрудняющих процесс интеграции и в конечном счете, определяющих модели адаптации поздних переселенцев в принимающем обществе.

Публикация структурирована следующим образом:

- рассмотрена методика исследования;

¹ Боммес М. Международная миграция и дерегуляция коллективных форм социальной идентичности в национальных государствах. // Миграция и национальное государство. Под. ред. Бараулиной Т. Карпенко О. С. 147-173. С-Петербург, 2004

- в работе представлены наиболее распространенные среди переселенцев модели адаптации к жизни в новой стране, которые были выявлены в ходе эмпирических исследований, по итогам анализа глубинных интервью с переселенцами

- приведены различные факторы, определяющие, по мнению самих переселенцев, успешность их интеграции в Германии.

- представлены критерии успешности интеграции мигрантов в принимающее общество.

В ходе официальной дискуссии о создании оптимальной политики для интеграции мигрантов в Германское общество уже неоднократно делался акцент на необходимости понимания того, что поздние переселенцы в Германии это не однородная, не гомогенная группа, как в этническом плане, так и в социально-экономическом плане.

В данной публикации под российскими немцами, или поздними переселенцами, я понимаю всех, кто переехал в Германию из России или других стран СНГ и получили юридический статус позднего переселенца, позволяющий им стать гражданами Германии, независимо от этнической, национальной или культурной принадлежности, а так же от их этнической идентификации. Это вызвано, прежде всего тем, что переселенцы из Казахстана, Киргизии, Узбекистана или Молдавии имеют отношение к русской и российской культуре, так же как и переселенцы из России. И те из переселенцев, кто не является полностью этническим немцем, так или иначе связаны родственными, семейными и культурными взаимодействиями с этническими немцами.

Ни в советское время, ни сейчас эта этнокультурная группа не была гомогенной. В ряде случаев различия внутри группы усилились после переезда в Германию, поскольку часто представители одной и той же социальной группы на прежнем месте жительства под влиянием различных факторов по разному адаптировались к условиям принимающего общества.

Для создания действующей концепции по интеграции переселенцев, которые переезжают в Германию уже более 15 лет, важно представлять механизмы интеграции переселенцев в принимающее общество, учитывать факторы, затрудняющие или облегчающие интеграцию, а также выявлять наиболее типичные модели адаптации к новой социально-экономической среде, отличающейся от прежнего социального мира переселенцев.

Методика исследования

Данная статья написана по итогам ряда проектов, выполненных в 2002 – 2007 годах, при финансировании Немецкой службы межакадемических обменов (ДААД), а также Центра Исследований Германии и Европы Санкт-Петербурга (ЦИГЕ), университета г. Билефельда и университета г. Франкфурта.

Проекты различались по тематике, основным задачам и целям. Например, исследование 2002 г., проведенное в Баварии, было посвящено сетевым структурам, образуемым российскими немцами в Германии и их роли в процессе интеграции мигрантов (Savoskul, 2005). Проект, выполненный в рамках ЦИГЕ и Университета г. Билефельд фокусировался на трансформации образа Германии у российских немцев в процессе интеграции в германское общество (Савоскул, 2006). Основной акцент исследования, проведенного автором в Берлине в 2006 г. в рамках финансирования ДААД, был сделан на гендерной специфике адаптации переселенцев, а также на особенностях интеграции переселенцев в большом городе.

Тем не менее, во всех, проведенных исследованиях, автор в первую очередь обращал внимание на типичные черты в социальном поведении переселенцев в ходе интеграции, на типичные пути их вхождения в принимающее общество и дальнейшие стратегии жизненного поведения поздних переселенцев, что и нашло отражение в данной статье.

В ходе выполнении всех упомянутых проектов автором выдвигались различные рабочие гипотезы, часть из которых была подтверждена в ходе работы, остальная часть не получила подтверждения. Но большая часть выводов сделана уже по итогам анализа проведенных биографических и экспертных интервью.

Таким образом, эмпирической базой работы стали около 100 глубинных биографических интервью; около 20 экспертных интервью, например с активистами землячеств немцев из России в Германии или специалистами, работающими с переселенцами в Германии; включенное наблюдение, анализ русскоязычных изданий, а также русскоязычных Интернет-форумов Германии. Таким образом, появилась возможность взглянуть на процесс интеграции глазами переселенцев и выявить факторы, которые, на их взгляд, оказывают влияние на выбор модели адаптации в Германии.

Возможность проводить интервью, как на русском, так и на немецком языке, рассматривается мною, как фактор,

способствующий более глубокому проникновению в исследуемую проблематику. Большая часть интервью продолжалась от 1,5 до 2,5 часов и затрагивала следующие блоки вопросов:

- краткая биография респондента до переезда в Германию;
- профессиональная биография до переезда в Германию;
- основные причины и мотивы миграции;
- переезд в Германию;
- первые впечатления от страны после миграции;
- профессиональная интеграция респондента и членов его семьи;
- языковые навыки;
- преимущества и недостатки жизни в Германии;
- понятие «Родины» у респондента;
- проведение свободного времени в Германии;
- повседневная жизнь респондента (работа, покупки, отношения в семье и т.д.);
- воспитание детей;
- политическая и общественная активность респондента;
- сходства и различия жизни в бывшем СССР и в Германии;
- отношения между респондентом и «местными» немцами;
- изменение в образе жизни до и после миграции;
- оценка успешности интеграции самим респондентом.

Особое внимание в ходе подготовки данной публикации было обращено на выявление факторов, способствующих и замедляющих интеграцию, по мнению респондентов, а также на определение наиболее типичных стратегий поведения переселенцев в Германии.

Представленные ниже адаптационные модели поведения российских немцев, а также факторы интеграции были выявлены по итогам анализа, проведенных глубинных интервью, включенного наблюдения автора, а также анализа публикаций и Интернет-форумов русскоязычных мигрантов.

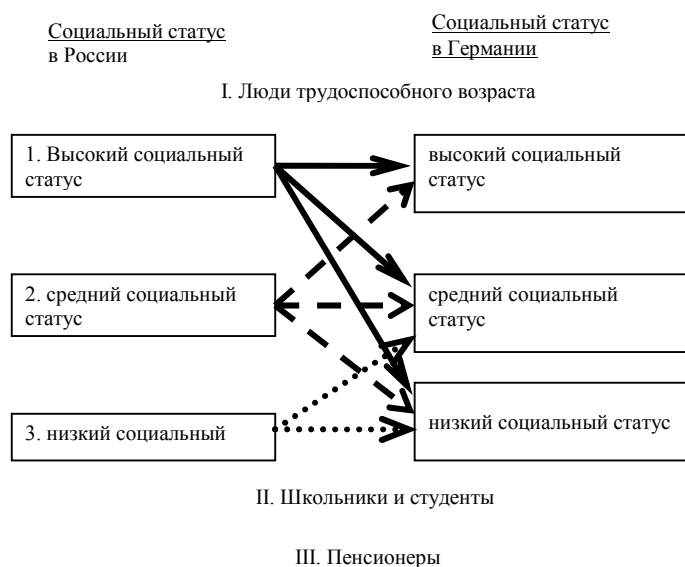
Модели адаптации переселенцев в Германии

Поскольку тема адаптации переселенцев в Германии очень широкая, то в данной публикации автор ограничивается рассмотрением моделей адаптации только для тех переселенцев, которые получили профессию или образование в стране выхода, то есть приехали в Германию, уже после 20 лет, но еще не вышли на

пенсию. Таким образом, подростки и пенсионеры, остаются пока за рамками данной статьи. Достигаются указанные модели различными путями и за различное время, поэтому возможно великое множество вариантов реальных моделей адаптации и экономического поведения переселенцев. Тут приведены наиболее типичные модели социально-экономической адаптации переселенцев.

Ниже представлены социальные механизмы выбора моделей адаптации на примере трех групп переселенцев, отнесенных автором к различным социальным слоям. Это мигранты, обладающие высоким, средним и низким социальным статусом в стране выхода.

СХЕМА 1

Наибольшее разнообразие моделей адаптации наблюдается в группе респондентов с достаточно высоким социальным статусом в стране выхода. **К данной группе** относятся российские немцы и члены их семей, которые в России или других странах СНГ обладали достаточно высоким социальным статусом. Это переселенцы с высшим образованием, преимущественно жители больших городов. Среди респондентов, с которыми проводились

глубинные интервью, преобладающие профессии в стране выхода – врачи, инженеры, научные сотрудники, учителя (смотреть схему 1).

Для этой группы существует три наиболее возможные модели интеграции. Первая подразумевает сохранение социального статуса. Вторая – некоторое снижение социального статуса. Третья – сильное снижение социального статуса, по сравнению с социальным статусом в стране проживания. Это группа относительно небольшая по численности, но среди представителей данной группы в большинстве случаев преобладает позитивная этническая идентичность. В этой группе преобладающее большинство людей выбирает первые две модели адаптации, то есть, либо сохранение социального статуса, либо некоторое его снижение.

Сохранение социального статуса происходит несколькими путями. Исходя из интервью можно говорить, что чаще всего врачи, инженеры, научные сотрудники и прочие подтверждают дипломы о высшем образовании и сохраняют свою профессию в стране проживания, а следовательно и социальный статус.

«...Когда приехал в Германию, 13 лет назад это было, в первый год сказал сам себе: «я должен это сделать, сжать зубы, но сделать» и подтвердил диплом врача, первые два года очень сложно было...¹»

В наиболее сложное положение попадают учителя, потому что диплом учителя в Германии не признается, и они вынуждены, либо получать новую профессию, чтобы сохранить высокий социальный статус, либо несколько снижать социальный статус. Многие учителя, хорошо владеющие немецким языком, находят выход в активной общественной работе, создают различные организации², занимающиеся консультацией и помощью переселенцам. Это хоть и не повышение социального уровня, но ощущение собственной общественной необходимости, повышает самооценку этих переселенцев.

¹ Мужчина, 52 года. Приехал в Германию в 1991 г. из России (Урал). Работает врачом в клинике. Знание немецкого отличное. Детмольд, февраль 2004 г.

² В последние 5-7 лет появилось достаточно много организаций российских немцев, ориентированных на интеграцию в Германии, они оказывают различные консультации, сопровождают переселенцев при посещении различных официальных учреждений. Среди этих организаций см. например проект «Переселенцы помогают переселенцам» («Aussiedler orientieren Aussiedler») в Берлине в районе Марцан <http://www.urbanplanserver.de>

«...Мне уже поздно что-то искать было тут в смысле работы, хотя я сначала и в Ратхаузе несколько лет работала, в отделе по мультикультурному развитию, это еще не в Берлине было, а куда нас направили из лагеря, маленький совсем городок в восточной Германии. А уж в Берлине, я сейчас на нескольких работах и в АОА и в «Haus der Heimat» и еще вот лекции организовываю для женщин переселенок, все это практически на общественных началах. Но дома сидеть не могу, а так людям польза.»¹

«...Я же больше 20 лет проработала учителем математики в России, и вроде неплохим учителем была. А тут вот путицфрау работа, не дается мне немецкий никак. Практику делала в детском саду, думала, хоть воспитателем буду, но не оставили там, немецкий слабый очень. Да и лет уже много, что-то новое начинать...»²

В данном случае, при сохранении всех рамочных условий важную роль играет возраст переселенцев, чем младше переселенцы, тем больше возможностей получить образование и найти свое место на рынке труда Германии.

Многие переселенцы, которые выбирают путь сохранения высокого социального статуса через получения нового высшего образования в Германии, выбирают профессии социальных работников, программистов, инженеров, которые являются достаточно востребованными в Германии. Нельзя сказать, что среди тех, кто поступает учиться в университет, преобладает выбор определенной профессии.

«...В какой-то момент поняла, что надо получить тут образование, иначе дальше не пойдешь. Тем более, что я еще молодая была, учиться было можно. Вот я и выбрала эту социальную школу в Берлине. Нельзя сказать, что очень престижная профессия, но без работы пока точно не останусь. Я не жалею, что такой выбор сделала...»³

¹ Женщина, 53 лет. Приехала в Германию 16 лет назад из Новосибирска (Россия). Знание немецкого отличное. Берлин, сентябрь 2006 г.

² Женщина, 52 года. Приехала в Германию 4 года назад из Омской области (Россия). Работает уборщицей, в России работала учительницей. Плохо знает немецкий. Белифельд, февраль 2004 г.

³ Женщина, 39 лет. Приехала в Германию в 1996 г. из России. Работает в VISTA - консультация для наркозависимых русскоязычных жителей Германии. Знание немецкого отличное. Берлин, сентябрь 2006 г.

Снижением социального статуса можно считать, постоянную работу, не соответствующую образованию, полученному в стране выхода. Среди наиболее часто встречаемых вариантов в таких случаях, это работа на постоянной или долгосрочной основе в детском саду, работа медсестрой в клинике или частной врачебной практике, работа секретарем, продавцом и т.д.

При сохранении всех прочих условий, важным фактором получения работы, а следовательно и сохранении определенного социального статуса является знание немецкого языка, о чем упоминали все респонденты.

Следующая модель адаптации к новым условиям приводит к снижению социального статуса, тут в большинстве случаев, по мнению респондентов ограничивающими факторами являются возраст и знание немецкого языка. Сложно продолжать образование или получать новое образование в предпенсионном возрасте, поэтому многие переселенцы вынуждены браться за временную низко квалифицированную работу, часто среди этой группы переселенцев распространена нелегальная занятость (продавцы, чернорабочие, строители), особенно в крупных городах, где социальная анонимность граждан выше, чем в небольших городах. В этой группе достаточно четко проявляются гендерные различия в занятости переселенцев – женщины работают, нянями, сиделками с престарелыми, уборщицами, мужчины – чернорабочие, водители и др.

Определенная часть переселенцев из этой группы попадает в категорию безработных или получающих социальную помощь. Часть из них, постепенно становится пенсионерами.

Вторая группа переселенцев, те, кто не обладали достаточно высоким социальным статусом в стране выхода. Чаще всего это российские переселенцы со средним или средним специальным образованием, которые работали в стране выхода – строителями, квалифицированными рабочими, медсестрами, различными административными сотрудниками. Это группа наиболее многочисленная, среди переселенцев, среди них наблюдаются люди с различной этнической идентификацией.

Сюда же относятся и руководители среднего звена или высококвалифицированные работники, приезжающие из сельской местности в Германию.

В этой группе редко кому удается подтвердить свое образование и продолжать работать по специальности. Чаще всего представители данной группы, в случае сохранения социального статуса получают новое образование в Германии, для получения новой профессии. Это могут быть социальные работники, медсестры, рабочие высокой квалификации и т.д.

«...Муж мой в Казахстане на стройке работал, потом 20 лет на шахте. Тут он устроился сейчас тоже на стройке, монтажником работает, мы довольны, в нашем возрасте, сложно что-то найти, а он хорошо зарабатывает. Я там последнее время безработной была, а тут меня сначала швеей взяли работать, потом уборщицей, это все из социального центра меня направляли...Дочка старшая в 17 лет приехала, сейчас помощником врача работает...»¹

Достаточно много среди представителей этой группы и переселенцев, которые снижают свой социальный статус и живут либо на социальное пособие, или на пособие по безработице, либо заняты на низкоквалифицированных, обслуживающих профессиях.

Третья группа переселенцев, с достаточно низким социальным статусом, часто они обладают профессиями, которые уже не востребованы в Германии (например, доярки, зоотехники и т.д.). Многие представители этой группы получают в Германии новую профессию, либо работают на различных временных работах. Часть из них получает социальное пособие или пособие по безработице. Это относительно немногочисленная, но наиболее нестабильная в социальном плане группа переселенцев. Те из представителей данной группы, которые живут в больших городах, часто работают нелегально (уборщицами, продавцами, рабочими), в различных структурах, организуемых переселенцами.

«...Думаю, что нам сложно будет найти работу в Германии, во-первых, возраст, во-вторых – прежняя профессия, я вот скотником работал в России, а тут мне, кажется это и не нужно совсем. Может, пчелами займусь, не знаю еще, пока мы с женой оба социальную помощь получаем...»²

¹ Женщина, 54 года. Приехала в Германию в 1996 г. из Караганды (Казахстан). Работает уборщицей. Берлин, сентябрь 2006 г.

² Мужчина, 54 года. Приехал в Германию в 2003 г. из Омской области (Россия). Билефельд, февраль 2004 г.

Факторы, влияющие на успешность интеграции российских немцев в германское общество

По мнению самих мигрантов, одни и те же факторы, в разных принимающих условиях могут играть роль, как ограничителей, так и катализаторов интеграции, поэтому систематизировать, представленные ниже факторы достаточно сложно.

Таблица 1
Факторы, влияющие на процесс интеграции переселенцев

1 группа	ВНЕШНИЕ РАМОЧНЫЕ ФАКТОРЫ принимающего общества
	Миграционная политика
	Экономическая ситуация
	Регион проживания в Германии
	Размер населенного пункта
	Общественное мнение
	Отношение ближайшего немецкого окружения
2 группа	ВНУТРЕННИЕ РАМОЧНЫЕ ФАКТОРЫ
	Семейное окружение в Германии
	Прочность семейных отношений
3 группа	ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ ВЫХОДА
	Страна выхода,
	Регион проживания в стране выхода
	Размер населенного пункта
	Уровень образования
	Профессиональный статус в стране выхода
4 группа	ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИГРАНТОВ
	Возраст
	Пол
	Владение немецким языком
	Профессиональная мотивация
	Признанный в Германии уровень образования
	Позитивная этническая идентичность
	Продолжительность проживания в Германии

Ниже приведены, основные факторы, которые чаще всего называли сами респонденты в ходе интервью. Они разделены на три группы (табл. 1). В зависимости от социально-экономической ситуации, а также в зависимости от индивидуальных особенностей мигрантов, представленные в таблице факторы могут играть, как положительную, так и отрицательную роль в интеграции.

Первая группа это - внешние факторы, создающие рамочные условия для интеграции мигрантов, то есть это группа факторов, относящихся к принимающему обществу, эти факторы влияют и на общественное мнение и на социальные взаимосвязи мигрантов и общества, создавая в итоге социальную среду, в которой проходит процесс интеграции переселенцев.

«...На западе Германии с работой легче, там легче интегрироваться, независимо от возраста, там намного легче нашим людям. Звонил тут мне недавно знакомый, он сейчас на пенсии, а приехал 2-3 года назад, так ему предлагали в этом возрасте работу, он конструктор...»¹

«...Мне очень эти интеграционные семинары² помогают жить в Германии. Живу уже несколько лет в Германии, а только теперь захотелось говорить и слушать по-немецки. Я стала по-другому относиться и к немцам и к языку, такие тут люди добрые работают, чувствуешь, что они очень хотят помочь...»³

«...Они (немцы – прим. автор) нас не воспринимают, не интегрируют. Я немецкий знаю хорошо, а когда они говорят у них свое...Мы их не интересуем. Я с немцами работала, из них никто не спросит, как вы? Откуда вы? ...Они думали, что я русская, а не немка. Я говорю: «Я не русская», а они: «Как так?»»⁴

Вторая группа факторов, которые также можно отнести к факторам создающим для переселенцев, внутренние рамочные условия. Окружающая социальная среда играет важную роль, но проблема в том, что они как раз и живут не в немецкой социальной

¹ Мужчина, 58 лет. Приехал в Германию в 1996 г. из Москвы. По образованию физик. Сейчас выбран депутатом районного совета в Берлине. Знание немецкого языка отличное. Берлин, сентябрь 2006 г.

² Речь идет про интеграционные семинары для переселенцев, которые проводит Институт по вопросам миграции и переселенцев при Народной школе Святой Ядвиги в Орлингхаузен (Северный Рейн-Вестфалия). Institute fuer Migrations- und Aussiedlerfragen, Heimvolkshochschule St. Hedwigs-haus e.v. Институт проводит в год примерно 130 семинаров, в которых принимает участие около 3000 тыс. мигрантов. Семинары длятся 2-5 дней. Подробнее см: <http://www.st-hedwigshaus.de>

³ Женщина, 52 года. Приехала в Германию 4 года назад из Омской области (Россия). Работает уборщицей, в России работала учительницей. Плохо знает немецкий. Белифельд, февраль 2004 г.

⁴ Женщина, 61 год. Приехала в Германию 14 лет назад из Фрунзе (Бишкек, Киргизия). Образование высшее. Знание немецкого – отличное. Сейчас безработная. Белифельд, февраль 2004 г.

среде, а в своей российско-немецкой, переселенческой среде и она играет часто для них гораздо большую роль, чем принимающая среда в Германии. Возникает граница между этими двумя средами, которую очень сложно размыть. Эта группа факторов относится к ближайшему семейному окружению российских немцев в Германии.

«...Основные проблемы переселенцев: язык, если язык не знаешь, как выучишь менталитет людей. Нужно само желание людей, что-то сделать, тут ни курсы не помогут, ничего, если сам не хочешь делать. Многие приехали, получают свою копейку в месяц и сидят довольные. Создали вокруг себя оболочку, и ничего не хотят ни к чему не стремятся...»¹

«...Мои родственники все здесь, ну человек 50 есть всего, они все из Казахстана приехали...»²

Третья группа - это те факторы, которые составляют фон для интеграции, то есть, та социальная среда и социальные отношения, которые окружали его в прежней стране проживания, и те социально-экономические позиции, которые занимал переселенец в стране выхода.

«...у нас женщина работает, она приехала из Риги, если человек приезжает из большого города, он привозит с собой, то, что он там получил, а если люди из деревни приезжают это - совсем другое дело. Встретил как-то людей в Берлине, они стояли на платформе и плакали, они из маленькой деревни приехали, не знали куда им в Берлине податься, растерялись, они рвались куда-нибудь в сельскую местность... Мою семью вообще сложно с кем-то сравнивать, мы же из Москвы приехали...»³

Четвертая группа факторов – индивидуальные социальные, культурные и психологические характеристики переселенцев, которые также влияют на ход интеграции в принимающее общество. Среди этих факторов, подавляющее большинство респондентов на первое место ставит знание немецкого языка и возраст.

¹ Женщина, 40 лет. Приехала в Германию в 1998 г. из Украины. Образование среднее, знание немецкого хорошее, работает в АОО, на общественных началах. Берлин, сентябрь 2006 г.

² Женщина, 54 года. Приехала в Германию в 1996 г. из Караганды (Казахстан). Работает уборщицей. Берлин, сентябрь 2006 г.

³ Мужчина, 58 лет. Приехал в Германию в 1996 г. из Москвы. По образованию физик. Сейчас выбран депутатом районного совета в Берлине. Знание немецкого языка отличное. Берлин, сентябрь 2006 г.

«...До сих пор считаю, что самое правильное, что я сделала в Германии, это – пошла учиться в Университет, у меня было высшее образование в России и мне уже 30 лет было и немецкий язык я не знала, когда переехала, только тут его выучила. Я поняла, что без высшего немецкого образования я тут ничего не добьюсь...»¹

«Для меня язык самая главная проблема в Германии. Мне кажется, если бы я язык хорошо знала у меня бы процентов на восемьдесят проблемы исчерпывались...Надо учить. Мне уже 55 лет, это уже достаточно много. Я в общем-то не жду ничего...»²

«...Мои дети очень сложно привыкали к Германии. Когда они сюда приехали, 5 лет назад им примерно по 25 лет было. Они бы и сейчас обратно уехали, просто понимают, что это невозможно. Им очень сложно в Германии, незнание языка, незнание законов, они хотят работать и хотят учиться, а не могут, надо язык отлично знать, они уже взрослые приехали уже семейные, им поэтому трудно...Вот внукам уже гораздо легче, они совсем маленькие приехали...»³

В качестве обобщенной иллюстрации роли, вышеуказанных факторов на процесс интеграции можно сказать, что максимальное количество шансов благополучно интегрироваться в германское общество имеет девушка 18-23 лет, из достаточно обеспеченной семьи, владеющая немецким как родным языком, приехавшая из большого российского города, живущая в Германии 8-10 лет, закончившая или заканчивающая гимназию, и планирующая учиться в университете, считающая себя этнической немкой и не ориентированная в свободное время на русскоязычные структуры, образованные в Германии.

И, минимальные шансы для интеграции в германское общество у мужчины, 45-55 лет со средним или ниже среднего

¹ Женщина, 42 года. Приехала в Германию 12 лет назад из Челябинска. Работает научным сотрудником в университете. Знание немецкого – отличное. Нюрнберг, октябрь 2006 г.

² Женщина, 55 лет. Приехала в Германию год назад из Омской области (Россия). Безработная, получает социальную помощь. Плохо знает немецкий. Белифельд, февраль 2004 г.

³ Женщина, 55 лет. Приехала в Германию 5 лет назад из Петропавловска (Казахстан). Работает как путцфрау, в одной из социальных организаций Берлина. Немецкий немного знает. Живет в районе Берлина – Marzahn-Hellersdorf. Берлин, сентябрь 2006 г.

образованием, приехавшим из сельской местности России или Казахстана практически не владеющим немецким языком, живущим в Германии 5-8 лет, работающим на временной работе или неработающим, считающим себя или русским или не определившимся с этнической идентичностью, проводящим и свободное время только в русскоговорящей среде.

Каким образом оценить успешность интеграции?

Часто интеграцию считают успешной и законченной, если мигрантам удастся найти жилье и работу. Эти два условия не являются единственными критериями благополучного и безболезненного вхождения мигрантов в новую социальную среду. Интеграция может считаться успешной, если мигранты получают возможность доступа ко всем общественным ресурсам принимающего общества и могут быть признаны этим обществом как его полноправные участники, когда они свободно манипулируют основными правилами и нормами этого общества без отказа от собственной идентичности.

Успешность интеграции достигается при наличии нескольких условий. Первое условие, без которого невозможно достижение остальных, это знание немецкого языка. Второе – возможность полноценного участия мигрантов во всех сферах общественно-политической жизни новой страны проживания (участие в выборах, работа в общественных организациях, контакты с «местными» немцами и т.д.). Третье – достижение высокого социального статуса (получение образования, наличие работы). Четвертое – равноправный с членами принимающего общества доступ к общественному достоянию.

Поэтому процесс интеграции переселенцев может быть рассмотрен с нескольких позиций, и под разными углами зрения. С точки зрения формального подхода к процессу интеграции (наличие гражданства или разрешения на пребывание в стране, жилья, работы) большинство российских немцев интегрированы в принимающее общество лучше, чем многие мигранты.

По мнению многих экспертов, а также, по мнению мигрантов, не имеющих юридический статус переселенца или члена семьи переселенца, они являются – «элитными мигрантами» и

избавлены от сложного пути, которым проходят многие мигранты, настроенные на полноценную интеграцию в германское общество¹.

По закону Германии поздние переселенцы в первые месяцы после приезда в страну получают немецкое гражданство и формально становятся рядовыми гражданами страны, даже в статистике после получения гражданства их не учитывают как отдельную группу мигрантов². С другой стороны, они сохраняют за собой гражданство страны выхода, что позволяет им свободно посещать Родину. Гражданство Германии дает переселенцам все социальные права и привилегии, которыми обладают остальные граждане Германии – получение пенсии, получение социальной помощи и различных социальных пособий, в том числе и пособий по безработице.

Но с точки зрения, социально-культурной и социально-психологической переселенцы – российские немцы испытывают точно такие же сложности от встречи с чуждой им средой, как и другие мигранты³. Часто, как видно из интервью, поздние переселенцы и в языковом, и в культурном плане являются еще менее подготовленными к жизни в новой стране, чем другие мигранты. С данной позиции, для переселенцев также важна политика интеграции в принимающее общество, как и для прочих мигрантов.

Необходимо отметить, что часто сами переселенцы чувствуют себя вполне полноценно и считают, что они интегрировались в Германское общество, образуя вокруг себя или внедряясь активно в различные русскоговорящие структуры, образуемые переселенцами, и практически не пересекаясь с «германским» социальным миром Германии. Что, на мой взгляд, не является признаком интеграции в принимающее общество и не способствует стабильному развитию принимающего общества⁴.

¹ Интервью в Берлине в округе Marzahn-Hellersdorf с сотрудницей отдела по работе с иностранцами. Август 2006 г.

² Текст закона можно найти на сайте: <http://www.info4alien.de> – Das portal zum Auslaenderrecht

³ Смотреть, например сайт: <http://www.bpb.de/themen> - Bundeszentrale fuer politische Bildung

⁴ О роли внутренних структур, образуемых в Германии поздними переселенцами см. Savoskul M.S. Abschottung oder Integration? // Mitteilungen der Fraenkischen Geographischen Gesellschaft. Band 52 fuer 2005. S. 69-86; Savoskul M. Russlanddeutsche in Deutschland: Integration und Typen der ethnischen

Таким образом, мы можем говорить о комплексе факторов, влияющих на успешность интеграции переселенцев в принимающее общество. Все респонденты сходятся во мнении, и автор данной статьи с ними согласна, что на одно из первых мест среди факторов, способствующих интеграции занимают: миграционная политика, отношение общества к мигрантам, но имеют значение также и индивидуальные характеристики мигрантов, прежде всего такие, как знание немецкого языка, позитивная этническая идентичность и др. Разностороннее влияние данных факторов и приводит к разнообразию моделей интеграции поздних переселенцев в принимающее общество.

Если для первой группы респондентов примерно равную роль в интеграции играют все вышеупомянутые группы факторов, то для второй и для третьей групп переселенцев, часто на первое место по важности в ходе интеграции, выходят миграционная политика, общественное мнение, то есть уже сформированные общественные настроения, они могут вызвать необходимую мотивацию у этих групп переселенцев и настроить их на интеграцию в принимающее общество.

Список респондентов

1. Сотрудница Администрации района Marzahn-Hellersdorf в Берлине, отдел по работе с иностранцами. Август 2006 г.
2. Мужчина, 58 лет. Приехал в Германию в 1996 г. из Москвы. По образованию физик. Сейчас выбран депутатом районного совета в Берлине. Знание немецкого языка отличное. Берлин, сентябрь 2006 г.
3. Женщина, 52 года. Приехала в Германию в 2000 г. из Омской области (Россия). Работает уборщицей, в России работала учительницей. Плохо знает немецкий. Белифельд, февраль 2004
4. Женщина, 61 год. Приехала в Германию в 1990 г. из Фрунзе (Бишкек, Киргизия). Образование высшее. Знание немецкого – отличное. Сейчас безработная. Белифельд, февраль 2004
5. Женщина, 40 лет. Приехала в Германию в 1998 г. из Украины. Образование среднее, знание немецкого хорошее,

- работает в консультации для переселенцев (АОА). Берлин, сентябрь 2006 г.
6. Женщина, 54 года. Приехала в Германию в 1996 г. из Караганды (Казахстан). Работает уборщицей. Берлин, сентябрь 2006 г.
 7. Женщина, 42 года. Приехала в Германию 12 лет назад из Челябинска. Работает научным сотрудником в университете. Знание немецкого – отличное. Нюрнберг, октябрь 2006
 8. Женщина, 55 лет. Приехала в Германию в 2003 г. из Омской области (Россия). Безработная, получает социальную помощь. Плохо знает немецкий. Белифельд, февраль 2004
 9. Женщина, 55 лет. Приехала в Германию в 2001 г. из Петропавловска (Казахстан). Работает уборщицей, в одной из социальных организаций Берлина. Немецкий немного знает. Живет в районе Берлина – Marzahn-Hellersdorf. Берлин, сентябрь 2006
 10. Мужчина, 52 года. Приехал в Германию в 1991 г. из России (Урал). Работает врачом в клинике. Знание немецкого отличное. Детмольд, февраль 2004
 11. Женщина, 53 года. Приехала в Германию в 1990 г. из Новосибирска (Россия). Знание немецкого отличное. Берлин, сентябрь 2006
 12. Женщина, 39 лет. Приехала в Германию в 1996 г. из России. Работает в VISTA - консультация для наркозависимых русскоязычных жителей Германии. Знание немецкого отличное. Берлин, сентябрь 2006 г.
 13. Мужчина, 54 года. Приехал в Германию в 2003 г. из Омской области (Россия). Билефельд, февраль 2004 г.

Литература

1. Боммес М. Международная миграция и дерегуляция коллективных форм социальной идентичности в национальных государствах. // Миграция и национальное государство. Под. ред. Бараулиной Т. Карпенко О. С. 147-173. С-Петербург, 2004
2. Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии). //

- Миграция и национальное государство. Под. ред. Бараулиной Т. Карпенко О. С. 133-146. С-Петербург, 2004
3. Миграция и национальное государство. Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. С-Петербург, 2004
 4. Appadurai A. Modernity at large: cultural dimensions of globalization. Minneapolis, 2003;
 5. Bhabha H. The location of culture. London, 1998
 6. Foucault M. Les mots et les choses. Une Archeologie des sciences humaines. Callimard, 1966
 7. Latour B. Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory. New-York, 2005
 8. Savoskul M.S. Abschottung oder Integration? // Mitteilungen der Fraenkischen Geographischen Gesellschaft. Band 52 fuer 2005. S. 69-86
 9. Savoskul M. Russlanddeutsche in Deutschland: Integration und Typen der ethnischen Selbstidentifizierung. // Zuhause Fremd. Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland. Hrg. Sabine Ipsen-Peitzmeier, Markus Kaiser, 2006. S. 197-222
 10. The sociology of economic life. ed. By Granovetter M.;
 11. <http://www.st-hedwigshaus.de>
 12. <http://www.urbanplanserver.de>
 13. <http://www.info4alien.de>
 14. <http://www.bpb.de>

Хосе Альберто Магно де Карвальо,
Чарльз Х. Вуд¹

ОЦЕНКА СТАБИЛЬНОСТИ РАСОВЫХ/ЭТНИЧЕСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ПЕРЕПИСЕЙ: ПРИМЕР БРАЗИЛИИ²

Последние годы свидетельствуют о формировании единого подхода международных организаций к вопросу о значении расовой и этнической дискриминации. Ранее в исследованиях по проблемам развития уделялось недостаточное внимание стратификационной системе общества, поскольку в целом считалось, что модернизация, если не устранит, то минимизирует расовую и этническую дифференциацию. Согласно новому подходу, напротив, дискриминация меньшинств рассматривается как угроза социальному развитию и торможение экономического роста. Растущий интерес к оценке степени «социальной изоляции» и связанные с этим попытки разработки политики по преодолению этого явления, неизбежно увеличивают значение сбора точных данных о расовом и этническом составе населения. Как минимум, новый спрос на информацию требует от бюро переписей разработки значимых показателей идентичности меньшинств (чтобы представить наглядные последствия социальной стратификации) и формирования стабильной во времени системы классификации (чтобы оценить эффективность проводимой политики).

В данной работе проводится анализ изменений расовой идентичности населения от переписи к переписи. Можно выделить два главных преимущества в использовании бразильских переписей. Во-первых, Бразильское бюро переписей в последние десятилетия использовало фактически одну и ту же методику классификации населения по цвету кожи. Во-вторых, Бразилия – страна с расово разнородным населением, причем расовые границы относительно

¹ Авторы выражают благодарность за финансовую поддержку Центру Демографии и Экологии (NICHD R24 HD 47873) и Центру регионального развития и планирования Федерального университета Минас-Жерайс, Бразилия (Hewlett Foundation), а также Fausto Brito, Simone Wajnman, Elisa Maranzana, Amanda Wolfe, Ana Margheritis и анонимным критикам за полезные комментарии и советы.

² Перевод выполнен О.А. Хараевой, при участии Е.В. Чуриловой и И.В. Бородиной.

расплывчатые. В статье, прежде всего, будут рассмотрены дискуссионные вопросы, касающиеся сбора расовой и этнической информации при проведении переписей населения, и выделены факторы, которые содействовали заинтересованности в получении данных о расовом и этническом составе населения в развивающихся странах. Методы, используемые для оценки расовой реклассификации, представлены в приложении.

Взгляды на расовые и этнические классификации, используемые в переписях

В 1950-х гг. демографы из Бюро переписей США предполагали, что острота расового вопроса уменьшится, как это произошло в Канаде в 1951 г. Шокирующий нацистский пример превращения религиозной категории в расовую группу, которая затем стала мишенью для уничтожения, побудил к пересмотру понятия расы, и указал на потенциальную опасность официальной классификации населения по расовым и религиозным категориям. Эта настороженность была преодолена в связи с необходимостью исполнения требований Закона о гражданских правах 1964 г., Закона о голосовании 1965 г. и ряда законодательных инициатив, составивших основы гражданского права. Ожидания того, что «вопрос о расе» будет исключен из программы переписей, сменились осознанием необходимости данных об этнической и расовой принадлежности для преодоления сегрегации, проведения политики аффирмативных акций¹ и контроля за развитием меньшинств (Glazer 2002, p.30; Nobles 2000, pp.75-79; Wright 1994, p.50).

В настоящее время критика классификаций, используемых при проведении переписей населения в США, усиливается вследствие ряда обстоятельств, в том числе изменения этнического состава населения страны, политических нападков на основы программ аффирмативных акций, и давление групп, имеющих смешанное происхождение, за признание мультирасовых идентичностей. Вопрос вылился в более широкие дебаты между аналитиками, которые обнаруживают «уменьшающееся значение расы» (например, Wilson 1980) в обществе США, и теми, кто считает, что раса продолжает «иметь значение и структурировать

¹ Прим. переводчика: предоставление преимущественных прав ранее дискриминируемым группам.

социальную жизнь», как в национальном, так и мировом масштабах (Winant 200, p.1).

Растущая значимость проблем расовой и этнической принадлежности для развивающихся стран определяет текущую политику международных организаций, оказывающих содействие развитию. Две главные конференции Организации Объединенных Наций – Социальный Саммит ООН (1996) и Конференция ООН против расизма (2001) – способствовали пониманию проблемы социальной интеграции как политического приоритета в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (Buvinic 2003, p.1). Подобным образом, Сантьягское соглашение 1998 г., принятое в ходе второго саммита американских государств в Чили, выделило равенство и социальную справедливость в качестве приоритетных проблем XXI века. Позже, в подготовке к Мировой конференции против расизма ООН, которая состоялась в мае 2001 года, Межамериканский Банк Развития (МБР) принял «План действий», с целью включения мер содействия социальной интеграции расовых и этнических меньшинств в стратегию, проекты и практическую деятельность банка (IDB 2002). В том же ключе, Научно-исследовательский институт социального развития при Организации Объединенных Наций в сентябре 2001 г. провел конференцию, по проблемам расизма и общественной политики, посвященную вопросам толкования понятий расы и гражданства, тенденциям изменения расовых отношений и положения расовых групп, влияния общественной политики на межрасовые отношения и дискриминацию (Bangura 2002). Подход Всемирного Банка к проблемам социальной изоляции трансформировался в 1990-е гг.: если в начале десятилетия основное внимание уделялось вопросам низкого потребления и низкого уровня человеческого капитала, то уже в 2000 г речь шла о необходимости решения более широкого круга задач, включая предоставление равных возможностей, безопасность и расширение прав. (World Bank 2001; Clert, Gacitua-Mario and Wodon 2001). В ответ на появление новой концепции, Всемирный банк «дополнил традиционный количественный анализ бедности качественными и совместными исследованиями» (Clert et al. 2001, p.1). Согласно новой парадигме развития «культура» является главным фактором экономического роста, подчеркиваются высокие издержки дискриминации, основанной на расовой и этнической дифференциации (Deutsch and Reichmann 2001; Florez, Medina and Urrea 2001; Zoninsein 2001). Растущая озабоченность

проблемами расовой и этнической маргинализации побудила, по меньшей мере, одну Латиноамериканскую страну (Бразилию) предпринять беспрецедентный шаг по защите прав расовых меньшинств по примеру США, создав квотную систему, действующую при приеме на работу в правительственные учреждения, заключении государственных контрактов, зачислении в университеты (Rohter 2003).

Понятие социальной изоляции является относительно новым для латиноамериканских исследований, более длительное время оно используется в Континентальной Европе (Aggleton and Parker 2003, p.2). Во Франции понятие *exclusion sociale* (социальная изоляция) применялось по отношению к группам лиц, которые не могли претендовать на участие в программах государственного социального страхования. Так же, понятие изоляции вошло в основной политический дискурс в Великобритании. По определению, данному Советом по экономическим и социальным исследованиям, оно является одним из ключевых «тематических приоритетов», которым будет руководствоваться Совет при принятии финансовых решений (Bugne 1999, p.3).

Любая политика или программа, которая нацелена на подгруппы населения, обязательно предполагает некоторую систему классификации людей. Подобно тому, как в 1960-х гг. законодательство о гражданских правах вынудило Бюро переписей населения США сохранить вопрос о расе, проблемы социальной интеграции в настоящее время требуют сбора данных о расовом и этническом составе населения в развивающихся странах. В связи с этим, Межамериканский банк развития, выделяя 250 миллионов долларов на финансирование программ социальной интеграции, будет поддерживать продолжающиеся усилия по «введению вопросов о расовой и этнической принадлежности в переписи и обследования домохозяйств с целью получения основной информации о населении» (IDB 2002. p.7). Трудная задача разработки надежной и достоверной типологии большинства/меньшинства вдвойне усложняется в таких странах как Бразилия, где расовые различия имеют значительные последствия для населения в обыденной жизни.

Цвет кожи и неустойчивость расовой идентичности в Бразилии

В Бразилии обычно используется множество терминов для определения оттенков «смуглости», но при сборе данных во время

проведения десятилетних переписей, применяется более упрощенная классификация населения по цвету кожи (Silva 1981; Wood and Carvalho 1988; Schwartzman 1999; Lovell 2000; Telles 2002). В 1950 г. интервьюеры просили определить людей собственный цвет кожи. Ответы были сгруппированы в три категории: черный (прето), белый (бранко), или желтый (амарело). Лица, которые отнесли себя к категории «где-то посередине» (например, мулато, кабокло, морено, индио), были классифицированы как *пардо* (коричневый). В 1960 г. метод опроса был изменен: интервьюеры просили респондентов выбрать из трех возможных ответов (белый, черный и желтый), и добавили промежуточные категории (пардо и индио). Хотя материалы переписи 1960 г. не были полностью опубликованы, в существующих таблицах две промежуточные категории были объединены в одну группу, пардос. В переписи 1970 г. вопрос о расе был опущен, но вновь внесен в программу переписи 1980 г. При проведении переписей 1991 г. и 2000 г. использовался метод самоопределения и группировка с выделением пяти категорий: бранко, прето, пардо, амарело и индигена (белый, черный, коричневый, желтый и коренной). Хотя надежность классификации, использованной в переписи, находится под вопросом (как будет показано ниже), цифры в таблице 1, дают основное представление о распределении населения Бразилии по расовым группам с 1950 г. по 1991 г.

Таблица 1

**Распределение населения Бразилии по расовым группам
в 1950 -1991 гг. (%)**

Расовая группа	1950 г.	1960 г.	1980 г.	1991 г.
Белые	61,7	61	54,2	51,6
Коричневые	26,5	29,5	38,8	42,6
Черные	11	8,7	5,9	5
Желтые	0,6	0,7	0,7	0,4
Неизв.	0,2	0,1	0,4	0,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100
Все население (тыс.чел.)	51,944	70,191	119,011	146,815

Источник: Переписи населения Бразилии 1950 г., 1960 г., 1980 г., 1991 г.

Аналитики выделили несколько недостатков, связанных с процедурой классификации населения по цвету кожи, осуществляемой бюро переписей, в том числе: большое количество обозначений, как правило, используемых для описания оттенков цвета кожи в Бразилии, и последствия этого явления при использовании Бразильским бюро переписи упрощенной классификации, (Silva 1981); различия между открытыми и закрытыми вопросами о цвете кожи (Silva 1981); потенциальная неопределенность, связанная с использованием термина «пардо» в классификации, применяемой при проведении переписей (Harris, Consorte, and Byrge 1993; Nobles 2000, p.172); вероятность того, что ответы респондентов на открытый вопрос о цвете кожи в большей степени тяготеют к более светлому оттенку, нежели чем при ответе на аналогичный закрытый вопрос, заданный интервьюером (Harris et al. 1993; Telles and Lim 1998). Это исследование фокусируется преимущественно на устойчивости расовой идентичности во времени.

В отличие от США, в Бразилии темнокожий человек, и к тому же бедный, вероятно, будет считаться и считать себя черным (прето). С другой стороны, человек с высоким статусом и с тем же темным оттенком кожи, вероятно, будет причислен и отнесет себя к коричневым (пардо или морено), или к другой категории, ближе к белому концу цветового палитры. Субъективная идентичность в Бразилии, следовательно, основана на физических признаках в сочетании с другими факторами, такими как: доход, образование, социальное положение. Это многомерное основание расовой идентичности, в свою очередь, дает возможность предполагать, что мобильный индивид, который идентифицирует себя как прето, после повышения социально-экономического статуса, переклассифицируется в пардо.

Учитывая рост уровня дохода и образования в Бразилии после второй мировой войны (Merrick and Graham 1979; Wood and Carvalho 1988), а также интенсивную восходящую мобильность населения, (Pastore 1982), можно предположить, что многие бразильцы сделали выбор в пользу иной расовой группы, двигаясь в направлении от более темной к более светлой категории цветового спектра. Проблема заключается в том, чтобы разработать методику оценки уровня расовой реклассификации, которая, вероятно, происходила в последние десятилетия (Wood and Carvalho 1994).

Уровень расовой реклассификация: 1950-1980 гг.

Результаты ретроспективной оценки, выполненной за тридцатилетний период, представленные в третьей колонке таблицы 2, показывают численность мужчин и женщин в возрасте 30 лет и старше, которые входили бы в каждую расовую группу в 1980 г. без учета происходившей в этот период реклассификации. Численность мужчин и женщин, фактически учтенных в ходе переписи 1980 г., представлена в колонке 4. Если численность населения по данным переписи сопоставить с его расчетной численностью (см. колонку 5), обнаруживается заметный дефицит в группе черных, как у мужчин, так и у и женщин (-797787 чел. и -815379 чел., соответственно). Эти цифры указывают на то, что в период с 1950 г. по 1980 г. приблизительно 38% мужчин и 39% женщин выбрали вместо черной другую цветовую категорию. Разумно предположить, что черное население наиболее вероятно реклассифицировало себя как коричневое (скорее, чем белое).

Таблица 2**Расовая реклассификация по полу, 1950-1980 гг.**

Пол	Расовая группа	Ожидаемая численность населения в 1980 году ¹ (чел.)	Численность населения по данным переписи 1980 г. (чел.)	Отклонение от данных переписи	
				(тыс. чел.)	(%)
1	2	3	4	5=(4)-(3)	6=(5)/(3)
Мужчины	Черные	2022606	1254819	-767787	-38
	Коричневые	5042499	6879063	1836564	+36
	Белые	12383959	11315191	-1068768	-9
Женщины	Черные	2091361	1275982	-815379	-39
	Коричневые	5160740	6751013	1590273	+31
	Белые	12757882	11982990	-774892	-6

Источник: Wood and Carvalho (1994)

¹ Население в возрасте 30 лет и старше

Вопреки ожидаемому в этот период чистому переопределению из коричневой в белую категорию, значения,

представленные в колонке 5, показывают, что численность белых в возрасте 30 лет и старше в 1980 г. в действительности была ниже расчетной. Несмотря на то, что разница относительно мала – около 9% у мужчин и 6% у женщин – данные свидетельствуют о чистом перемещении населения из белой категории в коричневую (пардо).

Можно только предполагать, что лежит в основе полученных результатов. Если с кон. 1950-х гг. происходило уменьшение стигматизации коричневых, в 1980 г. , бразильцам стало легче определять себя как пардо, чем 30 лет назад, когда люди, вероятно, были вынуждены относить себя к категории бранко. Так же, вероятно, имели место процессы нисходящей мобильности, и те, кто прежде называли себя белыми, из-за более низкого статуса в 1980 г. могли причислить себя к категории коричневых. Без дополнительной информации по возможному ослаблению интенсивности цветовой стигматизации и оценки расовых факторов социальной мобильности в исследуемый период, данные объяснения являются не более чем гипотезами.

Что касается промежуточной коричневой категории, данные, представленные в колонке 5, показывают, что численность населения по материалам переписи 1980 г. намного превышает ее оценку согласно расчетам. Вследствие чистого перемещения, как белых, так и черных в группу коричневых, в ней оказалось на 1836564 больше мужчин и на 1590273 больше женщин, чем предполагалось. В относительном выражении чистая реклассификация составила: 36% у мужчин и 31% у женщин.

Расовая реклассификация и чистая миграция: 1980-1990 гг.

Первая колонка в таблице 3 показывает распределение населения по полу и цвету кожи, которое могло бы наблюдаться в Бразилии, при условии закрытого населения. Колонка 2 представлено «наблюдаемое» население, если бы перепись была проведена в 1990 г. В предыдущие годы переписи населения проводились в начале каждого десятилетия. Однако, в связи с задолженностью бюджета, перепись 1990 года была отложена до 1991 года.

Цифры, приведенные в колонке 3, представляют разницу по полу и возрасту между наблюдаемым и ожидаемым (закрытым) населением. По существу, оценка «чистого перемещения» для каждой группы по полу и возрасту (см. колонку 3) отражает влияние расовой реклассификации или чистой международной миграции,

или комбинации этих факторов. Наконец, в колонке 4 представлены прирост или убыль численности расовых групп в процентах.

Таблица 3

**Отклонение ожидаемой численности населения от
'наблюдаемой' численности населения в 1990 г. вследствие
расовой реклассификации и/ или международной миграции, по
полу и расовым группам (тыс. чел.)**

Расовая группа/ Пол	Население в возрасте 10 лет и старше в 1990 г.			
	Ожидаемая численность (закрытое) населения в 1990 г. (тыс. чел.)	'Наблюдаемая' численность населения в 1990 г. (тыс. чел.)	Отклонение от 'наблюдаемой' численности населения ¹	
			(тыс. чел.)	(%)
	1	2	$3=(2)-(1)$	$4=(3)/(1)$
Мужчины				
Белые	30062	27743	-2319	-7,7
Черные	3254	2987	-267	-8,2
Коричневые ²	21693	22810	1117	5,1
Желтые	330	272	-58	-17,6
Все мужское население	55339	53813	-1526	-2,8
Женщины				
Белые	31460	30303	-1157	-3,7
Черные	3264	2902	-362	-11,1
Коричневые ²	21805	22542	737	3,4
Желтые	315	270	-45	-14,3
Все женское население	56844	56017	-827	-1,5

Источник: IBGE, переписи населения Бразилии 1980 г. и 1991 г.

¹ Вследствие расовой реклассификации и/ или международной миграции.

² Включая коренное население.

Если пренебречь распределением по полу/ цвету кожи и сфокусировать внимание на общей численности населения страны, величина «чистого перемещения» будет соответствовать, фактически, чистой международной миграции. Данные колонки 3 свидетельствуют о дефиците населения по сравнению с результатами оценки, который составил 1527000 чел. у мужчин и 827000 чел. у женщин (в возрасте от 10 лет и старше в 1990 г.). В частности, он отмечался в группах белых, черных и желтых мужчин и женщин, тогда как численность населения в коричневой группе в 1990 г. оказалась выше расчетного значения.

Так как колонка 3 показывает разницу между числом людей, учтенных в 1990 г., и числом доживших до 1990 г., можно утверждать, что около 2,3 миллионов белых мужчин и около 1,2 миллионов белых женщин отнесли себя к другой цветовой категории или мигрировали из страны, либо изменили расовую принадлежность и мигрировали. Численность чернокожих мужчин и женщин в 1990 г. также была ниже расчетной - на 267000 чел. и 362000 чел., соответственно. В группе желтого населения разница составила, 58000 чел. у мужчин и 45000 чел. у женщин. Фактическая численность населения превысила результаты расчетов, вследствие реклассификации или международной миграции, либо действия двух этих факторов, (на 1100000 чел. у мужчин и на 737000 чел. у женщин) только в категории «коричневые».

Для определения приблизительной величины реклассификации, возникающей вследствие перемещения населения из одной цветовой группы в другую, можно предложить несколько гипотетических сценариев. Например, предположим, что Бразилия посылала, но не принимала международных мигрантов в период с 1980 г. по 1990 г. В этом случае, отрицательные значения в колонке 3 означали бы, что дефицит 1527000 мужчин и 827000 женщин является результатом миграционного оттока. Теперь предположим, что вся эмиграция приходилась только на конкретные группы по полу и цвету, как показано в таблице 4.

Для интерпретации цифр, представленных в таблице 4 можно привести три примера. Во-первых, рассмотрим категорию «белые/мужчины», в которой отмечается дефицит 2319000 чел. (см. таблицу 3, колонку 3). Далее, предположим, что все эмигранты-мужчины (то есть 1527000 человек) в 1980-е гг. относились к группе

Таблица 4

Оценки чистой расовой реклассификации¹ в 1980-1990 гг., при максимальных показателях эмиграции, по расовым группам и полу, тыс. чел.²

Расовая группа/ Пол	Сценарий 1		
	Чистый прирост/ потери ³	Максимальная численность эмигрантов ⁴	Оценка расовой рекла- сификации
	1	2	3=(1)+(2)
Белые			
Мужчины	-2319	1527	-792
Женщины	-1157	827	-330
Черные			
Мужчины	-267	1527	1260
Женщины	-362	827	465
Коричневые			
Мужчины	1118	1527	2645
Женщины	737	827	1564
Желтые			
Мужчины	-58	1527	1469
Женщины	-45	827	782

Источник: IBGE, переписи населения Бразилии 1980 г. и 1991 г.

¹ Население в возрасте 10 лет и старше в 1990 г.

² Предполагается отсутствие иммиграции (вся международная миграция ограничивается эмиграцией), численность эмигрантов принимается равной 1527000 мужчин и 827000 женщин.

³ Значения, представленные в таблице 3, соответствуют приросту вследствие расовой реклассификации и международной миграции.

⁴ Предполагается, что все эмигранты являются представителями белой, или черной, или коричневой, или желтой группы.

белых. В этом случае, дефицит населения в данной категории можно рассматривать как результат двух составляющих: эмиграции 1527000 чел. и реклассификации по цвету кожи оставшихся 792000 чел.. Согласно этому сценарию, 792000 мужчин, которые отнесли себя к белым в 1980 г., причислили себя к другой цветовой

категории в 1990 г., наиболее вероятно предпочли категорию «коричневые».

Наглядным примером также может служить группа «коричневые/женщины». Превышение численности населения в данной категории в 1990 г. над результатами расчетов, в результате эмиграции и расовой реклассификации, составило 737000 чел. (таблица 4, колонка 1). Как и в предыдущем примере, предположим, что все женщины-эмигранты, в общей сложности 827000 чел., приходятся исключительно на эту расовую категорию. В соответствии с этим сценарием, расовая реклассификация в течение десятилетия для группы «коричневые/женщины» составила бы +1564000 чел. (таблица 4, колонка 3).

В качестве еще одной иллюстрации можно рассмотреть группу черных мужчин. По сравнению с результатами расчетов дефицит населения в возрасте 10 лет и старше в 1990 г. в данной категории составил 267,000 чел. В случае (что маловероятно), что все 1527000 мужчин-эмигрантов были черные, группа «черные/мужчины» получила бы 1260000 чел., в результате расовой реклассификации.

Хотя различные гипотезы дают представления о логических взаимосвязях между теми или иными оценками, анализу можно придать большую достоверность при использовании исторических данных о характере международной миграции в Бразилии. Так, согласно результатам многих исследований бразильские эмигранты в 1980-е гг. являлись преимущественно представителями среднего класса, которые направлялись главным образом в США, Японию и Парагвай (Padovani 1980; Margolis 1994; Patarra 1995, 1996; Sales 1998; Sales and Reis 1999). Следовательно, разумно предположить, что черные составляли лишь малую часть общего оттока мигрантов из страны. Также известно, что в 1980-х гг. Бразилия была страной назначения для черных из Мозамбика и Анголы, хотя точная численность прибывших неизвестна. В результате притока африканцев, вероятно, что черное население Бразилии испытывало в 1980-е гг. миграционный прирост.

Сведения о классовом составе эмигрантов и прибывших из Мозамбика и Анголы, дают основание предполагать, что дефицит чернокожего населения в 1980-1990 гг. стал следствием процесса реклассификации. Если допустить, что рост черного населения в результате иммиграции превышал масштабы его оттока из страны, можно сделать вывод, что -267000 чел. у мужчин и -362000 чел. у

женщин (таблица 4, колонка 1) – минимальные оценки величины расовой реклассификации среди черных.

В отличие от черной группы, дефицит, наблюдаемый в желтой категории (58,000 мужчин; 45,000 женщин), наиболее вероятно, является следствием эмиграции. Данная гипотеза согласуется со следующими фактами. Во-первых, сильным чувством этнической идентичности среди населения азиатского происхождения (see Yukio and Smith 1958; Smith 1979), делающим нереалистичными ожидания того, что большое число лиц, которые причислили себя к желтой категории в 1980 г., выберут другую цветовую категорию в 1990 г. Во-вторых, значительной по масштабам миграцией бразильцев японского происхождения в Японию в 1980-е гг. Согласно оценкам (Oliveira et al., 1996) численность декассегис (трудящихся-мигрантов), покинувших Бразилию, чтобы жить и работать в Японии в 1980-1990 гг. составила 100000 чел.

Исторические данные позволяют сделать два предположения: первое заключается в том, что среди черных не было значительной эмиграции в 1980 -1990 гг., и, следовательно, дефицит в данной расовой группе стал результатом реклассификации; и, во-вторых, желтое население в 1980-1990 гг. не было в существенной мере подвержено смене расовой идентичности, и, таким образом, дефицит в группе желтых образовался за счет эмиграции. Если первое предположение корректно, то международная миграция не является определяющим фактором для черного населения, и оценка чистой реклассификации составляет –267000 у мужчин и –362000 у женщин, как показано в колонке 3 таблицы 5. Если второе предположение верно, реклассификация не является решающим фактором для группы желтого населения, и оценка значений расовой реклассификации, представленная в таблице 4, колонке 3 [т.е., 1469 тыс. мужчин (1527 тыс. чел. – 58 тыс.чел.) и 782 тыс. женщин (827 тыс. чел. – 45 тыс. чел.)], может быть отнесена к белой или коричневой категории. Из этого следует, что соответствующие оценки чистой реклассификации могли бы составить –850000 чел. для белых мужчин и –375000 чел. для белых женщин (таблица 5, колонка 3). Оценки для коричневых мужчин и женщин: +2,587,000 и +1,519,000 соответственно.

Принимая оба вышеизложенных допущения, можно также оценить минимальное значение чистой расовой реклассификации

Таблица 5

Оценки чистой расовой реклассификация¹ в 1980-1990 гг. при максимальных показателях эмиграции (предполагается, что дефицит в категории желтых обусловлен эмиграцией, дефицит в категории черных является следствием реклассификации), по расовым группам и полу, (в тыс. чел.)²

Расовая группа/ Пол	Сценарий 2		
	Чистый прирост/убыль ³	Максимальная численность эмигрантов	Оценка расовой реклассификации
	1	2	3=(1)+(2)
Белые			
Мужчины	-2319	1469 ⁴	-850
Женщины	-1157	782 ⁴	-375
Черные			
Мужчины	-267	-	-267 ⁵
Женщины	-362	-	-362 ⁵
Коричневые			
Мужчины	1118	1469 ⁴	2587
Женщины	737	782 ⁴	1519
Желтые			
Мужчины	-58	58 ⁴	0
Женщины	-45	45 ⁴	0

Источник: IBGE, переписи населения Бразилии 1980 г. и 1991 г

¹ Население в возрасте 10 лет и старше в 1990 году

² Предполагается отсутствие иммиграции, численность эмигрантов принимается равной 1 527 тыс. мужчин и 827 тыс. женщин.

³ Значения, представленные в таблице 3, соответствуют приросту вследствие расовой реклассификации и международной миграции.

⁴ Предполагается, что все эмигранты, не относящиеся к желтой категории, являются белыми или черными.

⁵ Предполагается, что дефицит в желтой категории является следствием международной миграции, а дефицит в черной категории обусловлен реклассификацией.

для белого и коричневого населения. Так как среди белых мужчин и женщин наблюдается дефицит населения, минимальную оценку

расовой реклассификации можно получить путем исключения желтых мужчин и женщин из состава эмигрантов, причислив всех эмигрантов к группе белых мужчин и женщин (таблица 6, колонка 2). В результате минимальные оценки чистой расовой реклассификации для белой категории населения следующие: - 850000 чел. у мужчин и - 375000 чел. у женщин. (колонка 3). У коричневых мужчин и женщин наблюдается, однако, прирост населения. Следовательно, мы получаем минимальную оценку расовой реклассификации, приписывая этой группе нулевую эмиграцию. В итоге минимальные оценки чистой расовой реклассификации для коричневой категории: +1118000 у мужчин и +737000 у женщин.

Таблица 6

Минимальная оценка чистой расовой реклассификация в белой и коричневой группе при условии, что дефицит в категории желтых обусловлен эмиграцией, дефицит в категории черных является следствием расовой реклассификации (тыс. чел.)¹

Расовая группа/ Пол	Сценарий 3			
	Чистый прирост/ потери ²	Численность эмигрантов		Минимальная оценка расовой реклассификации
		Максимум	Минимум	
	1	2		3=(1)+(2)
Белые				
Мужчины	-2319	1469	-	-850
Женщины	-1157	782	-	-375
Коричневые				
Мужчины	1118	-	0	1118
Женщины	737	-	0	737

Источник: IBGE, переписи населения Бразилии 1980 г. и 1991 г

¹ Население в возрасте 10 лет и старше в 1990 г. Предполагается отсутствие иммиграции.

² Значения, представленные в таблице 3.

Как сравнить оценки чистой расовой реклассификации за 1980 -1990 гг. (10-летний период) с более ранними данными за 1950 -1980 гг. (30-летний период)? Возрос или сократился уровень реклассификации? Чтобы ответить на эти вопросы необходимо

рассчитать сопоставимые показатели за периоды равной продолжительности.

Сравнение уровня расовой реклассификации: 1950-1980 гг. и 1980-1990 гг.

Как было отмечено выше, абсолютные значения чистой расовой реклассификации, представленные в колонке 2 таблицы 7, были определены, исходя из предположения, что поток эмигрантов из Бразилии в 1980-е гг. состоял из представителей белого и желтого населения. Следовательно, дефицит, наблюдаемый в белой категории и прирост, выявленный в коричневой категории, являются минимальными оценками значений расовой реклассификации. В третьей колонке таблицы 7 представлены процентные показатели расовой реклассификации в 1980-е гг. (с учетом указанных допущений).

Таблица 7

Чистая расовая реклассификация в 1980-1990 гг., по полу¹

Расовая группа/ Пол	Ожидаемая численность населения ²	Чистая расовая реклассификация (тыс. чел.)	Чистая расовая реклассификация (%)
	1	2	3=(2)/(1)
Белые			
Мужчины	28593	-850 ³	-3,0 ³
Женщины	30678	-375 ³	-1,2 ³
Черные			
Мужчины	3254	-267	-8,2
Женщины	3264	-362	-11,1
Коричневые			
Мужчины	21693	1118 ³	5,2 ³
Женщины	21805	737 ³	3,4 ³

Источник: IBGE, переписи населения Бразилии 1980 г. и 1991 г.

¹ Население в возрасте 10 лет и старше в 1990 году.

² Предполагается отсутствие расовой реклассификации и эмиграции только представителей белого населения в 1980-1990 гг.

³ Минимальная убыль (белые) и минимальные прирост (коричневые)

Последний вопрос, на который необходимо ответить – существенно ли отличаются значения расовой реклассификации в 1980-1990 гг. и 1950-1980 гг. Для того чтобы сравнить более ранний и более поздний периоды, необходимо преобразовать оценки реклассификации за 1950-1980 гг. (см. таблицу 2) в средние показатели реклассификации за десятилетия этого периода. В таблице 8 представлены приведенные показатели реклассификации в 1950-1980 гг., а также оценки чистой реклассификации в период с 1980 г. по 1990 г.

Таблица 8

Показатели чистой расовой реклассификации в 1950-1980 гг. и 1980-1990 гг., по полу

Расовая группа/ Пол	Чистая расовая реклассификация в 1950-1980 гг. (%)	Приведенные значения чистой расовой реклассификации в 1950-1980 гг. (%)	Чистая расовая реклассификация в 1980-1990 гг. (%)
Белые			
Мужчины	-8,6	-3	-3
Женщины	-6,1	-2,1	-1,2
Черные			
Мужчины	-38	-14,7	-8,2
Женщины	-39	-15,2	-11,1
Коричневые			
Мужчины	36,4	10,9	5,2
Женщины	30,8	9,4	3,4

Источник: Wood and Carvalho (1994)

Анализ данных таблицы 8 дает представление об изменчивости расовой идентичности в Бразилии. Хотя расчеты значений расовой реклассификации по прошествии длительного времени обеспечивают только грубые оценки и, несмотря на тот факт, что оценки для белого и коричневого населения относятся к

минимально возможным значениям для периода с 1980 г. по 1990 г., полученные данные, однако, позволяют сделать некоторые общие предварительные заключения.

Наиболее важный вывод – неустойчивый характер различий между черными и коричневыми переписными категориями. В период 1950-1980 гг. дефицит населения, ранее (10 лет назад) относившего себя к черной расовой группе, но впоследствии выбравшего иную цветовую категорию (перемещаясь преимущественно в коричневую группу), составлял в среднем на 14-15%. По сравнению с этим, группа белых оставалась более стабильной во времени, дефицит населения в среднем в ней не превышал 2-3% за десять лет. Поскольку как у черных, так и у белых смена идентичности происходила в пользу коричневой группы, неудивительно, что в конце каждого десятилетия отмечался излишек коричневых (т. е. численность населения данной группы по материалам переписи постоянно превышала ее ожидаемую численность).

Те же закономерности прослеживаются при сравнении средних показателей реклассификации в 1950-1980 гг. с оценками за последующее десятилетие. Однако, их сопоставление также говорит о том, что уровень расовой реклассификации, вероятно, несколько сократился в последние годы. За исключением белых мужчин, ее значения в 1980-1990 гг. – как положительные (в случае коричневой категории), так и отрицательные (в случае черной категории) – ниже, чем в период с 1950 г. по 1980 г. Если это так, полученные данные свидетельствуют о том, что расовая самоидентификация бразильцев, вероятно, приобретает со временем более стабильный характер.

Трудность отличия черных и коричневых в Бразилии побудила исследователей объединить эти две категории в одну – группу афро-бразильцев (например, Lowell 1994; Wood and Carvalho 1988; Wood and Lovell 1992) или, в качестве альтернативы, использовать в ходе исследования как агрегированную, так и отдельные категории (например, Lowell 2000 and 2000a). Предложения использования дихотомических категорий – белые и афро-бразильцы были подвергнуты критике за навязывание биполярной расовой классификации, которая считалась несоответствующей бразильской истории, культуре и расовым отношениям (Harris, Consorte and Byrne 1993). Однако некоторые авторы утверждают, что, несмотря на то, что бразильцы как правило

выделяют различные оттенки цвета кожи, в практике повседневных взаимодействий все сводится к делению на белое и небелое население (Andrews 1991; Sheriff 2001).

Заключение

Если расовая реклассификация получила распространение, и «миграция» от более темных к более светлым категориям происходит преимущественно у лиц, чей социальный статус растет, анализ нестабильности расовой идентичности должен стать необходимым элементом любого исследования, использующего данные переписи (или их эквивалент) с целью изучения изменений в социальном положении черного и коричневого населения Бразилии. Следует отметить, что селективный исход лиц, чье положение в системе социальной иерархии становится выше, из группы черного населения искажает (занижает) результаты исследований, посвященных анализу изменений социально-экономического положения афро-бразильцев (в той мере, что лица, чей социальный статус не изменился, продолжают относить себя к числу черных). Точно так же, смена идентичности успешных представителей черной расы в пользу коричневой категории ведет к искажению (завышению) результатов исследований, целью которых является изучение изменений положения коричневого населения.

Полемика, связанная с вопросами расовой классификации населения Бразилии, свидетельствует о задачах, возникающих в ходе анализа проблем социальной изоляции и в других странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Действительно, изменчивость социальной идентичности – это вопрос, который касается декларации расовой и этнической принадлежности во всем мире, особенно там, где групповая идентичность связана с материальными преимуществами и потерями. В США права, связанные с программами аффирмативных акций, подтолкнули ряд групп, к лоббированию этнической реклассификации в попытке увеличить долю выделяющихся им федеральных средств или добиться других преимуществ. Примером является предложение о перемещении гавайцев из категории «азиаты и жители тихоокеанских островов» в категорию «американские индейцы». Эта реклассификация могла бы предоставить коренным гавайцам право претендовать на получение привилегий и игровых концессий, доступных некоторым племенам американских индейцев.

Потенциальная неустойчивость расовых и этнических классификаций подчеркивает важность разработки методов, которые могут быть использованы для оценки уровня изменений основанных на данных переписей типологий вследствие смены субъективной идентичности и международной миграции. Оценка надежности данных бразильских переписей о расовом составе населения, в статье дополнена представлением комплекса методов, которые могут быть использованы для анализа стабильности расовых и этнических категорий в переписях населения других стран.

Приложение

А. Метод оценки расовой реклассификации в закрытом населении: 1950-1980 гг.

Метод, используемый для оценки величины расовой реклассификации, следует той же логике, что и метод, используемый для оценки сальдо миграции на географическом пространстве. Он основывается на прогнозе численности закрытого населения от момента времени 1 до момента времени 2. При составлении прогноза численности возрастно-половых групп рассчитываются вероятности дожития до определенного возраста в когортах мужчин и женщин. Результаты прогноза для момента времени 2 затем сравниваются с реальным числом людей в аналогичной когорте, проживавших x на данной территории и учтенных в ходе переписи в момент времени 2. Если миграция отсутствует и допущение, лежащее в основе прогноза, является верным, то численность населения по результатам прогноза будет совпадать с данными переписи. С другой стороны, если оценка численности больше, чем фактическая численность населения, можно сделать вывод об отрицательном значении миграционного прироста. Аналогичным образом, если прогнозируемая численность населения меньше, чем фактическая, можно заключить, что в течение периода наблюдался положительный миграционный прирост.

Подобная логика может быть применена к изучению расовой реклассификации. Из опубликованных материалов переписей населения известно число мужчин и женщин в каждой возрастной группе, которые в 1950 г. отнесли себя белым, черным или коричневым. На основе выборочных данных переписей 1960 г. и 1980 г. и с помощью метода косвенной оценки смертности Брасса (Brass et al. 1968) были построены таблицы смертности каждой расовой группы в 1950-е гг. и 1970-е гг. Таблицы смертности каждой расы были использованы для определения числа доживающих до возраста $x+30$ в 1980 г. из состава возрастной группы x в 1950 г. Полученные значения (по расе, возрасту и полу) затем сравнивались с данными переписи населения 1980 г. Для расовой группы j разница между результатами расчетов и численностью населения, установленной в ходе переписи 1980 г., давала оценку величины чистой расовой реклассификации в пользу категории j либо обратной направленности при условии отсутствия международной миграции. В случае Бразилии этот подход подкреплялся тем обстоятельством, что расовые категории,

использованные в переписях, и способ получения информации о расовом составе населения не подвергались значительным изменениям в рассматриваемый период.

Метод содержит важные допущения: 1) полный охват 2) отсутствие ошибок в сведениях о возрастном распределении в 1950 г. или 1980 г. Оба допущения являются спорными. Следовательно, целью являлась разработка метода оценки численности населения каждой расовой группы с 1950 г. по 1980 г., который бы не зависел от абсолютных данных переписи. По этой причине в первую очередь была определена межпереписная вероятность дожития населения страны в целом в 1950-1980 гг. (${}_n\text{ISR}_{x,50/80}$). Межпереписная вероятность дожития – это отношение численности населения в возрасте от $x+30$ до $x+30+n$ лет, полученной в результате второй переписи, к численности населения в возрасте от x до $x+n$ лет, полученной по итогам первой переписи. Преимущество данного показателя состоит в том, что на него влияет не только уровень смертности, но также относительная полнота охвата населения переписью и ошибки в данных о возрастном составе. Смешивание двух эффектов может быть на самом деле преимуществом. Как показал К.С. Захария (Zachariah, 1962) и затем подтвердил Х.А. Карвальо (Carvalho, 1982) для одной и той же когорты отношение между степенями полноты учета исчисляемых населений в двух рассматриваемых переписях, является примерно одинаковым как на региональном, так и на национальном уровне. В этом случае относительные ошибки в оценке миграционного прироста и численности закрытого населения будут одного порядка. Следовательно, коэффициент миграционного прироста (в данном случае, коэффициент чистой расовой реклассификации) определяемый как отношение миграционного прироста к численности закрытого населения на конец периода, по-видимому, является верным.

Далее было необходимо скорректировать ${}_n\text{ISR}_{x,50/80}$ пропорционально более высокому или более низкому уровню дожития расовой группы j . Корректировка определяется величиной, на которую вероятность дожития расовой группы j превышает или не достигает значения соответствующего показателя для всего населения. В данном случае корректировка представляла собой результат деления вероятности дожития по таблице смертности группы j на аналогичный показатель таблицы смертности населения всей страны в 1950-е гг. и 1970-е гг. (далее берется среднее).

Некоторые авторы отмечали, что смертность была выше среди потомков выходцев из Африки, чем среди белого населения Бразилии (Cunha 1990; 1994; Wood and Carvalho 1988; Wood and Lovell 1992; Lovell and Wood 1998).

Результат – межпереписная вероятность дожития расовой группы (${}_n\overline{ISR}_{x,j,50/80}$), которая может быть использована для расчетов численности группы j с 1950 г. по 1980 г.:

$${}_n\overline{ISR}_{x,j,50/80} = {}_nISR_{x,50/80} \bullet \frac{1}{2} \left[\frac{\frac{{}_nL_{x+30,j,50/60}}{{}_nL_{x,j,50/60}}}{\frac{{}_nL_{x+30,BR,50/60}}{{}_nL_{x,BR,50/60}}} + \frac{\frac{{}_nL_{x+30,j,70/80}}{{}_nL_{x,j,70/80}}}{\frac{{}_nL_{x+30,BR,70/80}}{{}_nL_{x,BR,70/80}}} \right] \quad (1)$$

где для каждого пола: ${}_n\overline{ISR}_{x,j,50/80}$ – вероятность дожития, применяемая для расчетов численности возрастной группы x , $x+n$ расовой группы j в 1950-1980 гг.; ${}_nISR_{x,50/80}$ – вероятность дожития населения страны в целом в 1950-1980 гг.; ${}_nL_{x+30,j}$: ${}_nL_{x,j}$ – вероятность дожития по таблице смертности расовой группы j ; и ${}_nL_{x+30,BR}$: ${}_nL_{x,BR}$ – вероятность дожития по таблице смертности всего населения. Сумма в скобках относится к среднему для 1950-х и 1970-х годов значению показателей вероятности дожития по таблицам смертности расовой группы и населения Бразилии в целом. Черта на ISR (то есть ${}_n\overline{ISR}_{x,j,50/80}$) показывает, что это оценка, предлагаемая авторами.

Оценки вероятности дожития для 1950-х гг. и 1970-х гг. получены из данных за 1960 г. и 1980 г. Для каждой расовой группы применялся метод косвенной оценки младенческой и детской смертности, предложенный У. Брассом (см. Brass et al. 1968). Значения l_2, l_3 и l_5 в основе которых данные о женщинах в возрасте 20 – 34 лет в 1960 г. и 1980 г. – в действительности соответствуют показателям смертности детей, рожденных в 1950-х гг. и 1970-х гг.. Таблицы смертности для каждой расовой группы были получены посредством логит-преобразования с использованием таблицы смертности всего населения страны в качестве стандарта и значений чисел доживающих l_2, l_3 и l_5 расовых групп для оценки уровня смертности каждой группы, считая β равным 1.

В. Метод оценки расовой реклассификации в 1980-1990 гг. с учетом международной миграции

Метод, используемый для оценки значений расовой реклассификации в 1950-1980 гг. (равенство 1), не может быть непосредственно применен для периода 1980-1990 гг. из-за влияния международной миграции. Хотя допустимо рассматривать население Бразилии до 1980 г. фактически как закрытое, данное предположение не соответствует более позднему периоду. Оценки показывают, что в 1980-е гг. в Бразилии отмечалась убыль населения в возрасте от 10 лет и старше, которая могла составить от 1млн. чел. до 2,5 млн. чел (Carvalho 1996). Вследствие этого, при расчетах межпереписной вероятности дожития (ISR), необходимо учитывать сальдо международной миграции населения.

Х.А. Карвальо и Х.Р. Риготти (Carvalho и Rigotti. 1999) говорят о том, что $\overline{ISR}_S$ для периода 1980-1990 гг., может быть получен, исходя из ISR для Бразилии за 1970-1980 гг. – периода, в течение которого чистая международная миграция была незначительна. ISR в 1970-е гг. корректируется с учетом изменений вероятностей дожития в Бразилии между 1970 г. и 1980 г., а так же разницы в уровне дожития в 1980-е гг. представителей подгруппы j и населения Бразилии в целом. $\overline{ISR}_S$ для каждого пола рассчитываются по следующей формуле:

$$\overline{ISR}_{x,j,8090} = \overline{ISR}_{x,B,7080} \cdot \frac{\frac{nL_{x+n,8090}}{nL_{x,8090}}}{\frac{nL_{x+n,7080}}{nL_{x,7080}}} \cdot \frac{\frac{nL_{x,j,8090}}{nL_{x,8090}}}{\frac{nL_{x,B,8090}}{nL_{x,B,7080}}} \quad (2)$$

где, $\overline{ISR}_{x,j}$ - оценка межпереписной вероятности дожития, применяемой для расчетов численности возрастной группы x, x+n расовой группы j в 1980-1990 гг.; $\overline{ISR}_{x,B}$ –межпереписная вероятность дожития населения Бразилии в целом в 1970-1980 гг.; $nL_{x+10,j} : nL_{x,j}$ – вероятность дожития по таблице смертности расовой группы j; и $nL_{x+10,B} : nL_{x,B}$ – вероятность дожития по таблице смертности всего населения Бразилии. Упрощая:

$$\overline{{}_nISR}_{x,j,80/90} = {}_nISR_{x,BR,70/80} \bullet \frac{\frac{{}_nL_{x+10,j,80/90}}{{}_nL_{x+10,BR,70/80}}}{\frac{{}_nL_{x,j,80/90}}{{}_nL_{x,BR,70/80}}} \quad (3)$$

Таблица смертности населения Бразилии в целом в 1970-1980 гг. рассчитана на основе данных Х.А. Карвальо и С. Пиньейру (Carvalho and Pinheiro, 1986), с использованием базильских модельных таблиц смертности (IBGE 1981) для определения возрастных характеристик смертности. Уровни смертности были заданы в соответствие с оценками l_2, l_3 и l_5 , полученными методом косвенной оценки смертности, предложенного У. Брассом (Brass et al. 1968). Для периода 1980-1990 гг. были использованы таблицы смертности, разработанные в Центре регионального развития и планирования Федерального университета Минас-Жерайс (UFMG/CEDEPLAR, 1999) по данным статистики естественного движения населения и оценкам детской смертности по методу Брасса. Таблицы смертности каждой расовой группы в 1980-1990 гг. получены логит-преобразованием. Таблица смертности населения страны в целом задавала возрастную модель смертности, уровни смертности, определялись на основе различий в оценках детской смертности, полученных с использованием метода Брасса и данных переписи 1991 года. Как отмечает Х.Р. Риготти (Rigotti, 1999) корректировка ISR (формула 3) предполагает, что уровень ошибок, связанных с полнотой охвата и погрешностями в учете возрастного состава за межпереписной период 1980-1990 гг. аналогичен тому, который отмечался в 1970-1980 гг.

С. Метод сравнения расовой реклассификации

В отличие от более ранних периодов, когда международная миграция была минимальной и могло быть сделано допущение о том, что население является закрытым (например, данные за 1950-1980 гг. в таблице 2), расчет коэффициентов чистой расовой реклассификации в 1980-1990 гг. необходимо проводить с учетом международной миграции (по расовым категориям). Ввиду этого коэффициент чистой реклассификации (NRR) для расовой категории j определяется равенством 4:

$$NRR_j^{80/90} = \frac{NT_j^{80/90}}{\overline{P}_j^{90} + IMF_j^{80/90}} \quad (4)$$

где $\overline{P}_j^{90}$ - ожидаемая численность населения расовой категории j в 1990 г. при условии отсутствия международной миграции и расовой реклассификации (закрытое население); $NT_j^{80/90}$ – чистая расовая реклассификация для расовой категории j в 1980-1990 гг.; и $IMF_j^{80/90}$ - чистая международная миграция в 1980-1990 гг.

представителей расовой категории j . Знаменатель ($\bar{P}_j^{90} + IMF_j^{80/90}$) в равенстве 4 соответствует ожидаемой численности группы j в 1990 г. при отсутствии расовой реклассификации, но с учетом международной миграции.

С1. Оценка среднего коэффициента рекласификации в 1950-1980 гг.

Средний коэффициент рекласификации в 1950-1980 гг. рассчитывается следующим образом:

$$NRR_t = 3 \bullet \overline{NRR_d} + 3 \bullet \overline{NRR_d}^2 + 3 \bullet \overline{NRR_d}^3 \quad (5)$$

где NRR_t – коэффициент чистой реклассификации за 30-летний период; $\overline{NRR_d}$ – оценка среднего коэффициента чистой реклассификации за десять лет (черта над NRR показывает, что это оценка авторов). Средние коэффициенты за 10-летний период в равенстве 5 содержат абсолютное значение чистой реклассификации в числителе и ожидаемую численность населения на конец каждого периода в знаменателе. Равенство 5 имеет три возможных решения для каждой расовой категории: два допустимых и одно реальное. Равенство 5 выведено из следующих отношений:

$$NM = NM_1 \bullet SR_2 \bullet SR_3 + NM_2 \bullet SR_3 + NM_3 \quad (5.a)$$

$$\bar{P}_1 \bullet NM_1 \bar{P}_1 \bullet NM_1 \bar{P}_2 \bullet SR_2 \bullet SR_3 \bar{P}_2 \bullet NM_2 \bar{P}_3 \bullet SR_3 \bar{P}_3 \bullet NM_3 \quad (5.b)$$

$$\begin{aligned} & \bar{P}_1 \bullet NM_1 R_{0b} \bullet S_1 \bullet S_2 \bullet S_3 \bullet NM_1 R_{0b} \bullet S_1 (1 + NM_1) \bullet S_2 \bullet \\ & \bullet S_3 \bullet NM_2 R_{0b} \bullet S_1 (1 + NM_1) \bullet S_2 (1 + NM_2) \bullet S_3 \bullet NM_3 R \end{aligned} \quad (5.c)$$

$$\bar{P}_t \cdot NMR_{0ob} \cdot SR_1 \cdot SR_2 \cdot SR_3 \cdot [NMR_1 + NMR_2 + NMR_3 + NMR_1 \cdot NMR_2 + NMR_1 \cdot NMR_3 + NMR_2 \cdot NMR_3] \quad (5.d)$$

Если $\bar{P}_t = P_{0ob} \cdot SR_1 \cdot SR_2 \cdot SR_3$, тогда (4) может быть упрощено до:

$$NMR_t = NMR_1 + NMR_2 + NMR_3 + NMR_1 \cdot NMR_2 + NMR_1 \cdot NMR_3 + NMR_2 \cdot NMR_3 \quad (5.e)$$

Допуская, что NMR для каждого из трех подпериодов равны $NMR_1 = NMR_2 = NMR_3 = \overline{NMR}_d$ (средний коэффициент за 10-летний период), тогда

$$NMR_t = 3 \cdot \overline{NMR}_d + 3 \cdot \overline{NMR}_d^2 + 3 \cdot \overline{NMR}_d^3 \quad (5.f)$$

Где $\bar{P}_t$ - ожидаемое (закрытое) население на конец 30-летнего периода; TLMt – коэффициент миграционного прироста на конец 30-летнего периода (рассчитанный как отношение миграционного прироста к закрытому населению на конец периода); NMR1, NMR2, NMR3 – коэффициенты миграционного прироста в конце 1, 2 и 3 десятилетий, соответственно: $\bar{P}_1, \bar{P}_2, \bar{P}_3$ - ожидаемое (закрытое) население в конце каждого десятилетия (допуская, что наблюдаемое в начале каждого периода население остается закрытым до конца каждого периода); SR1, SR2, SR3 – вероятность дожития для 1, 2 и 3-го десятилетий соответственно; P_{0ob} – наблюдаемое население на начало периода (1950 г.).

Равенство 5 описывает соотношение между коэффициентом миграционного прироста за весь период и коэффициентами миграционного прироста за три субпериода, его составляющих. Равенство 5.f оценивает средний NMR для каждого десятилетия, когда весь период делится на три субпериода одинаковой продолжительности. $\bar{P}_t$ не равно $\bar{P}_3$, так как $\bar{P}_t$ соответствует закрытому населению на конец 30-летнего периода (рассчитано, исходя из «наблюдаемой» численности населения на начало 30-летнего периода), тогда как $\bar{P}_3$ - это численность закрытого населения на конец 3-го десятилетия, которая оценивается исходя из «наблюдаемой» численности населения на начало десятилетия.

Литература

- Andrews, George Reid. 1991. *Blacks and Whites in São Paulo, Brazil, 1888-1998*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Bangura, Yusuf. 2002. Racism, citizenship and social justice. *UNISRD News*: 25:1-3.
- Brass, William, Asnley J. Coale, Paul Demeny, Donald F. Heisel, Frank Lorimer, Anatole Romaniuk, and Etienne Van de Walle. 1968. *The Demography of Tropical Africa*. Princeton: Princeton University Press.
- Buvinic, Mayra. 2003. Social inclusion in Latin America and the Caribbean: experience and lessons. Paper prepared for the seminar Good Practices in Social Inclusion: A Dialogue between Europe and Latin America and the Caribbean. March 21-22, Milan, Italy.
- Byrne, David. 1999. *Social Exclusion*. Buckingham: Open University Press.
- Carvalho, José Alberto Magno de. 1982. Migrações internas: mensuração direta e indireta. *Revista Brasileira de Estatística*. 43 (171): 549-583.
- Carvalho, José Alberto Magno de. 1996. O saldo dos fluxos migratórios internacionais no Brasil na década de 80: uma tentativa de estimação. Pp. 227-238 in N. Patarra (ed.) *Migrações Internacionais: Herança XX, Agenda XXI*. Campinas: FNUAP.
- Carvalho, José Alberto Magno de., Sílvia de Menezes Gama Pinheiro. 1986. *Fecundidade Mortalidade no Brasil: 1970/80*. Belo Horizonte, CEDEPLAR/UFMG (Research Paper Series)
- Carvalho, José Alberto Magno de and José Irineu Rangel Rigotti. 1999. Os dados censitários brasileiros sobre migrações internas: algumas sugestões para análise. *Revista Brasileira de Estudos Populacionais*, São Paulo, 15(2): 7-17.
- Clert, Carine, Estanislao Gacitúa-Marió and Quentin Wodon. 2001. Combining qualitative and quantitative methods for policy research on poverty within a social exclusion framework. Pp. 1-10 in Estanislao Gacitúa-Marió and Quentin Wodon (eds.), *Measurement and Meaning: Combining Quantitative and Qualitative Methods for the Analysis of Poverty and Social Exclusion in Latin America* Technical Paper No. 518. Washington, D.C.: World Bank.
- Cunha, Estela Maria Garcia Pinto da. 1990. O quadro de discriminação racial da mortalidade adulta feminina no Brasil. Pp. 387-406 in *Encontro Nacional de Estudos Populacionais*, Caxambu, 1990, Volume 3. Belo Horizonte, Brasil: ABEP.

Cunha, Estela Maria Garcia Pinto da. 1994. Mortalidade infantil segundo cor: os resultados da PNAD 84 para o Nordeste. Pp. 201-210 in *Encontro Nacional de Estudos Populacionais*, Caxambu, 1994, Volume 2. Belo Horizonte, Brasil: ABEP.

Deutsch, Ruthanne and Rebecca Reichmann. 2001. Costs of racial exclusion reported at IDB conference. *Social Development* (July):1.

Flórez, Carmen Elisa, Carlos Medina, and Fernando Urrea. 2001. Understanding the cost of social exclusion due to race or ethnic background in Latin American and Caribbean countries. Paper presented at the meeting Todos Contamos: Los Grupos Étnicos en los Censos, Cartagena de Indias, Colombia.

Glazer, Nathan. 2002. Do we need the census race question? *The Public Interest*. Fall:21-31.

Harris, Marvin, J. G. Consorte, J. Land, and B. Byrne. 1993. Who are the whites? Imposed census categories and the racial demography of Brazil. *Social Forces* 72:451-462.

IBGE. 1981. *Brasil: Tábuas-Modelo de Mortalidade e Populações Estáveis*. Rio de Janeiro: IBGE.

Inter-American Development Bank. 2002. *Action Plan for Combating Social Exclusion due to Race or Ethnic Background*. Washington, D.C.: Inter-American Development Bank.

Lovell, Peggy A. 1994. Race, gender and development in Brazil. *Latin American Research Review* 29(3):7-35.

Lovell, Peggy A. 2000a. Gender, race and the struggle for social justice in Brazil. *Latin American Perspectives* 27(6):85-103.

Lovell, Peggy A. 2000b. Race, gender and regional labor market inequalities in Brazil. *Review of Social Economy*. 58(3):277-293.

Lovell, Peggy A. and Charles H. Wood. 1998. Skin color, racial identity, and life chances in Brazil. *Latin American Perspectives* 25(3):90-109.

Margolis, Maxine. 1994. *Little Brazil: Imigrantes Brasileiros em Nova Iorque*. Campinas: Papirus, 1994.

Nobles, Melissa. 2000. *Shades of Citizenship: Race and the Census in Modern Politics*. Stanford, California: Stanford University Press.

Oliveira, Antonio Tadeu Ribeiro de, Célia Diogo Alves da Costa, Fernando Roberto P. de C.e Albuquerque, Juarez de Castro Oliveira, e Vânia Speranza Monteiro. 1996. Notas sobre a migração internacional no Brasil na década de 80. Pp. 239-257 in N. Patarra (ed.) *Migrações Internacionais: Herança XX, Agenda XXI*. Campinas: FNUAP.

- Padovani, L. 1980. Brasileiros no Paraguai. In *CEM Migrantes: Êxodo Forçado*. São Paulo, Paulinas.
- Patarra, Neide Lopes. (ed.). 1995. *Emigração e Imigração Internacionais no Brasil Contemporâneo*. Campinas: FNUAP.
- Patarra, Neide Lopes. (ed.). 1996. *Migrações Internacionais: Herança XX, Agenda XXI*. Campinas: FNUAP.
- Rigotti, José Irineu Rangel. 1999. *Técnicas de mensuração das migrações, a partir de dados censitários: aplicação aos casos de Minas Gerais e São Paulo*. Unpublished Ph.D. dissertation, Belo Horizonte, UFMG/CEDEPLAR.
- Rohter, Larry. 2003. Racial quotas in Brazil touch off fierce debate. *New York Times*, April 8.
- Sales, Teresa. 1998. *Brasileiros Longe de Casa*. São Paulo: Cortez.
- Sales, Teresa and Rossana Reis. (ed.). 1999. *Cenas do Brasil Migrante*. São Paulo: Boitempo.
- Schwartzman, Simon. 1999. Fora de foco: diversidade e identidades étnicas no Brasil. *Novos Estudos CEBRAP* (55):83-96.
- Sheriff, Robin E. 2001. *Dreaming Equality: Color, Race and Racism in Urban Brazil*. New Jersey: Rutgers University Press.
- Silva, Nelson do Vale. 1981. Cor e o processo de realização sócio-econômica. *Revista de Ciências Sociais* 24(3):391-409.
- Smith, Robert J. 1979. The ethnic Japanese in Brazil. *The Journal of Japanese Studies* 5:53-70.
- Telles, Edward E. and Nelson Lim. 1998. Does it matter who answers the race question? Racial classification and income inequality in Brazil. *Demography* 35(4):465-474.
- Telles, Edward E. 2002. Racial ambiguity among the Brazilian population. *Ethnic and Racial Studies* 25(3):415-441.
- UFMG/CEDEPLAR. 1999. *Projeção Populacional das Unidades da Federação, Brasil, Por Sexo e Grupos Quinquenais de Idades, 1990-2020*. Belo Horizonte: CEDEPLAR. (mimeo)
- Wilson, William Julius. 1980. *The Declining Significance of Race: Blacks and Changing American Institutions*. (2nd edition). Chicago: University of Chicago Press
- Winant, Howard. 2001. *The World is a Ghetto: Race and Democracy Since World War II*. New York: Basic Books.
- Wood, Charles H. and José Alberto Magno de Carvalho. 1988. *The Demography of Inequality in Brazil*. London: Cambridge University Press.

- Wood, Charles H. and José Alberto Magno de Carvalho. 1994. Categorias do censo e classificação subjetiva de cor no Brasil. *Revista Brasileira de Estudos Populacionais* 11(1): 3-17
- Wood, Charles H. and Peggy A. Lovell. 1992. Racial inequality and child mortality in Brazil. *Social Forces* 70(3):703-724.
- World Bank. 2001. *Attacking Poverty: World Development Report 2000/2001*. Washington, D.C.: World Bank.
- Wright, Lawrence. 1994. One drop of blood. *The New Yorker*. July 24: 46-55.
- Yukio, Fujii and Thomas Lynn Smith. 1958. *The Acculturation of the Japanese Immigrant in Brazil*. Gainesville, Florida: University of Florida.
- Zachariah, Kunniparampil Curien 1962. Note on census survival ratio method of estimating net migration. *Journal of the American Statistical Association*. 57(297): 175-183.
- Zoninsein, Jonas. 2001. The economic case for combating racial and ethnic exclusion in Latin American and Caribbean countries. Unpublished paper written for the Inter-American Development Bank, Combating Social Exclusion in LAC.

Гэльское население Шотландии: от истоков к современности

Гэлов Британских островов, некоторые из которых смогли сохранить свой главный отличительный признак – язык¹, правомерно считать отдельным этносом, заслуживающим самого пристального внимания. Вопросам определения гэльской этнической группы и рассмотрения динамики гэльского и гэлоязычного населения на фоне общего движения населения Шотландии и посвящена данная статья.

Изучать гэлов трудно. До сих пор в кельтологии нет полной ясности по некоторым вопросам, хотя трудов, посвященных племенам, объединенным наукой под общим этнонимом *кельты*, накопилось много. Для ознакомления с данными по археологии, истории и миграции кельтских племен мы отсылаем читателя к недавно переведенным на русский язык трудам². Здесь мы ограничимся вопросами: кого все-таки следует называть гэлами в свете новейших исследований? Как определить долю гэлов в общем населении Шотландии, и какие другие этносы там существовали? После чего перейдем вплотную к вопросам переписей и оценкам численности шотландского и гэльского населения.

¹ Языками современных гэлов Британии являются шотландский гэльский (*Gàidhlig*), ирландский гэльский (*Gaeilge*) и мэнский гэльский (*Gaelg*) языки, вместе они составляют гойдельскую подгруппу кельтской группы индоевропейской семьи языков. Мало кто указывает на то, что исторически гэльский – один из старейших литературных языков Европы (см.: MacKinnon K. Gaelic – A Past and Future Prospect. Edinburgh. Saltire, 1991. P. 16). Гэлами принято называть как шотландцев, так и ирландцев, а также жителей маленького о-ва Мэн. В статье под гэлами мы будем подразумевать преимущественно шотландских гэлов и под гэльским языком – шотландский гэльский язык.

² Биркхан Г. Кельты: история и культура. – М.: Аграф, 2007; Коллис Дж. Кельты: истоки, история, миф. – М.: Вече, 2007; Пауэлл Т. Кельты. Воины и маги. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004; Росс Э. Кельты-язычники. Быт, религия, культура. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005; Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация. – СПб.: Культурная Инициатива, 2001; также имеется обширная литература по смежным этническим вопросам, например: Хендерсон И. Пикты. Таинственные воины древней Шотландии. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004 и др.

Этнос

Ряд ученых склонны рассматривать гэлов в совокупности как *этнолингвистическую* группу, которая объединяет всех гэлов Британских островов. Под шотландскими гэлами, в этом случае, следует подразумевать исключительно носителей гэльского языка, которых осталось не так много. Например, согласно последней переписи 2001 г., лишь 1,89% всего населения современной Шотландии имеет хотя бы один из навыков (чтение, разговорная речь, письмо, понимание) в гэльском языке¹. Более широкое определение этноса, включающее в себя понятие *этнического самосознания*², позволяет учитывать тех шотландцев, которые считают себя гэлами и сберегли свою культурную самобытность, но не смогли сохранить гэльский язык. В Шотландии также существует значительная группа людей, не сохранившая ни культурной самобытности, ни языка, но, на волне возрождения гэльской культуры, вернувшаяся к гэльскому самосознанию.

Впервые официальный учет гэлоговорящих в Шотландии был введен в 1881 г., до этого имелись некоторые сведения о числе носителей языка, но относительно надежные – не ранее XVII в., о чем будет сказано ниже. Поэтому брать язык за единственный критерий выделения этноса гэлов в Шотландии не кажется верным. Для начала необходимо рассмотреть, из каких этносов образовалось население северной части Британских островов.

Согласно историческим свидетельствам, население Шотландии складывалось из различных этносов. Это были бритты (кельтские племена, говорившие на языках бриттской подгруппы кельтской группы); пикты (по версии некоторых ученых – автохтонное население, говорившее на двух языках, один из которых не был индоевропейским, а второй напоминал бриттские языки); гэлоязычные скотты, или просто гэлы (как и бритты, разновидность кельтских племен, перебрались в Шотландию из Ирландии и дали название стране – «страна скоттов»); англы (та часть англов, которые происходили из английского королевства Нортумбрии); скандинавы, или викинги (особенно много их

¹ Подробно о современном состоянии гэльского языка в Шотландии см.: Королева М.В. Шотландский гэльский язык // Калыгин В.П., Королев А.А. Введение в кельтскую филологию. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2006. С. 254-256.

² Об этническом самосознании см., например: Козлов В.И. Этническая демография. – М.: Статистика, 1977. С. 27-28.

расселилось на Шетландских и Оркнейских островах). Позже к ним добавились англо-нормандские и северо-французские (в основном это были бретонцы и фламандцы) рыцари-переселенцы, приглашенные в Шотландию королем Дэвидом I¹.

История дает представление об этническом составе населения, но не позволяет в точности оценить долю каждого этноса в общем населении Шотландии, что важно знать при этнодемографическом исследовании.

Демография рассматривает население как совокупность социально-биологических существ². Поэтому здесь оправдано привлечение науки, выросшей из биологии. Эта наука – генетика, которая уже давно применяет свои методы для других областей научных исследований. Например, ею были разработаны методы датировки изменений в языке, на основании которых выстраиваются генетические древа языков. Именно генетика, при отсутствии исторических данных, способна предоставить демографу относительно точные сведения о разнородности и численности населения с самых древних времен³.

Впервые генетическую карту происхождения, этнического состава, расселения и миграции народов мира, соотнесенную с классификацией языков и историческими данными, начал составлять итало-американский генетик, теперь уже классик популяционной генетики человека Л.Л. Кавалли-Сфорца. По итогам исследования, задуманного почти 50 лет назад, ученым, совместно с П. Меноцци и А. Пьяцца, была издана книга «История и география генов человека»⁴, а потом и другие работы. Неожиданная перспектива открылась для ученых там, где история не давала надежных данных о движении или происхождении населения или где письменных и прочих свидетельств не сохранилось. Интересно отметить, что к

¹ Дэвид I правил в 1124-1153 гг. О нем см.: Федосов Д.Г. Рожденная в битвах: Шотландия до конца XIV века. – М.: ИВИ РАН, 1996. С. 125.

² Козлов В.И. Там же. С. 11.

³ Об этих возможностях современной генетики речь пойдет ниже, но необходимо упомянуть, что ранее демографы активно пользовались возможностями медицинской генетики. См.: Козлов В.И. Там же. С. 165-167.

⁴ Cavalli-Sforza L.L. et al. The History and Geography of Human Genes. Princeton. Princeton University Press, 1994.

исследованиям Кавалли-Сфорца еще в 1960-е гг. обращался демограф Дж. Хаджнал¹.

Позже многие генетики² пытались провести «генетическую перепись»³ населения Британских островов (в том числе и Шотландии), очертить этнические границы и определить движение населения в рамках выявленных этносов, «пролить свет на демографические процессы, характерные для истории Британских островов»⁴. Самым масштабным можно считать оксфордский проект под руководством Б. Сайкса⁵, начатый в 1996 г. Исследование длилось десять лет, были взяты образцы крови у 10 тыс. человек из разных уголков Великобритании⁶.

В результате выяснилось, что данные генетики не совсем совпадают со сложившимся в исторической науке представлением о завоевании Британских островов и замещении одних групп населения другими или же их вытеснении на окраины. Согласно Сайксу, «завоевания» были в основном культурными. Генетический состав населения современной Великобритании и, в частности, Шотландии, *мало изменился с эпохи неолита и сохранился в*

¹ Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Вишневский А.Г., Кон И.С. (ред.) Брачность, рождаемость, семья за три века. – М.: Статистика, 1979. С. 29–30.

² Capelli C., Redhead N., Abernethy J.K. et al. A Y chromosome census of the British Isles // *Current Biology*. Vol. 13. Iss. 11 (27 May, 2003). P. 979-984; Wilson J.F., Weiss D.A., Richards M. et al. Genetic evidence for different male and female roles during cultural transitions in the British Isles // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 98. № 9 (24 Apr., 2001). P. 5078-5083; Weale M.E., Weiss D.A., Jager R.F. et al. Y chromosome evidence for Anglo-Saxon mass migration // *Molecular Biology and Evolution*. Vol. 19. № 7, 2002. P. 1008-1021; Hill E.W., Jobling M.A., and Bradley D.G. Y-chromosome variation and Irish origins // *Nature*. 404 (6776), 2000. P. 351-352; Sykes B. *Blood of the Isles: Exploring The Genetic Roots of Our Tribal History*. Bantam. London, 2006 и др.

³ Одна из совместных работ английских, итальянских, норвежских и датских ученых так и называлась «Перепись Y-хромосомы Британских островов»: Capelli C., Redhead N., Abernethy J.K. et al. A Y Chromosome Census of the British Isles // *Current Biology*. Vol. 13. Iss. 11, 27 May 2003. P. 979-984.

⁴ Ibid. P. 979.

⁵ См. подробно в монографии Sykes B. *Blood of the Isles: Exploring The Genetic Roots of Our Tribal History*. Bantam. London, 2006. В США книга вышла под заголовком *Saxons, Vikings and Celts: The Genetic Roots of Britain and Ireland*.

⁶ Для анализа были использованы митохондриальные ДНК (наследуемые от матери) и Y-хромосомы (наследуемые только мужчинами от отцов).

значительной степени с эпохи мезолита¹: часть жителей – потомков поселенцев эпохи мезолита и часть потомков людей, прибывших в Шотландию по морю из Иберии, территории современной Испании (ученый делает предположение, что селились семьями мирные переселенцы), – изначально родом из восточного Средиземноморья. Это и есть гэлы, или «клан *Oisin*», как его окрестил Сайкс (см. рис. 1). Таких в Шотландии² насчитывается 73%. Также выяснилось, что нет практически никакой генетической разницы между гэлами и пиктами³. Зато гэлы Британских островов и континентальные кельтские племена, по данным Сайкса, – это *генетически не родственные народы*⁴, в Британию последних переселилось с континента совсем небольшое число. И всего лишь около 30% генов у жителей современной Шотландии – от других мигрантов из континентальной Европы, в основном это англы и скандинавы⁵. В отдельную категорию попадают более древние *Re* и *Eshu*, которые восходят к оседлым народам, пришедшим в Европу с Ближнего Востока, и к древним африканским генетическим типам соответственно. Генетических следов завоевания Римом в Шотландии не оказалось.

Попытка связать воедино данные, полученные генетиками, с историческим, археологическим и лингвистическим материалом была также предпринята оксфордским генетиком

¹ Как показали исследования, особенно это прослеживается по женской линии, так как генетическая история у мужчин и женщин разная. По женской (материнской) линии прослеживаются как жители эпохи мезолита, так и неолита – прибывшие из Иберии в эпоху неолита новые поселенцы. А по мужской (отцовской) линии более четко устанавливается связь лишь с Иберией. Из этого напрашивается вывод, что мужское население эпохи мезолита было вытеснено новыми поселенцами, обладавшими преимуществом (например, более сильной социальной организацией).

² По тем же подсчетам, в Англии потомков клана *Oisin* 64%, в Уэльсе – 83%.

³ Были исследованы области Шотландии, ранее населенные пиктами, и не выявилось никакого значительного различия с данными по другим областям. Sykes B. Ibid. P. 281-282.

⁴ Ibid. P. 281-284.

⁵ В терминологии Сайкса *Wodan* (англо-саксы и датские викинги) и *Sigurd* (норвежские викинги). Викинги (скандинавы), в полном соответствии с данными лингвистики, заняли Оркнейские и Шетландские о-ва, их 40% от всего населения данных областей, причем как мужчин, так и женщин, что вновь указывает на заселение данных территорий семьями, в крупном масштабе или на постоянной основе, а вовсе не на завоевание.

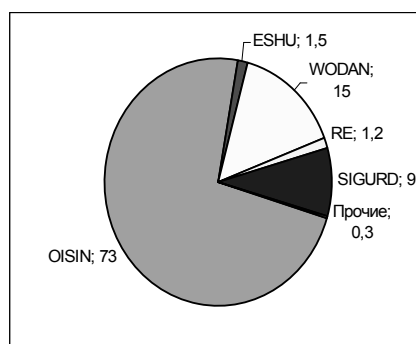

Рисунок 1. Генетический состав населения современной Шотландии (в процентах от общей численности населения)¹.

С. Оппенгеймером². Согласно Оппенгеймеру, большинство исторических данных в корне неверно. Он считает, что основная часть предков нынешних жителей Шотландии (как, впрочем, и всей Великобритании) прибыла с территории современной Испании 16 тыс. лет назад и говорила на языке, близкородственном неиндоевропейскому баскскому. Кельтские же племена появились на территории Британии около 6 тыс. лет назад, принеся с собой «культурную революцию» – язык и сельское хозяйство, но при этом число кельтов было незначительным. Ученый соглашается с Сайксом, что число последующих «завоевателей» не превышало 30% от уже имеющегося населения Шотландии. В 2007 г. данные Сайкса и Оппенгеймера были заново проанализированы К. Кэмпбеллом³ и, в целом, подтверждены⁴.

¹ Источник: Sykes B. Ibid.

² Oppenheimer S. The Origins of the British – A Genetic Detective Story. NY. Constable and Robinson, 2006.

³ Campbell Kevin D. Geographic Patterns of Haplogroup R1b in the British Isles // *Journal of Genetic Genealogy*. Vol.3. № 1, 2007. P. 1-13; Campbell Kevin D. Geographic Patterns of R1b in the British Isles – Deconstructing Oppenheimer // *Journal of Genetic Genealogy*. Vol.3. № 2, 2007. P. 63-71.

⁴ Выводы Сайкса и Оппенгеймера поддерживаются и другими генетиками, среди них ирландский ученый Д. Бредли (*Trinity College, Dublin*) и английский ученый К. Тайлер-Смит (*Sanger Centre, Cambridge*), но ими обоими оспариваются даты заселения Британских островов. Действительно, даты до

Таким образом, если определять этнос как «социальный организм, сложившийся на определенной территории из групп людей на основе общности языка, достигнутой по мере развития различных связей (хозяйственных, брачных и др.), общих черт культуры и быта (нередко и общности религии), ряда общих социальных традиций, а также значительного смешения резко различавшихся ранее расовых компонентов»¹, то британских гэлов, даже учитывая данные об их некельтском происхождении, следует считать наследниками кельтского быта, культуры и языка, социальной структуры и организации общества. Именно эта этническая группа и составила около 70% всего населения Шотландии.

Так продолжалось вплоть до того момента, когда клановая социальная структура и весь быт гэлов стали подвергаться целенаправленному уничтожению со стороны королевской власти после неудачных якобитских восстаний 1715 и 1745 гг., хотя сам процесс утраты гэльской культурой и языком своего главенствующего положения берет начало еще в XI в.² В XVIII в. начинается уже необратимый процесс этнической ассимиляции гэлоязычного населения англоязычным; однако небольшая часть гэлов, стремящихся сохранить гэльское самосознание, смогла сберечь и язык.

Поэтому следует разграничивать малочисленную группу *современных гэлов*, которые смогли сохранить язык и культуру в быту, и *исторических гэлов*, которые составляли большую часть населения Шотландии до распада клановой системы и постепенного угасания гэльского языка. Между этими двумя категориями лежит много интересных этнодемографических процессов.

Источники данных о населении Шотландии

С демографической точки зрения изучение Шотландии до XVII в. практически невозможно, однако даже в более поздний период, вплоть до начала регулярных переписей, основным

конца не определены и требуют уточнения и более детального соотнесения с данными истории, археологии и лингвистики.

¹ Козлов В.И. Там же. С. 31.

² См., например: MacKinnon K. Ibid. P. 29-31.

источником данных будут приходские регистры крещений, оглашений и отпеваний¹, которые велись в приходских церквях.

Первые упоминания о регистрах появляются в синодальном указе XIV в., в котором церковные власти призывают священников составлять списки умерших в приходах. Генеральный епархиальный совет в 1552 г. обязал в приходах вести местные регистры крещений и оглашений, а в 1565 г. реформированная церковь обязала вести также и регистры отпеваний. На практике они велись плохо, что видно из постановлений Генеральной ассамблеи Церкви Шотландии 1616 г., а затем и Тайного совета.

Регистры крещений, оглашений и отпеваний в Шотландии XVIII в. являются настолько ненадежным демографическим источником, что их нельзя использовать для работы². Во многих приходах статистика смертей не велась вообще, а данные приходов, в которых факт смерти фиксировался, вызывают сомнение, потому что в сельской местности людей часто погребали не в том приходе, где те жили, а там, где были похоронены их предки. Поэтому даже в случае надлежащего ведения регистров они не отражали реального уровня смертности в данном приходе. Бедняки не платили за похороны, и их смерть обычно не регистрировалась вовсе.

В Шотландии брак не обязательно заключался священником какой-либо Церкви³: при определенных обстоятельствах было

¹ Более подробно см.: Flinn M. (ed.) *Scottish Population History*. Cambridge. Cambridge University Press, 1977. P. 45-51; Moody D. *Scottish Family History*. Baltimore. Genealogical Publishing Company, 1994.

² McCulloch J.R. *A statistical account of the British Empire: exhibiting its extent, physical capacities, population, industry, and civil and religious institutions*. In 2 vols. Vol. I. London. Printed for Charles Knight and Co., 1837. P. 428-9.

³ В Шотландии несколько основных Церквей. Изначально в государстве была католическая церковь, после Реформации появилась протестантская церковь. Это кальвинистская Церковь Шотландии, устроенная по пресвитерианскому принципу, которая считается официальной церковью в Шотландии. От нее в 1843 г. отделилась Независимая церковь Шотландии (Свободная церковь Шотландии), но уже в 1929 г. большинство прихожан вернулось в лоно официальной церкви. Объединенная пресвитерианская церковь появилась в Шотландии в 1847 г. В 1900 г. Объединенная пресвитерианская церковь слилась с Независимой церковью Шотландии, образовав Объединенную независимую церковь Шотландии (Объединенную свободную церковь Шотландии). Согласно мнению, которым поделились с авторами некоторые шотландские священнослужители, разделение Церкви Шотландии было вызвано тем, что в свое время возникли разногласия при делении церковной собственности.

достаточно простого объявления о том, что пара состоит в браке. Обычно браки заключались *facie ecclesiae*¹, и в девяти из десяти случаев в регистрах отражались оглашения, а не сам брак, который не всегда потом заключался. Если мужчина принадлежал одному приходу, а женщина другому, то оглашение проводилось два раза. Регистры позволяют сделать некоторые предположения относительно брачности, но пользоваться этими данными следует крайне осторожно.

До 1783 г. было принято регистрировать крещение детей, но затем был введен очень непопулярный налог на регистрацию, который привел к почти полной отмене практики регистрации. В 1794 г. он был отменен, однако данная практика не вернулась в полном объеме: так, в 1834 г. в Эдинбурге было зарегистрировано всего 480 рождений в 13 городских приходах, что составило чуть больше 1/5 от реального числа рождений².

Еще одним важным источником данных о населении Шотландии является достаточно надежная информация, накопленная за много лет генеалогическими обществами Великобритании. Почти все кланы и роды Шотландии имеют разветвленную и подробную генеалогию, поколенная роспись которой содержит в том числе демографические сведения. Сюда также включаются биографии, автобиографии, переписка, документы юридического характера³. Доступ к ним можно получить как через генеалогические общества, так и в центрах по сохранению наследия какого-либо рода или непосредственно от вождя клана⁴.

Для изучения демографической истории Шотландии до XVII в. приходится использовать сведения нестатистического характера. Источниками здесь могут служить данные археологии, истории, лингвистики, генетики.

В настоящей работе мы постараемся представить читателю краткий очерк сведений о гэльском населении и оценки его

Большинство современных шотландцев ходят в церковь, расположенную ближе всего к дому.

¹ «Пред всем честным народом» (*лат.*) (Здесь и далее перевод авторов.)

² McCulloch J.R. Ibid. P. 429.

³ Но тут потребуются колоссальная работа по переработке качественных данных в количественные.

⁴ В Шотландии до сих пор существуют вожди кланов, в обязанности которых входит проведение разного рода мероприятий по сохранению и поддержанию культурного наследия рода.

численности, а где это невозможно, то всего населения Шотландии, специально оговаривая то, что бóльшая часть жителей страны исторически может считаться гэлами.

Доля исторических гэлов в населении Шотландии, как мы уже знаем из оценок генетиков, была значительной и равнялась более чем двум третям всего населения. Однако вычленив данный этнос из всего населения Шотландии и проследить процесс ассимиляции гэлов англоязычным населением страны вплоть до XVII-XVIII вв. не представляется возможным. Даже когда в перепись 1881 г. был впервые включен вопрос о гэльском языке, он подменил собой вопрос об этнической принадлежности¹.

Демографическая история Шотландии

Первые сведения о численности населения мы получаем из археологии. Так, по оценкам археолога Г. Хаерка, на которого ссылается Оппенгеймер², к IV в. н.э. все население Великобритании составляло от 1 до 2 млн человек, после вторжения англосаксов оно увеличилось приблизительно на 250 тыс. Нормандское завоевание добавило к населению Британских островов не более 10 тыс. человек.

Первый подсчет численности населения был предпринят норманнами в 1083-1086 гг. По расчетам Б.Ц. Урланиса, который опирался на данные переписи Вильгельма Завоевателя³, число жителей Шотландии составляло примерно 300 тыс. человек, а к 1500 г. население удвоилось и составило 600 тыс. человек⁴.

¹ Причины подобной подмены хорошо известны демографам: «В современных переписях зарубежных стран в понятия национальности и родного языка вкладывается различное содержание. Так, в программы переписей некоторых капиталистических стран вопрос о национальности не включается, а подменяется вопросом о языке, в результате чего данные о численности господствующей нации завышаются» (Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Народонаселение СССР. – М.: Статистика, 1969. С. 79.).

² Oppenheimer S. Ibid.

³ *Liber censualis Willelmi Primi regis Angliae*, впоследствии названа «Книгой Страшного суда» (*Doomsday Book*).

⁴ Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. – М.: ОГИЗ – Госполитиздат, 1941. С. 61.

К.Ю. Белох¹ считал, что население Шотландии и Ирландии к 1377 г. составляло около 1500 тыс. человек, однако, по мнению Б.Ц. Урланиса, эта оценка является сильно завышенной.

Несмотря на то, что Урланис критиковал выводы М. Мэлхолла², в целом их оценки не намного отличаются друг от друга. Мэлхолл предлагал следующие цифры для Шотландии: 1066 г. – 350 тыс. человек, 1381 г. – 400 тыс. человек, 1528 г. – 550 тыс. человек³.

По данным Р. Хьюстона и И. Уайта, в 1500 г. население Шотландии составляло примерно 500 тыс. человек, а на конец XVI в. – 700-800 тыс.⁴.

С образованием Соединенного Королевства после заключения Унии между Англией и Шотландией в 1707 г. население стало расти достаточно быстро. В самом 1707 г. оно превысило 1 050 000 человек⁵. Якобитские восстания 1715 и 1745 гг. вызвали массовый отток людей, особенно из Горной Шотландии, однако ниже 1 млн человек численность населения Шотландии не опускалась.

События 1715 г. и 1745 г. повлекли за собой не только массовую эмиграцию шотландцев (в основном гэлоязычного населения), но и перемену всего их образа жизни. До восстаний существовали объединявшие многочисленных родственников семьи, переходящие в кланы, которым принадлежали земли. Глава клана распоряжался всем имуществом. Численность членов клана была очень важна для поддержания статуса клана и вождя. После поражения якобитов англичане приняли ряд законов (статуты), направленных на изменение образа жизни шотландцев. Для вождей кланов, которые приняли сторону англичан, ценностью стали не жители, а только земля, сдавая которую они получали ренту. Сохранять большое число людей в клане стало невыгодно, начались массовые миграции, как внутри страны, так и за ее пределы.

Оценить масштабы этого явления сложно (учет миграции в то время не велся), но можно утверждать, что ее уровень был

¹ Beloch K.J. Die Bevölkerung Europas im Mittelalter // *Zeitschrift für Sozialwissenschaft*. Vol. 3, 1900. S. 408-409. Цит. по: Урланис Б.Ц. Там же. С. 61.

² Урланис Б.Ц. Там же. С. 62.

³ Mulhall M.G. Dictionary of Statistics. 4th ed. London, 1909. P. 444. Цит. по: Урланис Б.Ц. Там же. С. 62.

⁴ Houston Robert A., Whyte Ian D. Scottish Society, 1500-1800. Cambridge, NY, New Rochelle, Melbourne, Sydney. Cambridge University Press, 2005. P. 3.

⁵ McCulloch J.R. Ibid. P. 424.

достаточно высоким. Существует ряд работ, в которых оцениваются масштабы эмиграции в XVI-XVIII вв.¹ Например, по оценкам исследователей, только в Новую Шотландию (Канада) в XVII в. переселилось около 200 тыс. шотландцев, а в Речь Посполитую в начале того же века – 30-40 тыс.² Тем не менее уровень рождаемости в Шотландии тоже был высоким и численность населения росла.

В XVIII в. в Шотландии начинает серьезно развиваться статистика³. В 1755 г. Уэбстер проводит первую всеобщую негосударственную перепись Шотландии⁴. Считается, что он первый получил относительно точные данные, которые, однако, не были полностью опубликованы до 1952 г.⁵ По оценкам Уэбстера, население Шотландии в середине XVIII в. составляло 1 265 380 жителей⁶. Также большой вклад в развитие и оформление статистики как науки внес сэр Джон Синклер из Ульбстера, составивший «Статистическое описание Шотландии», известное сейчас как *Old Statistical Account* (1791–1799). В этот период население Шотландии составляло 1 526 492 человека⁷. Перепись Синклера, а до него Уэбстера, трудно назвать переписью в современном понимании этого термина, или «фотографическим снимком» населения, но для своего времени они имели ряд несомненных достоинств.

¹ Библиографию см. в: Landsman N.C. Nation, Migration, and the Province in the First British Empire: Scotland and the Americas, 1600-1800 // *The American Historical Review*. Vol. 104. № 2 (Apr., 1999). P. 463-475.

² Smout T.C., Landsman N.C., and Devine T.M. Scottish Emigration in the Early Modern Period // Canny N. (ed.) *Europeans on the Move: Studies on European Migration, 1500-1800*. Oxford, 1994. P. 76-112.

³ Подробнее см.: Королева М.В. О роли священников в становлении статистики и демографии в Шотландии // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. [Электронный ресурс] — М.: Издательство МГУ, 2009. Секция «Экономика». С. 36-38.

⁴ Account of the Number of People in Scotland in the Year 1755, частично опубликовано в *The Statistical Account of Scotland*. Edinburgh. Printed and sold by William Creech. Vol. XX, 1798. P. 587-621.

⁵ Kyd J.G. (ed.) *Scottish Population Statistics* // *Scottish History Society*. 3rd ser. Vol. XLIV, 1952.

⁶ Ibid. P. 81.

⁷ *The Statistical Account of Scotland*. Vol. XX. Edinburgh. William Creech, 1798. P. 621.

В XIX в. изучение численности и состава населения становится проще. С 1801 г. стали регулярно проводиться переписи населения, а с 1855 г. становится обязательной гражданская регистрация рождений, заключений браков и смертей.

В 1801 г. в стране прошла первая официальная перепись населения¹, которая показала, что по состоянию на 10 апреля население страны составляло 1 608 420 человек, что подтвердило данные всеобщей негосударственной переписи Дж. Синклера.

За XIX в. население Шотландии возросло значительно: с 1 608 420 человек в 1801 г. до 4 472 103 человек в 1901 г. Темп роста составил 1% в год, что является достаточно высоким уровнем. Необходимо отметить, что уровень рождаемости был еще выше, однако часть естественного прироста компенсировалась эмиграцией, уровень которой был высоким. В 1880 г. значение индекса брачной рождаемости (I_g) составляло около 0,733 от брачной рождаемости гуттеритов, однако к 1910 г. оно снизилось до 0,565² (см. табл. 3).

Несмотря на значительный рост, население Шотландии увеличивалось в среднем на два процентных пункта медленнее, чем в Англии и Ирландии, а эмиграция превосходила английскую на три процентных пункта. Причиной высокого уровня эмиграции (одной из самых высоких в Европе) послужили огораживания XVIII–XIX вв., суть которых наиболее емко выражена бардом Майри Макферсон: «*Far an robh mòran de dhaoine, 's ann a tha e 'n diugh fo chaoraich*»³. Помимо роста числа ферм, где разводили овец, существовали и другие экономические, политические, социальные и духовно-нравственные причины. Коэффициент эмиграции в 1881–1891 гг. составил 7,1‰, а в 1891–1900 гг. – 4,4‰. Более высокий коэффициент наблюдался в то время только в Норвегии и Ирландии (см. табл. 3). Это явилось отражением того факта, что в 1861–1913 гг. из Шотландии в Англию переселилось 450 тыс. человек, а 1,46

¹ Проект переписи был представлен в Парламент еще в 1753 г., однако Палата лордов отклонила его. Развернувшаяся дискуссия по поводу вышедшей анонимно в 1798 г. работы «Опыт о законе народонаселения» и желание определить потери Великобритании в ходе войн XVIII в. убедили членов Парламента в необходимости проведения переписи в 1801 г.

² Anderson Michael, Morse Donald J. High Fertility, High Emigration, Low Nuptiality: Adjustment Processes in Scotland's Demographic Experience, 1861-1914. Part I // *Population Studies*. Vol. 47. № 1 (Mar., 1993). P. 10.

³ «Та земля, где было много людей – ныне она для овец».

млн человек уехали в страны за пределами Европы¹. Как показано в работах ряда специалистов, миграционные потери каждого графства за период с 1861 г. по 1911 г. составили не меньше 13% от численности населения, однако они полностью компенсировались высокой рождаемостью². П.П. Звидриньш также указывал на значительный отрицательный механический прирост населения Шотландии за период с 1851 по 1971 г.³ и на более низкие темпы роста населения страны в этот период⁴.

Таблица 1

Потери от эмиграции в Шотландии во 2-й половине XIX – начале XX в.⁵

Межпереписной период	Естественный прирост	Потери в результате эмиграции	Потери от эмиграции по отношению к естественному приросту (%)
1861–1871	414 726	117 002	28,3
1871–1881	468 883	93 328	19,9
1881–1891	507 492	217 418	42,8
1891–1901	499 812	53 356	10,7
1901–1911	542 843	254 042	46,8

Уровень брачности в Шотландии во второй половине XIX в. был очень низким. В 1861 г. 13,5% мужчин и 20,1% женщин в возрастном интервале 49-54 года никогда не вступали в брак (однако в некоторых графствах этот показатель составлял примерно 35%). Значения показателей были достаточно стабильными, и в 1911 г. они составляли 16,0% и 20,8% для мужчин и женщин соответственно, что превышало уровень Англии и Уэльса в среднем на три процентных пункта для мужчин и семь процентных пунктов для женщин⁶.

¹ Anderson Michael, Morse Donald J. High Fertility... Part I. P. 8-10.

² Anderson Michael, Morse Donald J. High Fertility, High Emigration, Low Nuptiality: Adjustment Processes in Scotland's Demographic Experience, 1861-1914. Part II // *Population Studies*. Vol. 47. № 2 (Jul., 1993). P. 324. Также см. об этом в кн.: Coale A.J., and Watkins S.C. (eds.) *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton. Princeton University Press, 1986.

³ Звидриньш П.П. Население Великобритании. – М.: Статистика, 1977. С. 58.

⁴ Ibid. С. 44.

⁵ Census 1911. Report Twelfth Decennial Census of Scotland. Vol. II. Edinburgh. Printed by Frank & Edward Murray, the Edinburgh Press, 1913. P. xxii.

⁶ Anderson Michael, Morse Donald J. High Fertility... Part I. P. 8.

Общий коэффициент смертности примерно соответствовал общему коэффициенту по всей Великобритании, а коэффициент младенческой смертности даже был значительно ниже (в 1870-72 гг. в Великобритании он составил 150‰, а в Шотландии 126‰, в 1900-02 гг. – 142‰ и 124‰, а в 1910-12 гг. – 110‰ и 109‰ соответственно)¹.

Уровень урбанизации в стране был достаточно высоким, а ее темпы – самыми большими в Европе. Уже на начало XIX в. 17% всего населения проживало в городах, а к концу века процесс урбанизации завершился, так как около 70% всех жителей проживало в городах (см. табл. 2).

Таблица 2

Число городских жителей в Шотландии в конце XV – начале XX в. в процентах от всего населения страны²

Год	Процент городских жителей	Год	Процент городских жителей
1500	2	1800	17
1600	3	1881	46
1700	5	1891	50
1750	9	1901	55

Вышеописанные процессы во многом объясняются экономическими причинами. В северных шотландских графствах, где уровень брачности был самым низким, количество сфер занятости, позволявших поддерживать требуемый уровень жизни супружеских пар с детьми, постоянно сокращалось. Люди зависели от доступа к земле, который в XIX в. был сильно ограничен в связи со снижением смертности и увеличением продолжительности жизни. Браки откладывались. Например, мужчина или женщина

¹ Звидриньш П.П. Там же. С. 163.

² Данные по 1800 г. взяты из Houston Robert A. and Whyte Ian D. Ibid. P. 6. Они включали города с населением более 10 тыс. жителей. Данные для 1881-1891 гг. взяты из Tenth Decennial Census of the Population of Scotland, taken 5th April 1891, with Report. Vol. I. Edinburgh. Neilland and Co., 1892. P. 133–161. (Далее Census 1891). Данные для 1901 г. взяты из Eleventh Decennial Census of the Population of Scotland, taken 31st March 1901, with Report. Vol. I. Glasgow. James Hedderwich & Sons, 1902. P. 206-214. (Далее Census 1901). Расчеты для периода 1881–1901 гг. проведены авторами; в них включены города с населением более 10 тыс. жителей. Для городов с населением от 2 тыс. жителей процент следующий: 1881 г. – 62%, 1891 г. – 65%, 1901 г. – 70% (данные взяты из Census 1891. P. xviii;³ Anderson Michael, Morse Donald J. High Fertility... Part II. P. 323).

могли не создавать семью, если нанимались на временную работу в рыболовстве или сельском хозяйстве. Это, в свою очередь, уменьшало среднее число членов семьи.

Несмотря на то, что процесс депопуляции в северо-западных графствах начался еще в XVIII в.³ из-за огораживаний, вклад этих графств в увеличение численности населения весьма значителен, так как у галлоязычного населения в силу его географической и культурной изоляции снижение рождаемости началось позже. Однако в этих графствах уровень брачной рождаемости также был крайне низким, а возраст вступления в брак был выше среднего по стране.

В отличие от северных графств, где высокая брачная рождаемость присутствовала на фоне позднего вступления в брак, в пограничных с Англией районах была самая низкая рождаемость во всем Соединенном Королевстве: к 1911 г. средний возраст вступления в брак возрос на три года и приблизился к 27 годам, а число лиц, никогда не вступавших в брак, также увеличилось¹. Низкий уровень рождаемости², возможно, был связан с высокой занятостью женского населения и, следовательно, с высокими издержками упущенных возможностей и более независимым положением жен по отношению к мужьям.

В центральных графствах Шотландии во второй половине XIX в. возраст вступления в брак продолжал оставаться низким, а уровень брачности высоким. Также эти динамичные и наиболее индустриально развитые регионы привлекали к себе мигрантов из всех остальных областей страны – заработок в них был наиболее значительным. Высокий уровень рождаемости связан с экономической специализацией региона не на текстильной промышленности, а на добыче полезных ископаемых и их обработке, что позволило привлечь в регион мужчин³, которым, когда их возможность заработать максимальна, содержать детей легче. В отличие от других областей, в центральных графствах мужчин было больше, чем женщин, поэтому браки заключались в

¹ Ibid. P. 328.

² Подробнее см. Ibid. P. 324.

³ Эта мысль подтверждается и в монографиях Haines M. *Fertility and Occupation: Population Patterns in Industrialisation*. NY. Academic Press, 1979 и Wrigley E.A. *Industrial Growth and Population Change*. Cambridge, Cambridge University Press, 1961.

более ранних возрастах, а слабая занятость женщин сделала издержки упущенных возможностей по воспитанию детей низкими.

Северо-восточные шотландские графства¹, в которых преобладало сельское хозяйство и рыболовство, также имели высокий уровень рождаемости и брачности. Высокий уровень рождаемости связан с потребностью в рабочей силе на фермах, однако если на рынке труда появлялся излишек работников, то он быстро исчезал из-за миграции в другие регионы.

Таким образом, можно утверждать, что во второй половине XIX – начале XX в. в Шотландии был низкий уровень брачности и высокий уровень брачной рождаемости и эмиграции. Также необходимо отметить, что межрегиональные различия были достаточно велики и устойчивы. Высокий уровень эмиграции и низкий уровень брачности был во многом связан еще и с тем, что при смене работодателя работник должен был переезжать в другое место. Часто работы поблизости не было, и обычно он переезжал с семьей². Положение усугублялось тем, что, согласно шотландским законам о бедных, ни один человек, который мог по состоянию здоровья работать, не мог рассчитывать на помощь общества. Вынужденная миграция влекла за собой неуверенность в будущем, и женщины старались не рожать до выявления возможных способов заработка, на которые семья могла рассчитывать в данной местности.

В середине XIX в. произошло значимое для страны событие – 30 марта 1851 г. была проведена религиозная перепись. В это воскресенье около 1,75 млн шотландцев пришли на церковную службу, что составило приблизительно 61% от всего населения страны. Показатели для Англии и Уэльса оказались значительно ниже (всего 40%), что явилось настоящим шоком для викторианской обществуности. Перепись также показала, что большинство шотландцев посетили службу не официальной Церкви Шотландии (всего треть от общего числа), а Независимой церкви Шотландии и Объединенной пресвитерианской церкви. Самая низкая посещаемость была зафиксирована в городских рабочих кварталах³.

¹ Более подробно о них см. Carter I.R. *Farm Life in North-East Scotland, 1840-1914: The Poor Man's Country*. Edinburgh. John Donald Publishers, 1979.

² Devine T.M. *Urbanization* // Devine T.M. and Mitchison R.M. (eds.). *People and Society in Scotland*. Vol. I. Edinburgh, 1988. P. 45-47.

³ Speck W.A. *A Concise History of Britain, 1707-1975*. Cambridge. Cambridge University Press, 1996. P. 60; перепись также показала, что по состоянию на

На рубеже XIX-XX вв. Шотландия находилась на более ранней стадии демографического перехода по сравнению с большинством стран Западной Европы, однако быстро их догоняла (см. табл. 3).

Таблица 3

Значения показателей брачной рождаемости и миграции в Европе в 1880-1910 гг.¹

	Индекс брачной рождаемости (I_g)			Эмиграция на 1000 человек	
	ок. 1880	ок. 1900	ок. 1910	1881-90	1891-1900
Франция	0,460	0,383	0,315	0,3	0,1
Бельгия	0,749	0,534	0,444	0,9	0,4
Англия и Уэльс	0,674	0,553	0,467	5,6	3,6
Дания	0,686	0,604	0,522	3,9	2,2
Швейцария	0,677	0,618	0,513	3,2	1,4
Шотландия	0,733	0,632	0,565	7,1	4,4
Швеция	0,700	0,652	–	7,0	4,1
Норвегия	0,752	0,701	–	9,5	4,5
Ирландия	0,706	0,707	0,708	14,2	8,9
Нидерланды	0,831	0,752	0,652	1,2	0,5

Быстрый рост населения Шотландии в XIX в. был обусловлен высоким уровнем рождаемости при относительно низком уровне смертности, что является характерной чертой первой стадии демографического перехода. Коэффициент естественного прироста достигает своего максимума в середине 1870-х гг., после чего, несмотря на отдельные всплески, его значение начинает снижаться. Во время первой мировой войны уровень рождаемости существенно снизился, и за исключением 1920-1921 гг. значение коэффициента естественного прироста не превышало 10‰, несмотря на то, что в 1920 г. был достигнут абсолютный максимум числа рождений (136 546). В 1920-1930 гг. общий коэффициент смертности менялся мало, а общий коэффициент рождаемости снижался (см. табл. 4).

1851 г. в Шотландии насчитывалось сорок религиозных объединений и сект (мормоны, кэмпбеллиты и др.), см.: Census of Great Britain. Religious Worship, and Education. Scotland. Report and Tables. London. Printed by George E. Eyre and William Spottiswoode, 1854. P. 2-3.

¹ Anderson Michael, Morse Donald J. High Fertility... Part I. P. 10.

За исключением самого тяжелого для Великобритании 1940 г., когда коэффициент естественного прироста упал до 2,81‰, его значение соответствовало довоенному уровню, а число рождений даже возросло. Это можно объяснить тем, что, во-первых, в брачный возраст вступали многочисленные поколения, родившиеся после Первой мировой войны, во-вторых, боевых действий на территории Шотландии не велось, и, в-третьих, тем, что от смерти при авианалете никто не был застрахован, поэтому у людей было желание оставить потомство.

Несмотря на все вышесказанное, часть рождений была отложена, и их реализация произошла в 1946-1947 гг., после чего общий коэффициент рождаемости снизился до уровня 17-19‰, оставаясь достаточным для сохранения естественного прироста.

Последний крупный всплеск рождаемости был в 1957-1969 гг., после чего общий коэффициент рождаемости начал быстро снижаться и приблизился к общему коэффициенту смертности. В 1976 г. была впервые зафиксирована естественная убыль населения, что ознаменовало завершение демографического перехода. Оба общих коэффициента продолжали снижаться, и коэффициент естественного прироста колебался в интервале от -1‰ до +1‰.

Общий коэффициент рождаемости (ОКР) снижался с 1976 г. до 2002 г., когда он достиг своего абсолютного минимума (10,14‰). В тот же год минимума достигло и абсолютное число рождений, составив 51 270 детей. В последние годы наблюдается рост ОКР, однако суммарный коэффициент рождаемости остается значительно ниже уровня простого воспроизводства.

Показатель общего коэффициента смертности (ОКС) не характеризуется сильными изменениями. В 1865 г. он достиг максимума (23,58‰), после чего начал снижаться, хотя максимум абсолютного числа смертей (83 573) был в 1891 г. В первую мировую войну ОКС немного подрос, однако после ее завершения опустился до уровня 13-14‰, на котором и оставался весь период между мировыми войнами.

За исключением 1940-1941 гг., когда ОКС вырос до значения 15,03-15,06‰, война не оказала заметного влияния на уровень смертности. Сразу после ее завершения значение коэффициента снизилось до уровня 11-12‰, который сохранялся до последних лет, когда значение ОКС стало приблизительно 10,9‰.

Уровень брачности в Шотландии, как и во многих западноевропейских странах, является низким. С 1855 г. до конца

Таблица 4

Рождения и смерти в Шотландии с 1855 г.,¹ и до начала XXI в.²

Год	Количество рождений	Количество смертей	ОКР (‰)	ОКС (‰)
1855	93 349	62 004	31,35	20,82
1861	107 009	62 341	34,86	20,31
1871	116 128	74 712	34,47	22,18
1881	126 171	72 325	33,71	19,32
1891	125 986	83 573	31,21	20,71
1901	132 192	80 107	29,51	17,88
1911	121 850	71 732	25,65	15,10
1921	123 201	66 210	25,23	13,56
1931	92 220	64 229	19,04	13,26
1941	89 748	72 558	18,62	15,06
1951	90 639	65 778	17,76	12,89
1961	101 169	63 928	19,52	12,33
1971	86 728	61 614	16,57	11,77
1981	69 054	63 828	13,33	12,32
1991	67 024	61 041	13,19	12,01
2001	52 527	57 382	10,37	11,33
2002	51 270	58 103	10,14	11,49
2003	52 432	58 472	10,37	11,56
2004	53 957	56 187	10,62	11,06
2005	54 386	55 747	10,67	10,94
2006	55 690	55 093	10,88	10,77
2007	57 781	55 986	11,23	10,88
2008	60 041	55 700	11,62	10,78

первой мировой войны значения общего коэффициента брачности (ОКБ) колебались в интервале 6,5-7,5‰ (22 – 33 тыс. браков в год). После возвращения мужчин с войны число браков резко возросло – до 46 754 в 1920 г., а ОКБ составил 9,61‰.

В период между войнами уровень брачности снизился до традиционных для Шотландии значений (6,7-6,8‰), однако после 1933 г. наблюдался рост числа заключаемых браков. Вторая мировая война не остановила эту тенденцию. В самый тяжелый для

¹ Кроме 1941 г., когда перепись не проводилась. За этот год приводятся данные Управления записи актов гражданского состояния Шотландии.

² <http://www.gro-scotland.gov.uk/files1/stats/deaths-by-sex-1855-2007.xls>;
<http://www.gro-scotland.gov.uk/files1/stats/live-births-1855-2007.xls>, Scotland's Population 2008. The Registrar General's Annual Review of Demographic Trends. 154th Edition. Edinburgh: General Register Office for Scotland, 2009. P. 9-11.

Британских островов 1940 г. был достигнут абсолютный максимум числа заключенных браков (53 522); ОКБ также достиг своего максимума и составил 11,06‰. Это свидетельствует о том, что в этот период люди искали поддержки, которой им очень не хватало.

Завершение войны вновь ознаменовалось резким увеличением числа заключенных браков: в 1945 г. ОКБ составил 10,41‰. Тем не менее необходимо отметить, что уже в 1946 г. уровень брачности начал снижаться и больше не достигал таких высоких показателей. Несмотря на ряд всплесков уровня брачности, число заключаемых браков снижалось вплоть до 1991 г., когда ОКБ стабилизировался около отметки 6 браков на 1000 жителей.

Уровень брачности в Шотландии был низким, однако уровень разводимости был намного ниже уровня брачности. Вплоть до 1888 г. органы статистики регистрировали менее 100 случаев развода в год, а с 1942 г. их стало фиксироваться более 1000 в год.

Малое количество разводов до 1942 г. объясняется строгостью шотландского законодательства. Лишь в 1938 г. был принят Акт по Шотландии о допущении разводов в случаях антисоциального поведения, жестокости и раздельного проживания супругов, и, как следствие, после окончания Второй мировой войны наблюдается быстрое увеличение числа разводов. Эта тенденция также связана с тем, что Церковь стала терять свои позиции, и поэтому к поступкам, считавшимся ранее недопустимыми, в обществе стали относиться терпимее. Например, произошло увеличение числа совершенных аборт (с 6 на 100 живорождений в 1970 г. до 23 на 100 живорождений в 2002 г.) и рост числа внебрачных рождений (с 8 до 34 внебрачных рождений на 100 детей, родившихся в браке за 1970-1995 гг.)¹. В настоящий момент общий коэффициент разводимости колеблется около отметки 2,5‰².

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении является одним из важных показателей, характеризующих социально-демографическое развитие страны. В Шотландии в 1861

¹ Monnier A. La conjuncture démographique: l'Europe et les pays développés d'outre-mer // *Population (French Edition)*. 53e Année. № 5 (Sep.-Oct., 1998). P. 1012, 1016; Sardon J.-P., Robertson G.D. Recent demographic Trends in the Developed Countries // *Population (English Edition, 2002-)*. Vol. 59. № 2 (Mar.-Apr., 2004). P. 292, 306, 310. Расчеты по разводимости для периода 2000-2002 гг. проведены авторами.

² <http://www.gro-scotland.gov.uk/files1/stats/marriages-1855-2007.xls>;
<http://www.gro-scotland.gov.uk/files1/stats/divorces-1855-2007.xls>.

г. она составляла 40,3 лет для мужчин и 43,9 лет для женщин. На протяжении всего периода наблюдения она росла даже во время войн и в 2007 г. составила 74,8 лет для мужчин и 79,7 для женщин¹.

Статистика гэлоязычного населения Шотландии

В ранних источниках, посвященных путешествиям в Шотландию, только отмечалось существование гэльского языка, но не указывалось число его носителей и область распространения². Сами гэлы также не видели в этом необходимости, особенно в период расцвета гэльской культуры в средние века, и это неудивительно – ведь вопреки распространенному представлению гэльский был отнюдь не языком кучки «диких горцев», а сложным, многогранным языком с богатым понятийным аппаратом, способным охватить любые темы – от философии до медицины³, с развитой филологией⁴, с многообразием регистров и стилей. На гэльском говорили повсеместно во всех слоях общества – от земледельца до короля. Помимо различных разговорных вариантов гэльского в Шотландии, Ирландии и на острове Мэн, существовал еще и общий литературный язык, поддерживающий единое культурное пространство гэльского мира. В раннем средневековье гэльский мир на некоторое время стал для Европы центром христианского обучения, туда съезжались студенты из Англии, Италии, Франции и, чтобы приобрести знания, обучались гэльскому языку⁵.

Однако развитая гэльская культура, где в обществе большим уважением пользовались ученые и поэты, оказалась совершенно не готовой противостоять англизации сначала своих королей, а потом и знати. С новым языком и культурой в Шотландию пришла и новая социальная организация общества. Гэльские законы и порядки стали

¹ <http://www.gro-scotland.gov.uk/files1/stats/le-1861-2007.xls>

² См.: Hume Brown P. Early Travellers in Scotland. Edinburgh. David Douglas, 1891. P. 27, 74.

³ В средневековой Европе для написания медицинских трактатов использовалось всего четыре языка – латынь, греческий, гэльский и арабский.

⁴ Грамматика литературного гэльского (древнеирландского) была составлена еще в VII в., а первый этимологический словарь – в IX в.

⁵ О высоком уровне гэльской культуры в средние века см. подробнее у Newton M. A Handbook of the Scottish Gaelic World. Dublin. Four Courts Press, 2000. P. 226-230. Также см.: Williams J.E. Caerwyn, Ford P.K. The Irish Literary Tradition. Cardiff. University of Wales Press, 1992. P. 67, 88, 91.

целенаправленно подавляться, хотя знания и традиции, а также родовой уклад сохранялись и поддерживались еще некоторое время на Гебридских островах гэльской знатью. Но впоследствии по гэльской культуре и языку был нанесен еще один существенный удар – Реформация. Часть родовитых гэлов предпочла сохранить верность католицизму и оказалась в еще более тяжком положении. К XVII в. статус гэльского окончательно перестал ассоциироваться со светской и церковной властью. Язык был оттеснен в горы и на острова и замкнут в условное культурно-изолированное пространство *Gàidhealtachd* в противоположность враждебной и наступающей с юга англо-нормандской культуре *Galldachd*¹. Гэлы, ставшие в большинстве своем билингвами, начали избегать гэльской речи в присутствии англичан. Уделом гэльского теперь остался лишь крестьянский быт, пересказ легенд, сказок и сочинение песен в минуты досуга. Именно эту часть гэльской культуры и обнаружили фольклористы, которые, вдохновленные идеями Руссо о «благородном дикаре» и поэмами Оссиана, в XVIII и XIX вв. открыли англоязычному миру устное гэльское народнопоэтическое творчество.

Опираясь на источники, мы можем очертить границы области *Gàidhealtachd* не ранее, чем для 1698 г.², когда она включала в себя графства Горной Шотландии, большую часть Кейтнесса, Наирна и Перта, а также частично Банф, Абердин, Стерлинг, Дунбартон и Морей. Численность жителей этой области, говоривших по-гэльски, была впервые оценена А. Уэбстером в 1755 г.

Дж. Уокер, совершивший в 1760-1770 гг. несколько путешествий в Горную Шотландию и на Гебридские острова и собравший ценные сведения о гэльском населении этих регионов, предложил свой критерий отнесения какого-либо прихода к гэлоговорящему: приход являлся гэлоговорящим, если в нем говорили на гэльском или произносили проповеди на этом языке. По его подсчетам, в 1755 г. 289 798 человек, проживавших в 130

¹ Подобное четкое разграничение понятий на «гэльский мир Горной Шотландии» и «английский мир Равнинной Шотландии» не встречается в гэльских источниках ранее XVII в. Термины соотносимы с английскими *Highlands* и *Lowlands*, но их значение шире чисто географического.

² Withers C.W.J. The Highland Parishes in 1698: An Examination of Sources for the Definition of the Gaidhealtachd // *Scottish Studies*. 24, 1980. P. 63-88.

приходах в Шотландии и в 30 приходах на Гебридских островах, говорили по-гэльски¹, а в 1769 г. – 311 636 человек².

Второе издание книги Селкирка дает данные о числе гэлогворящих в 1806 г.³ Он относил округ к гэлогворящему, если в нем гэльский язык использовался в качестве повседневного. Согласно его данным в начале XIX в. наблюдалось снижение абсолютного числа гэлязычных до 297 823 человек, и их доля по отношению ко всему населению Шотландии снизилась до 18,5 % (см. табл. 5).

Ко всем вышеперечисленным оценкам необходимо подходить крайне осторожно, так как при этом не учитывались ни гэлогворящие вне границ области *Gàidhealtachd*, ни билингвы внутри нее.

Дж.А.Г. Мюррей определил гэлязычные регионы как области, в которых «по-гэльски говорят любые местные жители, вне зависимости от того факта, что по-английски может говорить большинство»⁴. Э.Дж. Равенштейн отмечал только те приходы, «в которых гэльский язык по-прежнему оставался языком большинства»⁵. Он также различал приходы, в которых по-гэльски говорило большинство населения, и приходы, в которых по-гэльски говорило от 25 до 50% населения.

Официальную статистику по гэлогворящим начинают вести с 1881 г. В перепись 1881 г. попали только те жители, которые говорили по-гэльски в повседневной жизни⁶. Их число составило 231 594 (6,2% от всего населения). Начиная с переписи 1891 г. стали учитывать не только гэлогворящих монолингвов, но и билингвов⁷.

¹ Walker J. An Economical History of the Hebrides and Highlands. London. Printed for Longman, Hurst, Rees and Orme, 1812. P. 24, 28.

² Ibid. P. 23, 28.

³ Selkirk, 5th Earl. Observations on the Present State of the Highlands of Scotland, with a View of the Causes and Probable Consequences of Emigration. London. Printed for Longman, Hurst, Rees, and Orme, Paternoster-Row; and A. Constable and Co., Edinburgh; By R. Taylor and Co., 1805. App. 5. P. lvi-lxi.

⁴ Murray J.A.H. The Dialect of the Southern Counties of Scotland // *Transactions of the Philological Society*, 1870-2. P. 232.

⁵ Ravenstein E.G. On the Celtic Languages in the British Isles: a Statistical Survey // *Journal of the Statistical Society of London*. Vol. 42. No. 3 (Sep., 1879). P. 592.

⁶ Ninth Decennial Census of the Population of Scotland, taken 4th April 1881, with Report. Vol. I. Edinburgh. Printed by Neill and Company for her Majesty's stationery office, 1882. P. xxi. (Далее Census 1881).

⁷ Census 1891. P. xxi.

С 1901 г. в перепись вносятся только гэлоговорящие старше трех лет.

В XIX в. постоянная миграция с северо-запада Шотландии и с Гебридских островов существенно снизила число гэлоговорящих в этих районах и увеличила их число в Равнинной Шотландии (25,24% всех гэлоговорящих в 1881 г., 25,27% – в 1931 г., 26,90% – в 1961 г., 43,42% – в 1971 г.¹).

В 1971 г. число гэлоязычных жителей Шотландии распределилось преимущественно между тремя регионами: Гебридские острова (23 511 человек, или 26,45%), Горная Шотландия (26 680, или 30,01%) и Стратклайд (30 805 человек, или 34,65%).

До 1971 г. в переписи учитывались только те люди, которые могли говорить по-гэльски и по-английски. В 1971 г. в переписи появились вопросы о чтении и письме по-гэльски, а в 2001 г. был добавлен вопрос о понимании гэльской речи. Эти изменения тесно связаны с новым направлением государственной политики в Шотландии по сохранению гэльского языка. На поддержание и развитие гэльского образования правительством были выделены крупные суммы. Гэльская культура стала понемногу возрождаться. Гэльский утвердили официальным языком Шотландского Парламента, а в 2005 г. – официальным языком Шотландии наравне с английским языком.

Несмотря на предпринятые усилия, перепись, прошедшая 29 апреля 2001 г., показала, что негативную тенденцию снижения доли гэлоговорящих в общем населении Шотландии побороть не удастся. Если сравнить данные 1991 и 2001 гг., то можно отметить, что число лиц, которые говорят и/или пишут и/или читают по-гэльски, снизилось с 69 510 человек до 65 674, а их доля в общем населении Шотландии снизилась с 1,45% до 1,34%², хотя итоговое число гэлоязычных жителей Шотландии увеличилось.

В отчете Управления записи актов гражданского состояния Шотландии, основанном на данных переписи и посвященном гэльскому языку, отмечается, что увеличение численности гэлоязычных произошло лишь потому, что в переписи 2001 г. в

¹ Thomson D.S. (ed.) The Companion to Gaelic Scotland. Oxford. Blackwell, 1983. P. 111.

² Gaelic Report. Edinburgh. General Register Office for Scotland, 2005. Table 4. <http://www.gro-scotland.gov.uk/files/gaelic-rep-english-tables.xls>

число людей, имеющих какие-либо навыки в гэльском языке, попали и лица, понимающие его. По данным на середину 2001 г. 93 282 жителей Шотландии имели хотя бы один из вышеперечисленных навыков¹.

Таблица 5
Число гэлговорящих жителей Шотландии с 1769 г. по 2001 г.²

Источник	Население	Число моно-лингвов	Доля по отношению ко всему населению	Число би-лингвов	Доля по отношению ко всему населению
Дж. Уокер	1 265 380 ³	289 798	22,9		
Селкирк	1 608 420 ⁴	297 823	18,5		
17.05.1811 ⁵	1 805 864				
28.05.1821	2 091 521				
22.05.1831	2 364 386				
07.06.1841	2 620 184				
31.03.1851	2 888 742				
08.04.1861	3 062 294				
03.04.1871	3 360 018				
04.04.1881	3 735 573	231 594	6,2		
05.04.1891	4 025 647	43 738	1,1	210 677	5,2
31.03.1901	4 472 103	28 106 ⁶	0,6	202 700	4,5
02.04.1911	4 760 904	18 400	0,4	183 998	3,9
19.06.1921	4 573 471	9 829	0,2	148 950	3,3
26.04.1931	4 588 909	6 716	0,1	129 419	2,8
08.04.1951	5 096 415	2 178	0,04	93 269	1,8
23.04.1961	5 179 344	974	0,01	80 004	1,5
25.04.1971	5 228 965	477	0,009	88 415	1,7
05.04.1981	5 035 315	-	-	82 620 ⁷	1,6
21.04.1991	5 102 400	-	-	65 978	1,4
30.04.2001	5 062 011	-	-	93 282 ⁸	1,8

¹ Gaelic Report. Edinburgh. General Register Office for Scotland, 2005. Table 2A.

² Для составления таблицы авторами были использованы данные: Census 1881. P. xviii; Thomson D.S. (ed.) Ibid. P. 111; www.geo.ed.ac.uk/home/scotland/pop.html; Gaelic Report. Edinburgh. General Register Office for Scotland, 2005. Table 4.

³ Уокер использовал данные А. Уэбстера (1755 г.).

⁴ Селкирк использовал данные переписи 10.04.1801 г.

⁵ Далее указаны даты проведения переписей. Контрольная точка переписей – состояние на 00 ч. 00 мин.

⁶ С 1901 г. учитываются только жители старше трех лет, говорящие по-гэльски.

⁷ С 1981 г. учитываются люди, имеющие хотя бы один навык из перечисленных: говорение, чтение, письмо.

⁸ С 2001 г. учитывается также *понимание* гэльского.

По числу гэлгоговорящих Шотландию начала XXI в. можно разделить на шесть регионов: Гебридские острова (18 423 человека, или 71,6% всего населения региона), Скай и Лохалш (5095 человек, или 43,3% всего населения региона), Горная Шотландия (13 268 человек, или 7% всего населения региона), графства Аргайл и Бьют (6515 человек, или 7,3% всего населения региона), другие традиционные территории распространения гэльского языка¹ (1138 человек, или 4,5% всего населения данных территорий) и остальная часть Шотландии (47 957 человек, или 1,1% всего остального населения)². Особенно хотелось бы отметить, что, несмотря на общее снижение числа гэлгоговорящих в Шотландии, их численность вне традиционных мест распространения гэльского языка возросла вдвое.

Если взглянуть на структуру гэлгоговорящего населения в 2001 г. с точки зрения распределения по возрасту, то мы увидим, что, несмотря на то, что средний возраст гэлгоговорящего населения снизился с 1991 г. на 5,7 лет и составил 40,2 лет³, дети в возрасте до 19 лет составляли лишь 16,5% от всего гэлгоговорящего населения, значительно уступая старикам, доля которых составила 22,1%, тогда как доля детей во всем населении Шотландии составила 21,7%, а стариков – 18,6%⁴. Это можно объяснить рядом причин. Во-первых, молодежь не стремится учить язык. Во-вторых, старики в свое время имели больше возможностей для изучения гэльского языка, потому что родились, когда он был более распространен. Если мы рассмотрим распределение гэлгоязычного населения по полу, то женщины будут немного преобладать: они составляют 52% от всех гэлгоязычных, или 48 472 человека.⁵

¹ Север графства Эршир, а также северные округа графств Перт и Кинросс и графства Стерлинг.

² Gaelic Report. Edinburgh. General Register Office for Scotland, 2005. Table 2B. Расчет доли гэлгоговорящих проведен авторами.

³ Gaelic Report. Edinburgh. General Register Office for Scotland, 2005. Table 8.

⁴ Рассчитано авторами по: 2001 Population Report. Scotland. Edinburgh. General Register Office for Scotland, 2002. P. 7.

⁵ Gaelic Report. Edinburgh. General Register Office for Scotland, 2005. Table 4.

Заключение

Последние 300 лет Шотландия является национальным регионом Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Одним из самых серьезных политических последствий Унии 1707 г. стала массовая англизация гэльского населения, которая выразилась прежде всего в разрушении традиционного для гэлов уклада жизни и запрете гэльского языка и гэльской культуры во второй половине XVIII в.

Начало эпохи промышленного переворота только усилило негативные тенденции. Несмотря на то, что уровень рождаемости был высоким, доля гэлоразличного населения в местах традиционного распространения гэльского языка снижалась как за счет этнической ассимиляции, так и непрекращающейся эмиграции. Стали возникать гэльские общины в других странах – Канаде, США, Аргентине, Австралии.

Длительная англизация гэльского населения привела к тому, что у людей изменилось самосознание и весь уклад жизни. Последним прибежищем самосознания гэла остался язык. Однако будущее гэльского языка в Шотландии неясно. Многие делают для его возрождения, но большинство людей не видит перспектив применения гэльского, и молодежь почти не учит его. Что неудивительно, так как прагматизм – одна из характерных черт английского мировидения. Сами того не сознавая, шотландцы теряют шотландский взгляд на мир.

Пример маленькой Шотландии помогает поднять непростой вопрос этнической и национальной безопасности. Не секрет, что этнос – во многом категория мышления и культуры. Ученые для определения этнических границ используют только два критерия: самосознание и язык. Глобализация и политика глобализации несомненно ставят под угрозу многие мировоззренческие и культурные категории мышления отдельных наций, их самобытность, подменяя их не проверенными временем обобщенными моральными ценностями и идеей толерантности. Меняется не просто мышление людей, но и их этническая, национальная идентичность и самосознание. Стирается грань между «своим» и «чужим», организм нации становится открытым для восприятия любых этнически чужеродных ценностей. Единственной защитой этнического самосознания и самосознания нации может послужить сохранение языка и культуры. С потерей языка утрачивается и право на родную землю.

На взгляд авторов, именно сохранение языка должно стать приоритетной областью этнодемографической политики России. Этнодемографическое изучение гэльского этноса позволяет лишний раз задуматься о том, как незаметно и необратимо иногда проходит ассимиляция, а также о том, как может целенаправленно разрушаться этническое единство и какие удары по этносу являются наиболее серьезными и даже смертельными.

Подобное этнодемографическое исследование применительно к России (как и к другим странам) также может позволить узнать, сколько людей являются русскими не на генетическом уровне, а на уровне самосознания, и понять, на какое число людей может опираться государство при проведении внешней политики. Эти данные могут быть использованы и для разработки эффективной политики репатриации. Также знание этнического состава населения на уровне самосознания позволит более эффективно разрабатывать и реализовывать демографическую политику, учитывающую особенности данного населения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Данилова И.А., зав. сектором лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ

Денисенко Михаил Борисович, зав. кафедрой демографии ГУ—ВШЭ

Денисов Б.П., старший научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ

Дорофеева Д.Ю., сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ

Королева М.В., младший научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ

Мостахова Т.С., Комитет по делам семьи и детства при Президенте Республики Саха (Якутия)

Мукомель В.И., зав. сектором Института социально-политических исследований РАН

Савоскул М.С., ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ

Синица А.Л., младший научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ

Хараева О.А., научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ

Хосе Альберто Магно де Карвальо - Факультет демографии и Центр регионального развития и планирования Федерального университета Минас-Жерайс, Бразилия

Чарльз Х. Вуд - Центр латино-американских исследований, Университет Флориды, Гейнсвил, Флорида, США